

Т. А. ЖДАНКО

КАРАКАЛПАКИ ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА

(МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАРАКАЛПАКСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР
1945—1948 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Каракалпаки (самоназвание — каракалпак, каралпак, калпак) являются основной национальностью Кара-Калпакской АССР, занимающей обширную территорию (159, 6 тыс. кв. км) северной части Хорезмского оазиса и прилегающих к нему степных и пустынных областей южного Приаралья; этнический состав и история культуры К.-К. АССР уже в течение ряда лет представляют объект исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, возглавляемой С. П. Толстовым.

Численность каракалпаков на территории К.-К. АССР (по данным переписи 1926 г.) — 116 125 чел., что составляет около 38,1% всего населения республики. Наряду с каракалпаками значительную часть населения — 28,2% — составляют казахи и 27,6% узбеки.

В пределах республики каракалпаки населяют главным образом районы, расположенные в дельте Аму-дарьи: Чимбайский, Кегейлинский, Куйбышевский, Муйнакский, Кара-узаякский; менее компактно, смешанно с узбеками и казахами, живут каракалпаки в Кунградском, Ходжейлинском, Тахтакупырском районах; наконец, они составляют лишь незначительное меньшинство в южных районах республики — Турткульском, Шаббазском и Кипчакском. В Ташаузской области Туркменской ССР числится около 1600 каракалпаков; за пределами Хорезма они выявлены переписью 1926 г. в Узбекской ССР (26 563 чел. — в Бухарской области и Ферганской долине) и в Казахстане (главным образом в Уральской области). Общее число каракалпаков в СССР, по данным переписи 1926 г., — 146 317 чел.

До Октябрьской революции каракалпаки не имели национально-территориального и политического единства: основная масса их, населявшая северный Хорезм, была искусственно разделена административными границами царизма между Хивинским ханством, находившимся в вассальных отношениях к России (на левом берегу нижней Аму-дарьи), и Аму-дарьинским отделом Сыр-дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства (на правом берегу).

В 1925 г., в итоге национально-государственного размежевания Средней Азии, была образована Кара-Калпакская автономная область, вошедшая в состав Казахской АССР; в 1932 г. она была преобразована в Кара-Калпакскую АССР, которая входила непосредственно в состав РСФСР. С 1936 г. К.-К. АССР входит в состав Узбекской ССР.

Дореволюционная историческая и этнографическая литература очень скудно и поверхностно освещала хозяйство и быт немногочисленного каракалпакского народа, живущего на отдаленных окраинах страны, затерянного среди огромных среднеазиатских пустынь, на труднодоступных пространствах дельты Аму-дарьи, изоборуженных сложной сетью протоков, необозримых камышовых и тугайных зарослей, болот и озер.

Лишь в годы советской власти, после Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей и возродившей каракалпакский народ от векового гнета ханов и колониального режима царизма, поставлен был вопрос о сводке имеющихся в литературе сведений относительно каракалпаков, о необходимости привлечения новых источников и материалов и создания обобщающих трудов по их истории и этнографии.

В свете новых исследований советских ученых все более отчетливо вырисовывается картина процесса исторического развития каракалпакского народа и его культуры, корни которой уходят в глубокую древность и связаны с племенами, издавна обитавшими в степях Приаралья и низовьях великих среднеазиатских рек — Сыр-дарьи и Аму-дарьи.

Несмотря на немногочисленность выявленных до настоящего времени среднеазиатских и русских, касающихся каракалпаков, нарративов, — наиболее ранние из них восходят к XVI в., — сведения их дают основание говорить о значительной роли каракалпакского народа в исторических событиях, происходивших в XVI—XIX вв. в степях северного и южного Приаралья и северного Прикаспия. Каракалпаки принимали в этот период деятельное участие в политической и этнокультурной жизни среднеазиатских ханств, в особенности Хивинского и Бухарского, а также казахских «орд» — жузов и живших в пределах России народов Приуралья и Поволжья (ногайцев, балкир, калмыков).

Неоспоримо велика была роль каракалпакского народа в экономическом и культурном развитии Средней Азии. В течение XVI—XIX вв. каракалпаки освоили путем строительства оросительных систем и внедрения земледельческой культуры три обширные области на пустынных, частью заболоченных пространствах

южного Приаралья: нижнего течения Сыр-дарьи, бассейна Жаны-дарьи и дельты Аму-дарьи.

Существует мнение, что каракалпаки — исконные кочевники-скотоводы, в хозяйстве которых земледелие лишь к XIX в. начинает играть значительную роль¹. Однако многие археологические, этнографические и исторические данные говорят о глубокой древности земледельческих традиций и о характерном для этого народа уже на самых ранних этапах его формирования к о м п л е к с н о м типе хозяйства, сочетающем скотоводство с земледелием и рыболовством. Для каракалпакского земледелия было характерно искусное использование так называемых «каирных», влажных земель островов и пойм в дельтах больших среднеазиатских рек, дна осушенных или высохших озер, а также многочисленных речных протоков, русла которых укреплялись дамбами и служили оросительными каналами, наряду с отведенными от них при помощи плотин искусственными каналами («жаб»). Эти специфические формы земледелия и ирригации, сложившиеся в основном в южном Приаралье, при массовых переселениях каракалпаков переносились ими в другие районы Средней Азии. Так, например, каракалпаки, пришедшие с Сыр-дарьи в XVIII в. (под давлением джунгар, завоевавших их земли) в долину Зеравшана, поселились в местности, изобилующей озерами и болотами, и быстро освоили эти неудобные земли, используя многовековые навыки, приобретенные на родине в сходной природной обстановке. Озера и заболоченные пространства были осушены отводными каналами, и на месте разливов и камышей появились бахчи и поля, засеянные просом, джугарой и рисом².

Еще недостаточно изучена, но не вызывает сомнения большая роль каракалпаков и в истории культуры народов Средней Азии.

В определенные исторические эпохи отдельные группы каракалпакского народа занимали земли в пределах Восточной Европы, Средней Азии и Сибири. Тесные взаимоотношения с населением этих территорий и передвижения отдельных групп каракалпаков на северо-западном от Приаралья направлении обусловили своеобразие каракалпакской культуры, выделяющейся рядом специфических черт по сравнению с культурой других тюркских народов Средней Азии.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ КАРАКАЛПАКОВ

Скудость письменных источников, отсутствие у каракалпаков собственной историографии придают археологическим и этнографическим исследованиям особое важное значение в деле восстановления истории каракалпакского народа.

¹ См. например, «История народов Узбекистана», т. 2. Изд. АН Узб. ССР, Ташкент, 1947, стр. 185.

² См. А. Д. Гребенкин. Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», т. 2, 1872, стр. 96—97.

Этнография — отрасль исторической науки, изучающая проблемы происхождения народов, восстанавливающая историю их расселений и передвижений, исследующая культурно-исторические взаимоотношения с другими народами, развитие и становление культурно-бытовых особенностей каждого народа (материальная культура, общественная организация, семейно-бытовой уклад, верования, народное искусство и пр.). Этнографические материалы обогащают и дополняют скудные, подчас односторонние данные нарративных источников о каракалпаках, проливают свет на не вполне еще разрешенную проблему их этногенеза и основные этапы исторического развития. И, наконец, они позволяют выявить те качественные различия, ту специфику культуры, которая принадлежит только каракалпам и которой нет у других, больших и малых наций, — особенности, являющиеся, по словам И. В. Сталина, «тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет её, обогащает её»¹.

Первое достоверное известие о каракалпаках относится к 1598 г.: они упоминаются в одном из документов, подписанных бухарским ханом Абдуллоей (1583—1598) при перечислении кочевых и полукочевых народностей, населявших окрестности Сыгнака в низовьях р. Сыр-дарья².

Как в этом сыгнакском документе XVI в., так и в среднеазиатских и русских письменных источниках XVII в. отсутствуют какие бы то ни было данные этнографического характера. В них засвидетельствовано лишь участие каракалпаков в различных политических событиях и есть указания на места их обитания. Разумеется, и эти сведения имеют большой интерес для этнографии, в частности — для решения вопросов, связанных с позднейшими этапами этногенеза каракалпаков.

Неоднократно указывая на низовья Сыр-дарьи как на основной район расселения каракалпаков, источники XVII в. говорят и о других местах обитания отдельных групп этого народа. Так, часть каракалпаков кочевала вместе с казахами и ногаями между Самарой, Янком, Эмбой и Юргенчем³, т. е. в непосредственном соприкосновении с народами юго-восточной Европы, другая же часть тяготела к Средней Азии, находясь в сфере влияния Бухары или даже непосредственно «в бухарских улусах»⁴.

¹ И. В. Сталин. Речь на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года, «Большая печать», 1948, № 7, стр. 2.

² Документ переведен и опубликован П. П. Ивановым в его «Очерке истории каракалпаков»; см. сб. «Материалы по истории каракалпаков». «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1935, стр. 34—35.

³ Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических сношений с Персией, т. II, стр. 168—169; см. также «Акты исторические», изд. Археогр. комиссии, т. III, СПб., 1841, стр. 421.

⁴ См. отрывки из «Тезкере-и-Муким-хани» Мухаммед-Юсуфа Мунши, переведенные П. П. Ивановым в «Очерке истории каракалпаков» (сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 38—39), а также А. Н. Г р у з о в о в. Наказ Борису и Семену Пазухинным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г. «Русская историч. библиотека», 1894, т. 15.

Первые сообщения о поселениях каракалпаков в Хорезме (местность Ак-якыш, в восточной части дельты Аму-дарьи) содержатся в хивинских хрониках Муниса и Агехи и связаны с описанием событий начала XVIII в.¹ Впрочем, как мы увидим ниже, археологические и этнографические материалы дают основание предполагать значительно более глубокую давность обитания некоторых каракалпакских племен в низовьях Аму-дарьи.

К концу XVII — первой четверти XVIII в. относится более значительное число русских документов, упоминающих каракалпаков, что было вызвано политикой Петра I, который строил планы через казахстанские степи и Среднюю Азию проникнуть к сказочным богатствам Индии. В 1694 г. Петр направил посольство Скибина и Трошина к казахскому Тауке-хану, которому были подвластны в тот период и каракалпаки. В 1696 г. указом царя предписано было, на основании допроса побывавших в Бухаре и Хиве «Скибина с товарищами», «учинить чертеж», т. е. составить карту изученных русскими послами местностей, в результате чего в географическом атласе «Чертежная книга Сибири» (законченном к 1701 г. Семеном Ремезовым) впервые в истории картографии появилось обозначение территории (в низовьях Сыр-дарьи), населенной каракалпаками.

Ряд исторических документов, ближе касающихся этнографии каракалпаков, относится к 30-м годам XVIII в. и связан с началом экспансии России в Казахстане. В 1731 г. русское правительство направило в «Малую Орду» к казахскому хану Абулхаиру для переговоров о подданстве России переводчика Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелева. Донесения Тевкелева дают много сведений о каракалпаках, в этот период подчинившихся Абулхаир-хану. Эти документы говорят о местах кочевой и образе жизни каракалпаков. Так, в проекте обер-секретаря сената П. Кириллова «о построении города при устье реки Орь» (1734 г.), на основании сведений Тевкелева, указывается, что «каракалпакский народ имеет хлебопашество и родится у них довольно пшеницы, пшена, просы, ячменю, который хлеб у них киргизкайсаки на бараны и другой скот меняют, также обращаются в рукодельстве и купечестве...»².

Однако наиболее важным для этнографии каракалпаков источником первой половины XVIII в., впервые освещающим некоторые детали их социального строя и материальной культуры, являются документы, связанные с «миссией», во главе с Дмитрием Гладышевым направленной в 1740 г. русским правительством к вступившему в подданство России Абулхаир-хану казахскому, ставка которого находилась в то время в подвластном ему «каракалпакском владении» близ Кувандарьи. В приложении к показаниям сопровождавшего Гладышева геодезиста

¹ Отрывки из хроник опубликованы в переводе и обработке П. П. Иванова и других в сб. «Материалы по истории каракалпаков», а также в сб. «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. II, изд. АН СССР, 1938.

² См. «Полное собрание законов Российской империи», т. IX, СПб., 1830, стр. 309 и сл.

Муравина имеется раздел «Опись каракалпакам», где подробно описывается их одежда, в особенности женский костюм и головной убор, а также способы ведения хозяйства. Впервые здесь характеризуются специфические черты каракалпакской техники земледелия (на легко орошаемых участках дельты и на каирных землях) и скотоводства (с преобладанием крупного рогатого скота). «Означенные каракалпаки живут по обе стороны Сыр-дарьи и Адам-аты и Куван-дарьи рек и близ оных рек на озерах и сеют в низких местах около оных рек и озер хлеб, пшеницу, ячмень, просу; земля песчаная с илом; и пахут на быках и на пашни из рек и озер напускают воду...» «Скотина у них — лошади, овцы, козы (против киргизских меньше), коровы. Верблюдов редкой имеет...» Тут же впервые мы встречаем описание каракалпакской арбы¹. Собирая рекогносцировочные сведения о вновь подчинившихся России народах, Гладышев достал у «толмача» (переводчика) Абулхаир-хана список всех народов, живущих в низовьях Сыр-дарьи и Аму-дарьи². В списке перечислялись основные роды каракалпаков и имена «правителей» этих родов — биев и батыров.

Присоединение Казахстана к России, образование Оренбургской губернии (1744 г.), разумеется, повысили интерес к населению Приаралья, что получило отражение в русской исторической литературе. В канцеляриях первых губернаторов Оренбургского края концентрировалась весьма интересная с этой точки зрения деловая переписка, послужившая источником для известных трудов П. Рычкова — «Топография Оренбургской губернии» и «История Оренбургская»³, в которых содержатся ценные историко-этнографические данные о каракалпаках (о передвижениях их в Средней Азии, связанных с политическими событиями XVIII в., об основных территориях расселения, о политическом и социальном строе, в частности родо-племенном делении и т. д.).

Русские посольства и путешественники, наблюдавшие каракалпаков в конце XVIII в. в бассейне Сыр-дарьи и Куван-дарьи, свидетельствуют, подобно Гладышеву, о земледелии как основном занятии каракалпаков, о полукочевом их быте, о жизни в юртах. Так, в дневнике Бекчурина (относящемся к 1780/81 г.) указывается при описании «каракалпакской земли», что каракалпаки «кочуют кибитками», «производят хлебопашество» и платят «дань хлебом» сыну казахского хана Абулхаира — Эрали-султану⁴.

¹ Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Географические известия Русского Географического общества, 1850, стр. 588—589.

² Там же, стр. 537—541.

³ П. Рычков. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1759, 2-е изд. Оренбург, 1896. Его же. Топография Оренбургской губернии. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1762, ч. I—VI, 2-е изд., Оренбург, 1887.

⁴ С. В. Жуковский. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 г. «Восточный сборник», изд. Об-ва русских ориенталистов, кн. II, СПб., 1916, стр. 273—340.

Однако в конце XVIII в. в низовьях Сыр-дарьи оставалась лишь незначительная часть каракалпаков. Основная масса их к тому времени переселилась к западу, в Хорезмский оазис, и была покорена хивинскими ханами. В исторических хрониках XIX в., составленных придворными историками хивинских ханов — Мунисом и Агехи¹, подробно описывается процесс постепенного подчинения Хивой каракалпаков, отдельные группы которых жили в Хорезме, по утверждению Муниса, уже в начале XVIII в.; другие, во главе со своей феодально-родовой знатью, добровольно вступили в подданство хивинским ханам, ища защиты от нападений казахов; наконец, главная часть, составлявшая самостоятельное каракалпакское владение в Жаны-дарьинском оазисе, по соседству с Хивинским ханством, была в 1811 г. насильственно присоединена к нему в результате завоевательных походов Мухаммед-Рахим-хана хивинского.

Значение «Хроник» не ограничивается заключенными в них историческими данными, ориентирующими исследователя в политической обстановке, характеризующими политических деятелей и пр. «Хроники» являются богатым источником материалов о родо-племенном делении каракалпаков, о взаимоотношениях этих племенных и родовых групп каракалпакского общества между собой, о земельных угодьях, предоставленных им хивинским правительством, о роли феодально-родовой знати — биев, батыров и духовенства в общественной жизни каракалпаков. Кроме сведений социально-экономического характера, составляющих основу для всякого этнографического исследования, хроники содержат и некоторые данные бытового характера — по вопросам семейного уклада, материальной культуры и др.

Еще более ценным источником для этнографа являются документы архива хивинских ханов XIX в., конфискованного при завоевании Хивы Россией в 1873 г., утерянного затем и лишь в 1936 г. обнаруженного покойным П. П. Ивановым в неописанных фондах Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.

«Хивинские хроники» и «Архив хивинских ханов XIX в.» являются главными источниками, с данными которых нам приходится сопоставлять и сверять сообщаемые стариками каракалпаками устные исторические предания, занимающие значительное место в наших этнографических материалах.

Первая половина XIX в. характеризуется множеством дипломатических и торговых посольств, научных и военных экспедиций из России в Среднюю Азию, в частности в Хивинское ханство, связанных с подготовкой царизма к завоеванию этих областей. Книжки, статьи и заметки, написанные участниками этих посольств и экспедиций, представляют большой интерес для этнографов, как наблюдения очевидцев, хотя собственно-этнографические данные в них зачастую сводятся лишь к внешним впечатлениям и освещают главным образом хозяйственный быт. Важно отметить, что сведения этого периода о занятиях каракалпаков, поселившихся в низовьях Аму-дарьи, указывают на полное сохранение ими комплексного типа хозяйства, сочетания земледелия со скотоводством и рыболовством и полукочевую

¹ См. сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 91—143.

быта. Таковы материалы, сообщаемые Гельмерсеном на основании показаний (1826 г.) русских пленников, долго живших в Хиве. По его словам, в Хивинском ханстве «каракалпаки обитают в богатых пашнями и лесом низменных местах, поля их дают обильную жатву», они имеют «больше рогатого скота», «едят очень много рыбы и в некоторых местах она служит им даже главной пищей»¹.

В 1842 г. русский дипломатический посол в Хиве Г. И. Данилевский отметил, что каракалпаки занимаются хлебопашеством, скотоводством и рыболовством и вместе с тем ведут «кочевую» (разумеется, при этих условиях — полукочевую. — Т. Ж.) жизнь. Сопутствовавший Данилевскому Базинер описал каракалпакское земледелие на кайрах, в местности между Устюртом и Лауданом: «Вся эта низменность ежегодно наводняется при половодье Аму-дарьи. Лишь только сбудет вода, каракалпаки принимаются за обработку увлажненной почвы, засевая ее преимущественно дынями, просом и ячменем»².

А. Бутаков, в 1859 г. наблюдавший быт каракалпаков близ протока Улькун-дарья, сообщает, что они занимаются «преимущественно земледелием и только для насущных потребностей скотоводством». Этот автор, кроме того, дает интересное описание особенностей каракалпакских земельных укреплений, где в большом количестве концентрировались их юрты во время туркменских набегов³.

Несмотря на несомненный интерес и ценность этнографических данных, вкрапленных в перечисленные нами источники, следует признать, что все они имеют случайный характер и не являются специальными этнографическими исследованиями среди каракалпаков. Первым таким исследованием можно считать рекогносцировку А. В. Каульбарса в низовьях и дельте Аму-дарьи в 1873 г.

После взятия Хивы русскими войсками летом 1873 г., главнокомандующий Кауфман направил на лодках в дельту Аму-дарьи небольшой рекогносцировочный отряд полковника Каульбарса для исследования судоходности протоков дельты.

Эта рекогносцировка охватила основные районы, населенные каракалпаками. Каульбарс после захода в Улькун-дарью прошел по Куваныш-джарме до Даукары, откуда уже сухопутными средствами доехал до Казалинска. На протяжении всего путешествия он проводил наблюдения над расселением и численностью народностей дельты. О районах, не охваченных маршрутом, он собирал расспросные сведения. Его книга «Низовья Аму-дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г.»⁴, и, в частности, содержащийся в ней первый подробный этнографический очерк каракалпаков до настоящего вре-

¹ Г. Гельмерсен. Хива в нынешнем своем состоянии. «Отечеств. записки», т. VIII, 1840, стр. 103, 108.

² Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства. «Записки Русск. геогр. об-ва», кн. V, 1851, стр. 92—93; «Путешествие Базинера через Киргизскую степь в Хиву». «Геогр. известия Русск. геогр. об-ва», 1849, вып. 4, стр. 163.

³ А. Бутаков. Дельта и устье реки Аму-Дарьи. «Отечеств. записки», 1866, январь стр. 134.

⁴ См. «Записки имп. Русск. геогр. об-ва по общей географии», т. IX, 1881.

мени не потеряли научного значения. Каульбарс дает точные сведения о родоплеменном составе каракалпаков, об их занятиях, типах поселений. Характеризуя так называемых «кочевых» каракалпаков в некоторых районах дельты, он указывает на ограниченность их перекочевок, расстояние которых иногда не превышает 250 саж. Подробно описывая жилище и домашнюю утварь, Каульбарс впервые отмечает особенности каракалпакской юрты, у которой, в отличие от казахской, вследствие изгиба жердей перекрытия — «уков» лишь на нижнем конце, а не по всей их длине, кровля имеет конусообразный, а не сферический тип.

Наблюдения Каульбарса охватывали всю территорию дельты. В дальнейшем, в течение всего дореволюционного периода, исследования среди ее населения касались уже только правобережья Аму-дарьи, отошедшего по договору с Хивой в 1873 г. к России и вошедшего в состав Аму-дарьинского отдела Сыр-дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. Население же левого берега нижнего течения Аму-дарьи, входившее в состав «вассального» по отношению к России Хивинского ханства, не подвергалось изучению, и до самой революции о нем в этнографической науке были лишь самые общие и смутные представления.

После создания Аму-дарьинского отдела начала проводить свои работы Аму-дарьинская ученая экспедиция Русского географического общества, поставившая задачей всесторонне изучить вновь присоединенный к России край. Участники экспедиции — Л. Соболев, художник Каразин и др. — сообщают в своих корреспонденциях и заметках много этнографических сведений о каракалпаках. В течение всего периода работ в дельте Каразин производил зарисовки, частью опубликованные¹, частью же, к сожалению, еще не обнаруженные.

В 1875 г. в Аму-дарьинский отдел была направлена специальная Организационная комиссия во главе с полковником Носовичем, собравшая статистико-экономический материал, характеризующий все группы населения отдела, и осуществившая введение нового административного управления (разделение на волости и выборы первых волостных управителей и аксакалов в Чимбайском, каракалпакском по составу населения, участке Аму-дарьинского отдела).

За период с 1875 по 1917 г. в Аму-дарьинском отделе неоднократно проводились статистические обследования, которые, однако, были ограничены задачей подготовки штабом Туркестанского военного округа военно-статистических обзоров и описаний Хорезмского оазиса. Поэтому, представляя интерес главным образом для географов и историков, работы 80—90-х годов Стеткевича², в 1912 г. — Лобачевского³, в 1899—1900 гг. — Гиршфельда и Галкина⁴ и других не имели

¹ См. иллюстрации худ. Каразина к очеркам Аленыцына «Аральское море» и Таранова — «Русский берег Аму-дарьи» в «Живописной России», т. X, 1885 г.

² Стеткевич. Очерки Хивинского ханства. «Военный сборник», 1892, № 2, 3.

³ В. Лобачевский. Хивинский район. Ташкент, 1912.

⁴ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I—II. Ташкент, 1902—1903.

существенного значения для этнографического исследования края. Другой характер имело статистико-экономическое обследование Аму-дарьинского отдела, проведенное в 1912—1913 гг. Переселенческим управлением¹. Обследование дало обширный материал, детально характеризующий экономику, технику сельского хозяйства и ирригации, землепользование, национальный и родо-племенной состав всего населения отдела, в том числе и каракалпаков, а также некоторые данные о семейно-бытовом укладе последних.

Богатейшим историко-этнографическим источником о каракалпаках являются среднеазиатские архивы колониального периода. Данные, извлеченные нами из архивов канцелярии хивинского хана (переписка ханов с начальниками Аму-дарьинского отдела и генерал-губернаторами за 1874—1916 гг.), канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и губернатора Сыр-дарьинской области, в настоящее время подвергаются обработке и служат конкретно-исторической основой для этнографических работ, восстанавливающих картину быта каракалпаков в колониальный период в конце XIX — начале XX в.

Переходя к обзору работ по этнографии и этнографической статистике каракалпаков в советский период, следует указать прежде всего на две переписи (1917 и 1920/21 гг.), частично охватившие население современной правобережной Кара-Калпакии. Но лишь в 1924 г., в период национального размежевания Средней Азии, был поставлен вопрос о необходимости исследования почти не известного еще населения Хивинского ханства. Предпринятое по инициативе СЭС (Среднеазиатский экономический совет) экспедиционное обследование Хорезма, возглавленное И. Магидовичем, имело большое научное значение, представив первые точные сведения о расселении каракалпаков на левом берегу в б. Хивинском ханстве, об их земле- и водопользовании, налоговой и административной системе и родо-племенном составе, причем автор высказывает интересные соображения по вопросу об этнических связях каракалпаков с другими народами оазиса и о происхождении отдельных каракалпакских племен и родов. К сожалению, обследование Магидовича не охватило северо-западной части дельты — Кунградского района и западной части нынешнего Муйнакского района².

В 1928 г., в период, когда Кара-Калпакская автономная область входила в состав Казахстана, Общество по изучению Казахстана организовало этнографическую экспедицию в Кара-Калпакию. Экспедиция охватила маршрутом всю территорию области от Турткуля до Казах-дарьи, собрав богатые материалы — фотографии, описания, планы жилищ и альбом прекрасных полевых зарисовок, выполненных участником этой экспедиции, художником (ныне заслуженным деятелем искусств) А. С. Мелковым.

¹ «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-дарьинском отделе Сыр-дарьинской области». Ташкент, 1915, вып. I—II.

² Материалы по районированию Средней Азии, кн. II. Территория и население Бухары и Хорезма; ч. 2-я, Хорезм. Ташкент, 1926 г.

Вскоре после образования К.-К. АССР в Турткуле был создан Комплексный научно-исследовательский институт (КНИИ), ставший центром работы многих проведенных в Кара-Калпакии экспедиций и обследований географического, экономического и этнографо-лингвистического характера. Из них следует отметить экспедиционные исследования под руководством С. Е. Малова, Н. А. Баскакова и А. С. Морозовой.

В работе института принимал также деятельное участие историк-востоковед П. П. Иванов. Кроме экспедиций КНИИ, в Кара-Калпакии работали в 30-х гг. три этнографические экспедиции Музея народов СССР (Москва). В 1932—1934 гг. экспедиции этого музея под руководством С. П. Толстова собрали большие этнографические коллекции, фотоматериал; художником И. М. Мазель была выполнена серия рисунков в каракалпакских аулах Чимбайского района.

В 1938 г. состоялась третья экспедиция Музея народов СССР в Кара-Калпакию с участием этнографов О. А. Корбе и Е. И. Маховой.

Преемником и наследником богатого фольклорно-этнографического архива КНИИ явился Кара-Калпакский научно-исследовательский институт языка и литературы при СНК К.-К. АССР, ныне Институт экономики и культуры, входящий в систему научных учреждений Академии Наук Узбекской ССР.

Изучение ценных этнографических материалов, хранящихся в научном архиве этого института в г. Нукусе, предшествовало начатым нашим отрядом в 1945 г. полевым этнографическим исследованиям в Кара-Калпакии.

Хорезмская экспедиция АН СССР, уже с 1937 г. работающая над изучением археологических памятников К.-К. АССР под руководством С. П. Толстова, в 1945 г. впервые приступила к этнографическим исследованиям. Ставя своей задачей, наряду с археологическими исследованиями, планомерное и систематическое историко-этнографическое изучение современного многонационального населения низовий Аму-дарьи и составление этнографической и исторической карт Хорезма, экспедиция начала эту работу в 1945 г. с исследований среди каракалпаков — основной национальности республики¹.

Каракалпакским этнографическим отрядом были запланированы два этапа работ.

1) На протяжении первых четырех-пяти лет — рекогносцировочные обследования всех районов республики с преобладающим каракалпакским населением для составления порайонных этнографических карт и выявления основных локальных особенностей хозяйственной и исторической жизни, культуры и быта отдельных групп каракалпаков, разбросанных иногда большими и компактными, иногда более мелкими и редкими поселениями на обширной территории республики.

¹ С 1946 г. развернули работу, кроме Каракалпакского, еще два отряда экспедиции: Североузбекский и Южноузбекский. В 1948 г. начал работать четвертый отряд — Туркменский. Коллективное исследование различных национальностей Хорезма ведется по общему методу и по согласованным планам.

2) Второй этап работ — углубленные стационарные тематические исследования, ставящие своей целью разрешение основных проблем этнографии каракалпаков: этногенеза и историко-культурных связей с другими народами Хорезма, истории общественного строя, социалистического переустройства быта каракалпаков, изживания патриархально-феодалных пережитков, истории сложения современной советской, национальной по форме и социалистической по содержанию, культуры и искусства каракалпакского народа и др.

Собранные отрядом за четыре года рекогносцировочных работ материалы, как нам кажется, обеспечивают возможность правильной постановки дальнейших исследовательских работ для разрешения этих актуальных и сложных теоретических вопросов.

Приступив к первому кругу исследований, отряд начинал каждый из своих маршрутов (см. карту) с выезда в районный центр, где производил подготовительные работы в Райкоме КП(б)Узб., Райисполкоме, РайЗО, Райводхозе и знакомился с современной жизнью района: его экономикой и местом в народном хозяйстве республики, с важнейшими мероприятиями, проведенными за годы советской власти и изменившими хозяйственный и культурный облик района (строительство ирригационной сети, освоение земельных угодий и введение новых сельскохозяйственных культур, организация новых предприятий, промыслов, авиаплощадок, проведение дорог, возникновение новых рабочих и колхозных социалистических поселков и т. п.). Попутно с изучением карты района в таком историческом аспекте, устанавливался национальный состав населения, определялись основные пункты расселения тех или иных его групп, а также расположение исторических памятников в районе — развалин, крепостей, мазаров. С учетом всех этих данных, совместно с районными организациями, выработывался маршрут отряда.

По прибытии на место отряд широко разъяснял свои задачи (сбор материалов для описания истории и современной культуры и быта каракалпакского народа) и затем приступал к непосредственной работе, разбившись на группы, обычно по два человека. Каждая из таких групп выполняла свое задание: изучение и фиксацию жилища, типичного для данного колхозного аула, зарисовку и описание одежды, фотографирование, исследование разных форм прикладного искусства и, наконец, опрос стариков-информаторов, рекомендованных руководством колхозов в качестве лучших знатоков дореволюционных порядков, старинных законов и обычаев, изжитых уже в каракалпакском социалистическом колхозном ауле и с трудом восстанавливаемых нами для истории при помощи этих 70—80-летних седебородых хранителей народных традиций.

В 1945 г. отряд под руководством автора начал свои полевые исследования с Чимбайского района, одного из старейших районов оседлости и земледелия каракалпаков в дельте Аму-дарьи, наиболее плотно населенного и почти сплошь каракалпакского по составу населения; маршрутом было охвачено девять колхозов,

расположенных главным образом на правом берегу канала Кегейли, хлопководческих по основному направлению хозяйства.

Обследованная местность представляла собой в прошлом территорию каракалпакских племен — ктай и кышпак, входивших в «арыс» (отдел) он-торг уру (см. ниже, рис. 3). В начале XIX в. эти племена переселились сюда с Жана-дарьи, оросили земли и прочно на них осели. Еще в первые годы советской власти, до начала колхозного строительства и переустройства ирригационной сети, названия большинства каналов здесь соответствовали названиям тех родов и родовых подразделений племен ктай и кышпак, которые вывели свои оросительные каналы из магистрального канала Кегейли и расселились вдоль них.

В 1946 г. Каракалпакский отряд работал в трех районах К.-К. АССР: Муйнакском, Кунградском и Ходжейлинском. Наиболее трудным был маршрут в Муйнакском районе, который прилегает к южному берегу Аральского моря и включает нижнюю дельту Аму-дарьи, представляющую собой сложную сеть протоков и русел с огромными заболоченными, поросшими камышом пространствами между ними. Редкое население — главным образом, в поселках колхозных рыболовецких артелей и в рабочих поселках рыбопромыслов¹ — сконцентрировано у берегов моря или на небольших участках суши по берегам протоков дельты. Чтобы охватить работой эти разбросанные в дельте колхозы, отряд вынужден был все передвижения во время муйнакского маршрута совершать на самолетах и лодках.

Ознакомившись с каракалпакским населением о-ва Муйнака, отряд затем обследовал рыбопромысловый поселок Казах-дарью, шесть прибрежных колхозов, а также расположенный в крайней западной части дельты поселок Тахта-каир и, наконец, местность Кзыл-джар — у горы Кубе-тау, близ границ с Кунградским районом. Каракалпакское население Муйнакского района принадлежало в прошлом к состоявшему из восьми крупных племен объединению шулдук арыса (отдела) конграт (см. рис. 3).

В южной части Кунградского района (четыре колхоза) и в Ходжейлинском районе отрядом собирались сведения о каракалпаках другого отделения арыса конграт — жаунгыр, издавна поселившихся в этой местности левобережья Аму-дарьи и находившихся до 1920 г. под гнетом феодально-деспотической власти хивинских ханов. В хлопководческих колхозах Ходжейлинского района, расположенных на вновь орошенных плодородных землях Шуманайской степи², отряд работал среди значительной группы (составлявшей уже тогда целый аулсовет) каракалпаков, недавно переселившихся из затопленных разливов Аму-дарьи местностей Муйнакского района к берегам канала Шуманай.

¹ За последние годы в занятиях населения дельты Аму-дарьи большее значение приобретает также ондатроводство.

² В 1950 г. бассейн восстановленного в годы советской власти канала Шуманай выделен из Ходжейлинского района в новый административный район К.-К. АССР — Шуманайский.

Переселенцы, получившие существенную помощь от государства, собирали уже богатые урожаи хлопка с шуманайских колхозных полей.

Охватив маршрутом 1946 г. всю основную территорию расселения каракалпалков, принадлежавших к арысу конграт, в 1947 г. отряд вернулся в бассейн Кегейли, где, на левом берегу, по соседству с племенами ктай и кыпшак, издавна поселилась вторая пара крупных племен арыса он-торт уру — кенегес и мангыт. Работами в восьми колхозах Кегейлинского района в 1947 г. завершились полевые этнографические рекогносцировки отряда в пяти районах К.-К. АССР, занимающих территорию в 118 тыс. кв. км (около 75% всей площади республики) и концентрирующих главную массу каракалпакского населения Хорезма. При этом оказались обследованными центры расселения всех основных многочисленных родоплеменных групп и объединений, составлявших в прошлом каракалпакский народ, который лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, под эгидой советской власти, консолидировался в нацию.

В 1948 г. отряд работал в центре республики — Куйбышевском районе и охватил маршрутом северо-восточные районы — Кара-Узьякский, образованный в 1945 г. в связи с переселением сюда колхозов из затопленного Аму-дарьей прежнего Кара-Узьякского района, располагавшегося в северной части дельты; Тахта-Купырский, где каракалпаки живут смешанно с казахским населением; этот район представляет собой окраину оазиса, в восточной своей части переходит в степь и пустыню и является главным животноводческим районом Каракалпакии. На юге, на левом берегу Аму-дарьи, обследовалось каракалпакское население Кыпчакского района. Кроме завершения рекогносцировки во всех районах Кара-Калпакской АССР (за исключением Турткульского и Шаббазского), отряд в 1948 г. выполнил работу по монографическому изучению культуры и быта каракалпакского колхоза им. Ахунбабаева в Чимбайском районе¹, а также провел во время маршрутов специальное исследование каракалпакских исторических памятников XVIII—начала XIX в. (Ак-якыш², Айдост-кала, Мехтер-кала) и ряда архитектурных усадебных комплексов этого же периода (усадыбы Орунбай-бия, Ораз-аталыка, Ауэз-аксакала)³.

¹ Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула. «Сов. этнография», 1949, № 2.

² См. статью сотрудника отряда Б. В. Андриянова «Ак-джагыз» в настоящем сборнике, стр. 567 сл.

³ Каракалпакский отряд продолжал свои этнографические работы в 1949 и 1950 гг. В 1950 г. было обследовано население Турткульского и Шаббазского районов Кара-Калпакской АССР; в 1950 г. отряд работал на землях нового освоения Каракалпакии, изучая в Турткульском районе культуру и быт населения Кырк-кызского участка (возникшего недавно в песках Кызыл-Кума, орошенных реконструированным древним Беркут-калипским каналом, описанным экспедицией в 1939 г.—см. С. П. Толстов. «Древний Хорезм», стр. 128—150) и вторично развернув работы в колхозных селениях Шуманая; кроме того, группа сотрудников отряда работала в передовых колхозах Кегейлинского района.

В результате четырехлетних рекогносцировок, в научном архиве каракалпакского отряда Хорезмской экспедиции накоплен следующий материал.

1. Свыше 100 полевых записей содержат исторические предания о прошлом каракалпакского народа, сообщения о происхождении и составе каракалпакских племен, родов и родовых подразделений, о путях передвижения отдельных племен и родов до и после прихода их в дельту Аму-дарьи, показывают межродовую борьбу за землю и воду, героические усилия, затраченные на освоение пустынных земель дельты, дают сведения об административной системе, налогах, повинностях, существовавших в дореволюционной Каракалпакии, описывают прежний семейно-бытовой уклад, старинные обычаи и обряды и, наконец, освещают современный социалистический быт каракалпакского колхозного аула. Полевые записи велись в большинстве случаев на каракалпакском языке, с последующим переводом их на русский.

2. Собранные отрядом на местах путем личного наблюдения, опроса населения и сведений, полученных в райисполкомах, аулсоветах и правлениях колхозов, данные о составе населения каждого района дали возможность создать прилагаемую к настоящему отчету этнографическую карту, характеризующую национальный состав обследованных районов К.-К. АССР и прежнюю родо-племенную принадлежность каракалпакского населения (см. этнографическую карту).

3. Тщательно собранные отрядом подробные исторические сведения о системе каракалпакских родов и племен позволили составить прилагаемую к настоящему отчету общую схему родо-племенной структуры каракалпаков Хорезмского оазиса в XIX — нач. XX в. (рис. 3); историко-этнографический анализ этой структуры составил тему специального исследования автора¹.

4. В 30 колхозах различных районов выполнены планы и чертежи колхозных селений, усадеб и домов, характеризующих различные типы современного каракалпакского жилища: новый — колхозно-поселковый; старый — типичный для районов старой оседлости, и др. Наряду с археологическими данными, с зафиксированными усадьбами XVIII — начала XIX в., этот материал позволяет проследить в основных чертах генезис каракалпакского оседлого жилища.

5. Сделаны зарисовки и описания, характеризующие каракалпакское жилище, сельскохозяйственный инвентарь и домашнюю утварь, местные виды арбы и лодки, одежду — современную и старинную, богатейший и красочный орнамент каракалпаков, их народное прикладное искусство — резьбу по дереву, вышивку, ковровое дело и пр. Часть этого материала вошла в подготавливаемый к печати альбом

¹ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. (Родо-племенная структура и расселение в XIX — нач. XX в.). Труды Института этнографии им. Н. Н. Мухоморова-Маклая АН СССР, новая серия, том IX, М.—Л., 1950.

«Народный орнамент каракалпаков» (рисунки Б. В. Андрианова) часть, иллюстрирует настоящий очерк.

6. Научный архив экспедиции обогатился несколькими сотнями фотонегативов, снятых по пути следования всех маршрутов отряда.

7. В 1948 г. снят кинофильм, посвященный колхозу им. Ахунбабаева.

В результате четырехлетних работ окреп и сработался коллектив Каракалпакского отряда, и выяснились научные интересы и специализация его участников.

Картограф отряда Б. В. Андрианов (выполнявший наряду со сбором материала для этнографических карт работу художника отряда), углубленно работая над проблемой формирования современной этнической территории каракалпаков и других народов в дельте Аму-дарьи, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.)». Бессменный участник всех работ отряда в 1945—47 гг., студент исторического факультета Гос. педагогического института в Нукусе, а в настоящее время аспирант Института этнографии АН СССР, каракалпак по национальности, Рэмбет Косбергенов темой своего исследования избрал вопрос о положении каракалпаков левобережного Хорезма в Хивинском ханстве накануне Октябрьской революции. Другой сотрудник отряда, каракалпак Сабыр Камалов, также ныне аспирант Института этнографии, разрабатывает, главным образом на фольклорно-этнографическом материале, тему борьбы каракалпаков с хивинскими ханами в первой половине XIX в.; студенты кафедры этнографии исторического факультета МГУ Г. Латышева и Л. Толстова защитили дипломные работы, посвященные этнографии каракалпаков и написанные на основании собранных отрядом при их участии полевых материалов. Кроме них, в 1945—1948 гг. в работе отряда участвовали студенты кафедр этнографии и археологии исторического факультета МГУ Л. Моногарова, И. Гроздова, М. Райт, Н. Лобачева, М. Геффен, Ю. Кнорозов и Ю. Рапопорт, аспирант Института этнографии И. С. Гурвич, а также сотрудник Каракалпакского научно-исследовательского института К. Бердымуратов.

В течение всего периода работ Каракалпакского отряда последний встречал неизменную поддержку и помощь со стороны правительства К.-К. АССР и Каракалпакского обкома КП(б)Узб., Каракалпакского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, а также у руководителей районных организаций и колхозов, где всегда в нашу работу с большим интересом включались не только члены правления и партийный актив колхозов, но и местная интеллигенция — учителя, комсомольская молодежь, а также и рядовые колхозники.

Беседы об историческом прошлом каракалпаков, глубоко волнующие население, затягивались обычно до глубокой ночи и привлекали много участников и слушателей, едва вмещавшихся в комнату или юрту.

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ОТРЯДОМ

I. МАТЕРИАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОБЛЕМОЙ ЭТНОГЕНЕЗА
КАРАКАЛПАКОВ

Проблема этногенеза каракалпаков до недавнего времени считалась неразрешенной. В исторической литературе господствовало мнение, о тождестве каракалпаков с «черными клобуками» русских летописей. Гипотеза эта не была обоснована какими-либо научными исследованиями; почвой для нее служило лишь несколько преданий, записанных в конце XVIII и в XIX в. о пребывании каракалпаков в былые времена в южнорусских степях, и сопоставление идентичных по своей семантике этнонимов — русского «черные клобуки» и тюркского «каракалпаки». Новейшие исторические исследования, как мы увидим ниже, подтверждают участие огузско-печенежских племен «черных шапок» в формировании каракалпакской народности, однако эти племена не были единственными предками каракалпаков.

Советская этнографическая наука изучает этногенез отдельных народов, основываясь на Сталинском учении о нации как исторически сложившейся общности, в состав которой на протяжении процесса ее формирования входят различные племена и группы различных народностей как местного происхождения, так и пришлые. В частности, на средневековом историческом этапе (XI—XII вв.) помимо местных племен Приаралья — «черношапочников» — несомненно, большую роль в формировании каракалпаков сыграли пришедшие с Иртыша кыпчаки, язык которых лег в основу каракалпакского языка.

Сложная проблема этногенеза отдельных народов¹ может быть успешно разрешена лишь путем привлечения материалов смежных исторических наук — археологии, истории, этнографии, а также данных антропологии. Первостепенное значение для исследования происхождения народов имеют и лингвистические материалы. Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, определившие сущность языка как одного из основных признаков этнической общности (рода, племени, народности и нации)² и установившие непосредственную связь законов развития языка с историей его носителя — народа³, с особой очевидностью доказывают важность глубокого изучения и учета данных языкознания при этногенетических изысканиях³. Комплексные этногенетические исследования, коснувшиеся, в частности, и народов Средней Азии, были начаты лишь в советский

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, стр. 12—13.

² Там же, стр. 22.

³ См. Отчет о совещании по методологии этногенетических исследований в свете Сталинского учения о нации и языке (в журн. «Сов. этнография», 1951, № 4). Совещание было созвано Институтами этнографии, языкознания, истории материальной культуры и истории Академии Наук СССР в октябре 1951 года.

период. В результате планомерных археолого-этнографических и исторических научных изысканий Хорезмской экспедиции, ее руководитель С. П. Толстов подверг в своих трудах исследованию основные пути формирования народов Приаралья и установил главнейшие исторические этапы и этнические компоненты, характеризующие этногенез хорезмских узбеков, туркмен и каракалпаков¹.

Этнографические материалы, собранные Каракалпакским отрядом Хорезмской экспедиции, служат новым источником в исследовании проблемы этногенеза каракалпаков. Наибольшее значение имеют с этой точки зрения материалы о каракалпакских племенах и родах. Поскольку данная тема составляет особую главу нашего, уже упоминавшегося выше, специального исследования², мы ограничимся здесь лишь кратким изложением некоторых сведений, гипотез и выводов в этой области.

Изучение собранных отрядом легенд и преданий о происхождении, истории, передвижениях отдельных родо-племенных групп и в особенности анализ их наименований, сопоставление этих материалов с имеющимися историческими сведениями о народах, населявших в разные периоды территорию Приаралья, позволяют установить многие из участвовавших в процессе сложения каракалпакского народа конкретных этнических групп. Следы этого участия сохранились иногда в этнониммах племен и родов, иногда в тамгах, уранах и других традиционных элементах, свойственных родовым или племенным объединениям XIX — нач. XX в.

Наиболее характерный комплекс архаических традиций, связанных с древнейшим пластом этногенеза каракалпаков, сако-массагетским племенем апаснаков — «водных саков», населявших в первые века до нашей эры острова и южные берега Аральского моря, сохраняло, повидимому, каракалпакское племя муйтен.

О давности обитания муйтенов в географических условиях островов и дельт южного Приаралья и исконной связи их хозяйства с рыболовством и капрным земледелием свидетельствуют многие этнографические факты: тамга муйтенов, изображающая орудие для рыбной ловли — острогу; фольклор, характеризующий их как рыболовов, и т. д. Записанный среди муйтенов эпос «Кырк-кыз» включает в себе описания ландшафтов с камышовыми зарослями и озерами, с пашнями и пастбищами на островах и капрах. С другой стороны, сюжетом этого замечательного древнего каракалпакского эпоса являются воинственные приключения 40 девушек-амазонок, возглавляемых героиней эпоса — отважной предводительницей Гулаим. Эта тема эпоса также связывает традиции муйтенов с массагетским обществом, которое, по историческим данным, сохраняло яркие

¹ См. С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. Сб. «Сов. этнография», VI—VII, 1947, стр. 303—304; е го ж е. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. «Краткие сообщ. Ин-та этнографии», вып. II, 1947; е го ж е. Города гузов. Журн. «Сов. этнография», 1947, № 3; е го ж е. Древний Хорезм, изд. МГУ, 1948; е го ж е. По следам древнехорезмийской цивилизации, изд. АН СССР, 1948; е го ж е. Огузы, печенеги, море Даукара (заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья), «Сов. этнография», 1950, № 4.

² См. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, гл. III.

черты матриархального устройства¹. В собранных нами легендах указывается, что муйтены ведут свое происхождение от женщины Ак-Шолпан («Белая Венера»), которая, по одним вариантам, была царевной, а по другим — рабыней. Это имя было «ураном» (боевым кличем) муйтенов.

Среди названий родов, входивших в племя муйтен, встречаются этнонимы, происхождение которых, вероятно, обусловлено древней топонимикой Приаралья. Так, например, имя муйтенского рода — кердерли², несомненно происходит от названия местности Кердер в дельте Аму-дарьи, района обитания эфталитов (или кидаритов), так называемых «белых» или среднеазиатских гуннов V в., — народности, сложившейся, по мнению С. П. Толстова³, в результате проникновения в районы Приаралья из восточной Азии значительных групп гуннов в первые века нашей эры и ассимиляции их с местными массагетскими племенами. Название «Кердер» долго сохранялось в Хорезме для этой местности, и еще в X в. неоднократно упоминаются арабскими географами канал Кердер, протекавший, очевидно, по руслу Куваныш-джарма — Яны-су, и стоявший на нем город Кердер, соответствующий, по всей вероятности, развалинам, обнаруженным нашим этнографическим отрядом в 1947 г. в Кегейлинском районе под названием Хайван-кала.

В записанной нами легенде об этом памятнике, как и в других легендах, сохранилась традиция почитания быка, бывшего тотемом гуннов. Так, образ быка фигурирует в легенде при описании постройки цитадели Хайван-кала. Рассказывают, что одна старуха, по мере возведения высокого фундамента цитадели, на каждый слой пахсы поднимала и ставила теленка, который к концу строительства вырос и стал взрослым быком, взобравшимся на вершину готового сооружения, очевидно, олицетворяя правителя — царя. С этой легендой связывают название развалин — Хайван-кала (от каракалпакского «хайван» — животное)⁴.

Другие родовые названия муйтенов (например, теле, барын) говорят о включении в состав этого племени в последующие исторические периоды этнических элементов, связанных с алтайскими племенами тюркского каганата («теле» — этноним, встречающийся еще в орхонских надписях VI—VIII вв.) и с монголами (родовое подразделение «барын»).

Чрезвычайно интересны этнографические материалы, свидетельствующие об огузо-печенежском слое в этногенезе каракалпаков, относящемся к периоду VII—XI вв. Огузы, появляющиеся на исторической сцене в период господства в Средней Азии Тюркского каганата, этнически представляли собой тюркизированное эфталитское население со значительной прослойкой монгольских и тюркских пришлых элементов⁵. Привлечение исторических данных (в частности

¹ См. С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, стр. 74.

² Зафиксирован Н. А. Баскаковым в 1930 г.

³ См. С. П. Толстов. Города гузов, стр. 100.

⁴ Полевая запись 1947 г. № 10. Кегейлинский район, колхоз им. Обкома.

⁵ См. С. П. Толстов. Города гузов, стр. 84—87, 100—101.

соч. Гардизи «Украшение известий»¹ и Махмуда Кашгарского²) к анализу наименования каракалпакского рода ябы или жабы (входившего в состав каракалпакского племени кыпшак) позволяет сопоставить этот этноним с народом ябагу-халлухов (карлуков). Эти авторы связывают происхождение названия «ябагу» с титулом правителей огузов — «ябгу». Данные о расположении центра владений огузов в низовьях Сыр-дарьи, где в районе Янгикента находилась и ставка ябгу, дают основание предполагать, что название рода «ябы» свидетельствует об участии в этногенезе каракалпаков одного из огузских племен, которое, подобно средневековым ябагу-халлухам, получило свое имя от титула огузских ябгу. Каракалпакское произношение «ябы» не может быть поводом к опровержению нашей гипотезы, так как в сочинениях Абульгази-хана титул «ябгу» употребляется в близкой к «ябы» форме «яви»³.

Наши полевые материалы подтверждают древность происхождения рода ябы-кыпшак (который считается одним из самых старых каракалпакских родов) и локализуют его до переселения в Хорезм, в районах северо-восточного Приаралья (местность Кара-кум), вблизи от центра расселения среднеазиатских огузов.

Однако этим не ограничиваются доказательства этнической связи каракалпаков с огузами, а следовательно и туркменами, в состав которых сырдарьинские огузы вошли одним из важнейших этнических элементов. Эта связь подтверждается историческими преданиями (записанными отрядом в 1945 и 1946 гг.) о причинах переселения части каракалпаков в Хорезм с берегов Сыр-дарьи, где они жили, по преданию, в давние времена вместе с туркменами. Одна из этих записей (от 75-летнего колхозника Бердымуратова в Чимбайском районе К.-К. АССР⁴) содержит фантастическую легенду о том, как святой Ходжи-Ахмет Яссави, желая прекратить распри между туркменами и каракалпаками в Туркестане, обратился к первым с угрозой наказать их за эти распри. Тогда туркмены, украв корову, зарезали ее и спрятали тушу в мечети Ходжи-Ахмета Яссави. Человек, у которого украли скотину, обнаружил ее в мечети, поэтому в краже заподозрили святого Ходжу. Последний, рассердившись на туркмен-воров, превратил их в собак, приказав поедать всех своих соплеменников. Туркмены бежали из своей страны через Хорезм на запад; с ними бежал и один каракалпак со своей сестрой, бывшей замужем за туркменом. Собаки стали догонять беглецов и пожирать их. Тогда каракалпак обратился к хивинскому святому Палван-ата с просьбой приказать собакам не есть его, так как он не туркмен. Палван-ата дал ему право прочесть молитву и стрелять из лука в собак, которых туркмены убить не могли. Собаки были убиты, и часть туркмен-иомудов, из-за этого случая, осталась в Хорезме⁵.

¹ См. приложение к статье В. В. Бартольда «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг.» в «Записках имп. Академии Наук», т. I, № 4, СПб., 1897.

² См. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 13.

³ Абульгази. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского. Асхабад, 1897.

⁴ Полевая запись 1945 г. № 11. Чимбайский район, колхоз им. Ахунбабаева.

⁵ Полевая запись 1945 г. № 14. Чимбайский район, колхоз им. Куйбышева.

Это предание и записанные в 1947 г. два его варианта, по всей вероятности, являются отголосками массового передвижения в XI в. огузов-туркмен из бассейна Сыр-дарьи в Туркмению и далее на запад, — движения, частично вовлекшего и каракалпаков.

Связь национальной культуры каракалпаков и туркмен, которую следует объяснять общностью у этих народов огузского пласта этногенеза, весьма явственно прослеживается в материальной культуре этих народов, в особенности в некоторых типах одежды, орнамента, вышивки и ковровых изделий.

Если огузы составили основной элемент этногенеза туркмен на его средневековом этапе, то такую же роль для каракалпаков сыграли печенеги, жившие в непосредственном соседстве с огузами в Приаралье. В трудах П. П. Иванова и С. П. Толстова характеризуется процесс передвижений печенегов на запад в X—XI вв. и связанный с этим распад их на две группы: западных — хазарских печенегов и оставшихся в Приаралье восточных — тюркских. На этой базе формировались печенежско-огузские этнические объединения, получившие название каракалпаков — «черных клобуков» русских летописей. Под «черными клобуками» южной Руси разумелись западные печенежские племена, слившиеся с торками-узами (огузами), частью передвинувшимися вслед за печенегами в этот период в южнорусские степи. Подобный же процесс слияния с огузами происходил у восточных печенегов в Приаралье, свидетельством чего, в частности, является вхождение в состав огузского племенного союза, по данным Рашид-эд-дина и Махмуда Кашгарского, племени биджие (печенег). Этноним каракалпаков — «черные клобуки» фигурирует в XII в. не только на западе, в пределах Руси, но и в Приаралье: в составе половцев или кыпчаков, расселившихся в этих областях, среди других местных племен было, согласно Нувейри¹, и племя кара-боркли — идентичное по семантике названию «каракалпак».

Этнографические материалы Каракалпакского отряда подтверждают и отчасти обосновывают эту, построенную на новейших данных, картину одного из важнейших этапов этногенеза каракалпаков. Восстановленная работами отряда родоплеменная структура каракалпаков дала возможность С. П. Толстову проследить сохранившиеся в ней традиции печенежской схемы деления военно-племенных союзов по формуле 1 : 2 : 2 : 2 : 5 (40 родов). В противоположность этому, у туркмен, как доказывает автор «Городов гузов», сохранялась традиция гунно-огузской схемы деления; их родоплеменная структура характеризуется соотношением 1 : 2 : 3 : 4 (24 рода).

Уже упоминавшийся выше этноним канглы — название родоплеменного объединения (генетически непосредственно связанный с кангар-печенегами и еще ранее — с названием древнего Кангоя — Кангха — Хорезма²), составлявшего

¹ См. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 541.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 24.

в XII в. самостоятельное владение по соседству с Хорезмом и игравшего большую роль в политической жизни средневековых государств хорезмшахов, монголов и Тимура. Этот этноним также оказался в числе родовых названий каракалпаков: установлено, что род канглы входил в племя кыпшак. История рода канглы специально изучалась отрядом, в частности в 1945 и 1948 гг., при участии стариков из колхоза им. Ахунбабаева Чимбайского района; население вошедших в состав этого колхоза аулов в значительной своей части принадлежало в прошлом к роду канглы.

Что же касается самого этнонима «кыпшак», то непосредственная связь каракалпаков с кыпчаками-половцами, занявшими в XI—XII вв. южнорусские степи, доказывается, помимо несомненной лингвистической общности половецкого и каракалпакского языков¹, и нашими материалами — в частности, сопоставлением урана каракалпакского племени кыпшак — «Токсаба!» — с названием одного из наиболее значительных половецких племен — токсоба, фигурирующего на первом месте в уже упоминавшемся списке Эн-Нувеири и встречающегося также в русских летописях («токсобичи»). Этот факт, без сомнения, свидетельствует об этнической взаимосвязи обеих групп кыпчаков: часть токсобичей, видимо, волилась в состав каракалпаков — караборкли именно на этом этапе каракалпакского этногенеза, сохранив в своем уране память о прежнем роде или родоначальнике.

К домонгольскому периоду каракалпакского этногенеза, вероятно, следует отнести и тот этнический элемент, который связан с названием племени ктай — наиболее многочисленным в XIX в. среди каракалпакских племен. Родовой состав и легендарные традиции этого племени исследовались отрядом в Чимбайском районе, на основных территориях его обитания.

Полевые материалы, собранные отрядом, подтверждают установившееся в современной исторической литературе мнение о связи этнонима «ктай», имеющегося (как и кыпшак, и канглы), кроме каракалпаков, и у других народов Средней Азии и Восточной Европы (казахов, узбеков, киргизов, башкир), со средневековыми киданями или кара-китаями, подчинившими своему владычеству в XII в. Среднюю Азию.

Значительное место в номенклатуре каракалпакских родов и племен занимает группа монгольских племенных названий (конграт, кият, мангыт и др.). Учитывая ничтожную прослойку собственно монголов, поселившихся на территории завоеванной ими в XIII в. Средней Азии, следует предположить, что возникновение монгольских названий у тюркских родо-племенных объединений явилось следствием главным образом существовавшего у монголов института *унаган-богол* — зависимых, порабощенных групп покоренного населения, именуемых по роду своего владельца. Как пишет Б. Владимиров, *унаган-богол* «могли помнить свои

¹ С. Е. Малов. Каракалпакский язык. Каракалпакия. Труды конференции Академии Наук СССР по изучению производительных сил Кара-Калпакской АССР. Л. 1934, т. II.

роды и кости, но кочевали они становищами, носившими имя их владельческого рода»¹.

Полевые исследования 1946 г. среди каракалпаков арыса конграт позволяют проследить довольно важный факт — связь тенденции попарного объединения некоторых крупных каракалпакских племен с существовавшим у средневековых монголов, также попарным, объединением родов, основой которого были фратриальные пережитки обязательного брака принадлежавших к этим двум родам мужчин и женщин.

Характерна также общность у монголов и каракалпаков некоторых терминов родства и в особенности свойства².

Послемонгольский этап этногенеза каракалпаков характеризуется их теснейшей связью с ногайцами. Нами записана целая серия исторических преданий каракалпаков о местах их обитания за пределами Хорезма и бассейна Сыр-дарьи, в Восточной Европе — на Волге («Едиль»), Урале («Жаик») и даже в Крыму; этот материал может быть определен в своей совокупности как принадлежащий к ногайскому пласту каракалпакского фольклора.

В этих преданиях часто упоминаются имена Жаныбек-хана, Орус-бия, Ормамбет-бия³.

Все эти имена связаны с политическими событиями в Ногайском ханстве, возникшем после распада Золотой Орды и занимавшем в XIV — начале XV в. обширную территорию степей Восточной Европы, охватывая бассейны Волги (до Камы) и Яика (Урала).

В XV в. к востоку от ногайских улусов возникло Узбекское ханство во главе с потомком узбекского султана Шейбана — Абулхайр-ханом (1428—1468), а несколько позже в западной части владений могулистанского хана Иса-буги образовалось Казахское владение, возглавленное одним из враждебных Абулхайр-хану джучидских султанов Жаныбеком. Источники конца XV в. указывают на близкие взаимоотношения ногайцев с казахами; некоторые ногайские роды переселялись к ним. Вероятно, сохранение в преданиях каракалпаков упоминаний о Жаныбеке, общем хане казахов, ногайцев и каракалпаков, можно объяснить тем, что вместе с переходившими в казахские владения ногайцами были и некоторые каракалпакские роды и племена.

Деятельность Орус-бия и Ормамбет-бия, ногайских мурз, относится к более позднему периоду — второй половине XVI в.

Известно, что в 80-х годах XVI в., когда ногайцы столкнулись на Яике с русским казачьим войском, борьбу с яицкими казаками возглавлял ногайский мурза Орус. Повидимому, упоминание в каракалпакском историческом фольклоре

¹ Б. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов, стр. 70.

² См. Т. А. Ж д а н к о. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 92—93.

³ См. там же, стр. 128—130.

имени Оруса связано с пребыванием в XVI в. некоторых каракалпакских племен (в частности ктай-кыпшаков, среди которых записаны наши предания) вместе с ногайцами на Яике, под властью этого ногайского мурзы¹.

Имя ногайского мурзы Ормамбета встречается также в русских документах этого периода (конец XVI в.).

Можно полагать, что взаимоотношения каракалпаков и ногайцев не ограничивались лишь политическими связями. Как это доказывает Н. А. Баскаков, сопоставление родового состава и, что особенно существенно, сравнительный анализ каракалпакского и ногайского языков² неопровержимо свидетельствуют об этнической близости этих народов.

Об этом же говорят некоторые аналогии в материальной культуре ногайцев и каракалпаков (терминология частей арбы, наличие у ногайцев, как и у каракалпаков, нашиваемых на одежду нарукавников — «женгсе» и др.).

* * *

Наличие у каракалпаков сознания этнической близости с соседними тюркоязычными народами Средней Азии — туркменами, узбеками и казахами, обусловленное общностью некоторых этапов этногенеза, своеобразно выражается в так называемых «шежре» (родословиях), в значительном числе записанных нами при сборе материалов по историческим традициям и относящихся как к каракалпакскому народу в целом, так и к отдельным его племенам и родам.

Уже в известном «Шежре» народного каракалпакского поэта второй половины XIX в. Бердах-шаира мы видим указания на родство каракалпаков с туркменами и узбеками. Родными братьями, сыновьями Майкы-бия, называет Бердах предков туркмен-помудов — Сеильхана и каракалпаков-коинграт — Жаилгана. Теке — предок одноименного туркменского племени, по Бердаху, был старшим братом Мангыта и Кене — родоначальников каракалпаков кенегес-мангытов. Предок казахов Энес не включается в генеалогию этих трех народов.

В 1900 г. генеалогию народов Хорезма записал изучавший Хивинский оазис Гиршфельд. В ней также предки туркмен и каракалпаков Жаилган и Сеильхан фигурируют в качестве родных братьев; от Сеильхана происходят туркмены, а от Жаилгана — узбеки, казахи и каракалпаки. Предок казахов — Казах и предок каракалпаков — Сузак по этой версии родные братья³.

Нами записано несколько генеалогий, одна из которых подтверждает традиции представления о теснейшей этнической близости туркмен и каракалпаков: Жаилган и

¹ См. П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, стр. 19—30.

² Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Изд. Ин-та языка и письменности АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 26, 62 и др.

³ См. Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н, Цит. соч., ч. II, стр. 66.

Сеильхан считаются в ней близнецами, сросшимися спинами¹ (рис. 1, В). В другой генеалогии, как и в вышеприведенной, Казах и Сузак — братья. Рассказывают, что Казах был старшим и при разделе после женитьбы захватил себе большую долю скота; Сузак, обидевшись, ушел из дому, долго скитался и вернулся в черной шапке, почему и он сам, и его потомки получили название «черных шапок» — каракалпаков² (рис. 1, В).

Третий вариант «шежре» гласит, что Жаилган и Сеильхан были сыновьями Сузака; от Сеильхана происходят туркмены, а у Жаилгана был сын Нагадай,

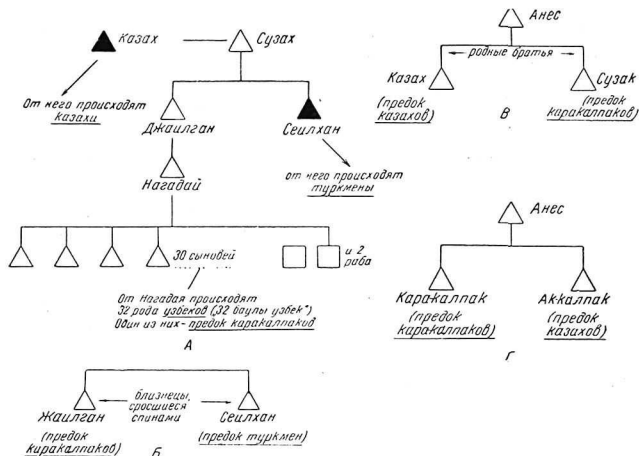

Рис. 1. Генеалогии, характеризующие традиционные представления о происхождении каракалпаков. Собраны Каракалпакским этнографическим отрядом в 1946 г.

имевший 30 сыновей и двух рабов; от них произошли 32 рода узбеков, в число которых вошли и каракалпаки (один из 30 сыновей Нагадая — предок каракалпаков)³ (рис. 1, А).

Интересен еще один вариант «шежре», характеризующий, между прочим, психические различия в хозяйственной жизни каракалпаков и казахов.

Два брата — Кара-калпак и Ак-калпак, по этой легенде, отличались разными характерами. Кара-калпак был добрый, спокойный, миролюбивый, а Ак-калпак —

¹ Полевая запись 1946 г. № 37. Кунградский район, колхоз им. Кагановича.

² То же, № 25. Муйнакский район, Тахта-каир.

³ То же, № 3. Муйнакский район, колхоз «Кзыл-аскер».

сумасбродный («тентек») и драчливый. Когда братья поженились и пришло время раздела, отец отослал беспокойного Ак-калпака на возвышенные местности (кыр), где тот стал заниматься скотоводством; от Ак-калпака произошли казахи.

Предок же каракалпаков — Кара-калпак — остался жить в низине. Отец велел ему заниматься земледелием. С тех пор каракалпаки разводят скота немного, а больше занимаются земледелием¹ (рис. 1, Г).

Другой вид генеалогий, собранных отрядом, относится к отдельным племенам и родам. Эти генеалогии отражают позднейший этап истории формирования каракалпакского народа, когда процесс этногенеза, становления его, был уже завершен, но в условиях феодализма и политического порабощения каракалпаков казахскими, бухарскими и в особенности хивинскими ханами, а позднее — в условиях колониального режима, не могли создаться предпосылки для консолидации каракалпаков в нацию. Каракалпакский народ состоял из множества племен и родов, в свою очередь дробившихся на более мелкие родовые подразделения. Собранные нами предания и генеалогии говорят о значительной прослойке некаракалпакских элементов в составе племен, а иногда и крупных родов. Эти чужеродные этнические группы проникали в состав родо-племенных объединений каракалпаков различными путями. Укажем на некоторые из них, судя по нашим материалам, — наиболее распространенные.

Первый путь — захват пленников, превращение их в рабов с включением затем в род. Историками специально еще не изучались пережитки домашнего рабства в социальном строе XIX в. у каракалпаков; однако об этом имеются отдельные упоминания в литературе. В 1947 г. мы обнаружили при изучении национального состава жителей колхозного селения «Сталинабад» в Кегейлинском районе большую группу (около 20 хозяйств) потомков освобожденных в 1873 г. рабов-иранцев, пленников, захваченных в первой половине XIX в., во время походов хивинских ханов на Хорасан. По рассказам стариков, каждый из рабов в то время считал себя и свою семью принадлежащими к роду своего владельца. После ликвидации Россией рабства в Хивинском ханстве они поселились среди каракалпаков кыпчак-канглы и стали причислять себя к канглы, назвавшись «таза канглы» («новые канглы»)². Эти потомки иранцев, прекрасно сохранив свои антропологические особенности, — они до Октябрьской революции не вступали в брак с каракалпаками, — в отношении языка, быта, материальной культуры, религии, совершенно ассимилировались с последними. Подобное же явление произошло в племени колдаулы, где нами зафиксирован род калмак, происходящий от группы калмыков, захваченных некогда в плен, превращенных в рабов и постепенно влившихся в состав каракалпаков.

¹ Полевая запись 1946 г. № 25. Муйнакский район, Тахта-каур.

² Полевая запись 1947 г. № 12 и 14. Кегейлинский район, колхоз «Сталинабад».

колдаулы, сохранив, однако, в качестве «родового» имени имя народа своих предков¹.

Второй путь внедрения некаракалпакских этнических элементов — это широко практиковавшееся у каракалпаков принятие в род чужеземцев, взрослых и детей, потомки которых обычно образовывали особое подразделение в этом роде. В качестве примера можно привести легенду о происхождении рода бешсары племени ктай. Предками его считаются пять рыжих (сары) мальчиков, круглые сироты, которые были взяты на воспитание целым аулом — жили и питались поочередно то в одной, то в другой юрте. Впоследствии, по преданию, четверо из них ушли на восток — в Китай и Фергану, пятый же стал родоначальником одного из сильнейших и наиболее многочисленных каракалпакских родов — бешсары².

Другой пример — возникновение рода жаланг-аяк («босоногие») в составе племени ашамайлы. Некто Байшура из племени ашамайлы, как говорится в предании, встретил однажды босого, бездомного мальчика и взял его на воспитание. Когда мальчик вырос и женился, его потомство получило прозвище «жаланг-аяк». Информатор, рассказывая об этом, счел нужным оговориться, что прозвище не носило характера насмешки: «У нас был обычай: пришедшего в другой род не попрекали тем, что он безродный, бедный, голый, не смеялись над ним и не считали чужим, а то он ушел бы. И было бы обидно, стыдно всему аулу, что от них ушел человек. Раз его принял Байшура, то уже и он, и его потомки считались настоящими ашамайлы»³.

Следует указать еще на один источник появления в составе каракалпакских племен чужеродных образований: это женитьба на захваченных в плен во время походов женщинах, часто — беременных. Первый сын в таких случаях являлся иноплеменником. Все потомство его, безусловно, включалось в число полноправных представителей данного рода или племени, однако в генеалогиях такие факты никогда не оставались без внимания, и потомство чужеродца, иногда составлявшее значительную долю в общей численности племени, особенно хорошо знают и подробно перечисляют старики-информаторы.

Примером сказанного могут служить генеалогические легенды о происхождении группы «танке» в составе племени ктай, состоявшей из четырех родов: аннә, куйын, шеруши и айтеке. По легенде, Орус-бий в одном из походов на йомудов (по другому варианту — на калмыков) захватил в плен беременную женщину и отдал ее в жены своему приемышу и воспитаннику — Танке. Первый сын, родившийся у женщины, по происхождению йомуд, был назван Ток; когда Ток вырос, он женился на каракалпачке, его сына называли Куйын; сыновьями же пленницы от Танке были Аннә,

¹ Полевая запись 1946 г. № 12. Муйнакский район, колхоз «Кенес».

² Полевая запись 1945 г. № 3. Чимбайский район, колхоз им. М. Горького.

³ Полевая запись 1946 г. № 23. Муйнакский район, Тахта-каир.

Шеруши и Айтеке. Все потомство Танке объединено в общую группу, причем, как и бешсары, эти роды считаются настоящими каракалпакскими и имена их встречаются уже в исторических источниках начала XIX в., в период завоевательных походов Мухаммед-Рахим-хана на жаныдарьинских каракалпаков.

Другой пример относится к роду кабасан в составе племени ашамайлы, происшедшему, по преданию, от женитьбы одного из четырех предков племени — Асапа — на захваченной им в плен при походе с войсками хивинского хана на Бухару красавице туркменке Кара-шаш («Черноволосая»), которая оказалась беременной. Первый сын Кара-шаш, туркмен Жадых, стал родоначальником целой ветви туркменских (по предку) родов в составе ашамайлы, иногда носящих соответственно имена: «туркмен», «бес туркмен» и др.¹

Примером, характеризующим включение узбекского этнического элемента в состав каракалпакской родоплеменной системы, может послужить род айыллы племени ашамайлы. Известно, что одноименный род («аинлы») существовал среди узбеков-конграт бывшего Бухарского ханства². Согласно записанному нами преданию о происхождении каракалпакского рода айыллы, одна девушка каракалпачка из племени ашамайлы, жившего тогда еще в Туркестане, была выдана замуж в Бухару (Байсун). Как полагалось по обычаю, после рождения сына она приехала с ним погостить у своих родителей, которые в это время начали перекочевку в Хорезм; молодая женщина вместе с сыном и родителями ушла в Хорезм, а муж ее, происходивший из рода айыллы (аинлы), остался в Байсуне. Потомки ее сына, считаясь принадлежащими к ашамайлы, образовали в составе последнего род айыллы, одноименный с узбекским.

В Кегейлинском районе в 1947 г. мы наблюдали интересный факт, относящийся к узбекскому роду нокис, переселившемуся в начале XX в., в связи с наводнением в их местности, к каракалпакам племени кенегес. Информаторы каракалпаки, перечисляя входящие в состав кенегес роды, обычно включали в эту общую систему и род нокис, как каракалпакский; лишь один из них сообщил, что «если вы будете писать историю каракалпаков, то нокис в состав кенегесов не включайте; они присоединились к кенегесам, но это не каракалпаки, а узбеки»³. Когда наш отряд посетил колхозный аул, населенный этой группой, выяснилось, что, несмотря на ассимиляцию с окружающими каракалпаками (язык, материальная культура, быт), у потомков переселившихся нокисов сохранилось четкое национальное самосознание, сознание своей принадлежности к узбекам. Этот пример характеризует сохранившуюся местами еще до недавнего времени неустойчивость отдельных мелких этнических групп — наследие предшествующих Октябрьской революции этапов этнической истории каракалпакского народа.

¹ Полевые записи 1946 г. № 7, 21, 23, 24. Муйнакский район.

² Материалы по районированию Ср. Азии, кн. II. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. 1-я. Бухара, стр. 188, Ташкент, 1926.

³ Полевая запись 1947 г. № 5. Кегейлинский район.

II. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ КАРАКАЛПАКОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Для изучения совершенно не освещенного историческими источниками вопроса о районах расселения и путях передвижений отдельных групп каракалпаков до XVI—XVII вв. (когда появляются сведения об этом в нарративных источниках) большой интерес представляют сохранившиеся в народной устной традиции каракалпаков отголоски воспоминаний о прежних местах их обитания.

Такого рода предания записаны нами главным образом в Чимбайском (1945 г.) и Муинакском (1946 г.) районах, т. е. в прежних центрах расселения основных каракалпакских отделов (арысов) — он-торт уру и конграт. До наших работ, как это видно из «Очерка истории каракалпаков» П. П. Иванова, в исторической литературе о каракалпаках фигурировало лишь три четыре предания, упоминающие прежние территории расселения каракалпаков. В двух из них, записанных в XVIII в. Рычковым со слов «каракалпакских посланцев», прибывших в 1743 г. к Неплюеву в Оренбург, рассказывается, что каракалпаки вместе с ногайцами в прежние времена жили «на ногайской стороне Волги реки между Астраханского и Казанского царств»; отсюда они ушли 260—270 лет назад после завоевания Казани и Астрахани русскими. С левого берега Волги каракалпаки постепенно передвинулись до Аральского моря и расположились у его берегов, в устье Сыр-дарьи, близ развалин г. Джанкента и по Куван-дарье. По другому преданию, записанному Рычковым, каракалпаки с Волги ушли раньше, в результате похода на Поволжье «татарского царя Миртамура», т. е. Тимура¹.

В 1874 г. участнику Аму-дарьинской экспедиции Л. Соболеву каракалпак Ириджаб-бий, живший близ Чимбая, рассказал предание о жизни каракалпаков и ногайцев «в Казани» до завоевания Казани царем «урусов»².

В настоящее время, когда все более накапливается фактов, свидетельствующих, что основной территорией этногенеза каракалпаков были степи Приаралья, мы не можем не отнестись критически к предположению о «приходе» каракалпаков в Среднюю Азию «с Волги»; видимо, в указанных преданиях речь идет лишь об отдельных группах этого народа, отделившихся в связи с какими-либо политическими событиями от основного населения соседних с Хорезмом областей и временно обитавших в районах Поволжья, а затем возвратившихся на родину, что и стало источником столь необычайных для тюркских народов Средней Азии преданий о передвижениях с запада на восток, из Европы в Азию³.

¹ П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург, 1896, стр. 72; е г о ж е. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 123—124.

² Л. С о б о л е в. Письма об Аму-дарьинской экспедиции. Газ. «Русский инвалид», № 216 за 1874 г.

³ См. С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, «Кратк. сообщ. Ин-та этнографии», 1947, в. II, стр. 75.

Тем не менее, поскольку историческая обстановка периода, последовавшего за распадом Золотой Орды, и несомненность политических и этнических связей каракалпаков с ногайцами вполне допускают вероятность такого расселения их отдельных групп в Восточной Европе, большой интерес представляют наши записи, значительно пополняющие комплекс географических названий, локализующих территории обитания каракалпаков, не известные по историческим источникам. Большинство наших записей, как уже упоминалось выше, на пути передвижения каракалпаков к Сыр-дарье называют Волгу — «Едиль»; а между Волгой и Сыр-дарьей называют еще один район обитания каракалпаков — Жаик (Яик — р. Урал)¹.

Таким образом, предания, записанные в Чимбайском районе среди каракалпаков он-торт уру, связывают это объединение племен и родов с ногайцами и казахами, локализуя территории прежнего обитания в Поволжье, бассейне Урала и даже в степях Причерноморья (Крым). Предания каракалпаков-конграт упоминают иные географические районы, указывают на обитание каракалпаков до Туркестана — в южном Узбекистане, бывшем Бухарском ханстве, в местности «Жидели Байсун».

Старики племен ктай и кыпшак не упоминают о Жидели-Байсуне; очевидно, с этими районами были связаны исторические судьбы только конгратов. Предания о приходе в Хорезм из Байсуна характерны и для хорезмских узбеков конграт, изучавшихся в течение 1946—1948 гг. Узбекским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции².

Кроме Жаика (Приуралье) и Байсуна (Бухары), наши полевые материалы впервые обнаруживают еще один район обитания каракалпаков — Улу-тау (Казахстан).

Ввиду большого интереса записанной нами в нескольких вариантах (и в нескольких районах) легенды о существовании «Каракалпакского ханства» в местности у гор Улу-тау, издавна знаменитой своими пастбищами и охотничьими угодьями, приведем здесь полностью содержание одной из записей:

«В то время правил в Туркестане Тевекель-хан. Однажды Тевекель-хан был на соколиной охоте в Уллы-тау, где были его земли. Вдруг каракус (орел) схватил его каршига (ястреба). Охоту пришлось прекратить. Так повторялось три года подряд. Хан рассердился и написал жарлык — объявление: «Кто застрелит каракуса, тому дам то, что он пожелает». В это время в Казале жил 80-летний старик — каракалпакский мудрец Асан Кайгы со своим сыном Абатом. Абат был известный охотник; охотничьим оружием его был сарыкай (лук). Хан Тевекель послал за ним двух

¹ См. выдержки из полевых записей: Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 126—128, 131.

² Об этнических и исторических связях каракалпаков и узбеков конграт см. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 118—121 и статью К. Л. Задыхиной «Узбеки дельты Аму-дарьи» в настоящем сборнике.

жигитов. Они пришли к нему, ночевали в доме Абата, рассказали об обещании хана. Абат пошел советоваться к своему отцу. Отец посоветовал пойти и застрелить каракуса, а в награду не просить ничего, кроме земли Уллы-тау для каракалпаков, так как у них не было своей земли. Отец сказал ему: «Ты будешь просить Уллы-тау у хана три раза, и он будет отказывать тебе. Тогда скажи, что он не выполняет своего жарлыка. Хан тебя спросит, есть ли у тебя отец. Скажешь, что есть, что он — старик 80 лет. Тогда хан даст тебе Уллы-тау».

«Абат пошел в Туркестан, застрелил каракуса. Все случилось так, как предсказывал отец. И хан Текекель дал Абату земли Уллы-тау. Каракалпаки тогда перекочевали в Уллы-тау и стали там жить. Это были обширные земли.

«Когда каракалпаки жили на Едиле, у них был бий, а когда переселились в Казалы — бий умер и больше биев не было, жили там без бия. В Уллы-тау тоже не было бия, был совет стариков — Асан Кайгы и др. Старики решили, что каракалпакский народ очень размножился и ему нужен хан. Постановили выбрать от каждого рода лучших людей — всего 40 человек, во главе которых послать от кунградцев Аджигельды и Карабаса, а от ктаев — Тобета. Тобет был молодой жигит.

«Послали их к хану Текекелю, чтобы он выбрал из них для каракалпаков хана, а если не захочет, то чтобы сам назначил своего сына или кого-нибудь другого.

«Посланцы пришли в Туркестан к хану Текекелю. Он сидел в своей шардаре (летний дворец) высоко, на третьем этаже. Там было так устроено, что входили в одну дверь, а выходили в другую. Сверху хан увидел, что едут 40 всадников, подумал: «Это не наши, наверное каракалпаки», и послал к ним своих жигитов. Их поместили в кунак-жай (старик сам перевел — гостиница. — Т. Ж.), там они ночевали. На другой день Текекель-хан принял их на своем троне. Они объяснили, зачем пришли. Хан сказал, чтобы три дня подождали ответа. Тогда посланцы вышли. Тобет выходил последним. Он был красивый, сильный батыр. Хан задержал его и спросил, как его зовут. Он ответил — Тобет (этим именем называют собак-овчарок, больших, лохматых, — они охраняют у казахов стада баранов, их пускают против волков). Хан удивился: почему такому хорошему батыру дали собачье имя. И сказал: «Возможно, что ты для каракалпакского народа когда-нибудь окажешься собакой — врагом, будешь причиной какого-нибудь несчастья!»

«Через три дня, после совета с вазирами, хан дал ответ: он решил назначить ханом к каракалпакам своего старшего сына — Батыр-тюре; 40 жигитов каракалпакских посланцев довели его до Уллы-тау, где он был избран ханом, а они — назначены его вазирами.

«Через Уллы-тау в то время проходил караванный путь — дороги шли в Китай, Казань, Ташкент, Москву. С караванов брали пошлины — бажа; 40 вазиров разделили между собой дороги (на каждую дорогу пришлось по три вазира)¹ и стали

¹ В легенде явное противоречие, очевидно связанное с традиционностью числа «40»: если на четыре дороги пришлось по три вазира, а два из них остались при хане, то везиров было 14, а не 40.

взимать бажы. Старшие — Карабас, Аджигельды — остались советниками хана. Собирая бажы, вазыры часть денег оставляли казне, а остальные делили по чинам: хану, вазирам, кушбеги, мехтеру, жасавулбаши и др.

«Однажды прошедший через таможенную караван не вернулся; долго ожидали его возвращения. Был праздник курбанайт. Товарищи Тобета попросили, чтобы он их отпустил в аул на праздник. Они взяли все собранные деньги — отвезти Батыр-хану для дележа. Тобет остался один.

«К празднику караван вернулся. Тобет взял с него пошлину и тоже пошел к Батыр-хану, чтобы присоединить ее к общим деньгам для дележа. Батыр-хан был один, его вазыры были на празднике. Тут Тобет узнал, что все деньги уже разделили без него. Он рассердился. Хан ответил ему, что он, как хан, имел право так сделать. Тобет с ним очень сильно поссорился, взял клыш (саблю) и отрубил хану голову. Потом, боясь наказания Тевекель-хана, убежал на кладбище Хаджи-Ахмета Яссави, к шейху Бердамбету. Каракалпаки очень боялись, что теперь Тевекель-хан их всех уничтожит. Тевекель-хан, правда, пришел на Уллы-тау со своим войском, вооруженным луками, пиками (найза) и саблями. Но он никого из каракалпаков не тронул, а только искал преступника.

«Вазыры Батыр-хана сказали ему, что убийца — Тобет, и сообщили, куда он убежал. Тогда хан сказал: «Я вам дал землю, дал своего сына ханом — вы оказались неблагодарными. Теперь даю вам 25 дней срока — уходите с Уллы-тау, куда хотите. Если увижу здесь на 26-й день хоть одного каракалпака, велю отрубить ему голову». Каракалпаки собрались, долго советовались и решили перекочевать по трем направлениям: 1) к казахам — там их и сейчас много; 2) к Ташкенту, Бухаре, Коканду; 3) к Жаны-дарье.

Так сбылось предсказание Тевекель-хана о Тобете»¹.

Широко распространенное среди каракалпаков предание о существовании в горах Уллы-тау полусамостоятельного каракалпакского ханства во главе с казахским царевичем — султаном, власть которого ограничена советом 40 представителей каракалпакских племен и родов, по всей вероятности, содержит в себе известную долю исторической истины и должно привлечь внимание историков на поиски нарративных источников, освещающих этот интересный факт.

Если сведения о местах обитания каракалпаков, относящиеся к далекому прошлому, в большинстве случаев полулегендарны и ценны главным образом как отражение народных исторических традиций, то другой цикл собранных отрядом преданий, относящийся к XVIII—XIX вв. и повествующий о заселении каракалпаками низовий и дельты Аму-дарьи, отличается значительно более достоверным характером. Пути передвижений этого народа с низовий Сыр-дарьи, с Жаны-дарьи, из Бухары и других районов Средней Азии, имена политических деятелей, хронология событий, определяемая путем подсчета поколений (ата) со времени какого-

¹ Полевая запись 1945 г. № 2. Чимбайский район, колхоз им. М. Горького.

либо события до настоящих дней, — все эти данные, сообщаемые стариками-информаторами со слов отцов и дедов, при сопоставлении с материалами хивинских хроник, часто оказываются поразительно точными.

В нашей работе «Очерки исторической этнографии каракалпаков» отдельные главы специально отведены описанию и исследованию собранных отрядом сведений по истории расселения в Хорезме основных каракалпакских племен. Эти сведения дают возможность восстановить главные этапы расселения, связанные: в одном случае — с массовым переселением каракалпаков из присырдарьинских районов в Хивинское ханство вследствие беспощадного разгрома их казахским ханом Абулхайром в середине XVIII в.; в другом — с хивинской экспансией и завоеванием Хивой каракалпакских территорий (Жаны-дарья). В то же время все более ясным становится тот факт, что в XVIII—XIX вв. каракалпаки появились в Хорезме не впервые и что значительные группы их жили в низовьях Аму-дарьи задолго до указанного периода.

Особый интерес для определения культурно-исторической роли каракалпаков в Хорезме представляют сведения об освоении ими земель дельты, строительстве оросительных каналов, плотин, о героической борьбе с тяжелыми природными условиями. Эта борьба сопровождалась успехом лишь благодаря специфике хозяйственного уклада каракалпаков, умелому сочетанию скотоводства, земледелия и рыболовства — опыту, накопленному тысячелетиями и являющемуся ценнейшим историческим наследством.

«Когда каракалпаки переселились на Кегейли, они занимались земледелием, но кочевали: снимут в одном месте урожай — перекочевывают в другое место»¹.

«Каракалпаков раньше поселили на левом берегу Аму-дарьи; на правом были озера, никто не жил. Кегейли раньше был небольшой проток; сюда приходили, сеяли, потом опять уходили. Уже позже прорыли Куваныш-жарму и расширили Кегейли»².

«С Жаны-дарьи наш род (оймаут племени кенегес) переселили раньше на Айбуйыр (Айбугир), потом — сюда. В этой местности тогда никто не жил, не было каналов. Вода была только в озерах Кара-Кемир и Ак-Туба. Кегейли был высохшим, русло его заросло турагзылом, из которого каракалпаки делали спицы для арб (кегей — отсюда название Кегейли). Мы, поселившись здесь, занимались земледелием»³.

«Когда наши предки (племя кенегес) пришли сюда, населения не было. Сперва они поселились близ воды — у озер (занимаясь рыболовством), потом провели каналы Чортамбай и Тарлы и стали заниматься земледелием. По берегам Тарлы сеяли просо (тары); от этого происходит и название арыка (тарылы — просняой)»⁴.

¹ Полевая запись 1945 г. № 15. Чимбайский район, колхоз им. Фрунзе.

² Полевая запись 1945 г. № 2. Чимбайский район, колхоз им. М. Горького.

³ Полевая запись 1947 г. № 1. Кегейлинский район, колхоз им. 8 марта.

⁴ То же, № 5. Колхоз им. Молотова.

Когда род кабасан (племени ашамайлы, конграт) переселялся в Хорезм и перекочевывал вдоль берегов моря, «народ голодал, люди ели даже кара-бараг (горькое растение), от которого многие умирали, но часть людей стала заниматься рыболовством, и эти остались живы и здоровы (амап калган)»¹.

Чрезвычайно характерна история расселения у Сор-куля переселенцев из Туркестана, каракалпаков племени ашамайлы, которую сообщили нам в селении Тахта-Каир, расположенном в западной части дельты, в пустынных, заболоченных пространствах между протоком Талдык и чинком Устюрта, на канале Кият-жаб. «Эта немногочисленная группа долго и тщетно просила у хана земель в орошенной местности, но хан не дал, приказав переселенцам самим прорыть новый канал, на что у них, после всех бедствий и лишений, перенесенных в длительной перекочевке, нехватило сил. Собрался совет стариков и решил просить у хана земли возле Сор-куля: «Там можно сеять в низких местах без арыков, и хоть урожай будет небольшой, зато, живя по берегам озера, сможем заниматься и рыболовством, пока не соберемся с силами, укрепим и пророем канал. Хан наверно отдаст нам эти отдаленные земли, и нам будет хорошо; несколько лет никто из кунградских хивинцев так далеко не приедет (за налогами)». Опять поехали к хану. Он подумал: «Земли эти все равно неурожайные», и дал разрешение. Так ашамайлы поселились у Сор-куля. Это действительно были солончаковые, пустынные земли. Но все же от них было много пользы: во-первых, хороший корм для скота; во-вторых, возможность заниматься рыболовством (у берегов озера); в-третьих, в низинах можно сеять без оросительных каналов»².

Бедствия и голод во время длительной перекочевки в Хорезм, гнет хивинских ханов, борьба с суровой природой дельты, тяжелый труд по освоению ее земель — таковы были условия, в которые попали каракалпаки, окончательно подчиненные в начале XIX в. Хивой. И все же этот трудолюбивый, настойчивый и энергичный народ стал проводником экономического прогресса в тогдашней Хиве. Уже давно доказано, что основные ирригационные системы в Хивинском ханстве XIX — начала XX в. были построены каракалпаками, вынужденными в ущерб развитию собственных сельскохозяйственных угодий орошать земли хивинских феодалов — хана, его сановников, баев и ишанов, использовавших в своих корыстных интересах многовековый опыт и мастерство угнетенного каракалпакского народа.

О роли каракалпаков в хозяйственной жизни Хорезмского оазиса в начале XIX в. свидетельствует, между прочим, данная Н. Муравьевым (1820 г.) характеристика взаимоотношений четырех народов, составлявших основное население Хивинского ханства:

«Хива населена четырьмя разноплеменными народами: с а р т а м и [современные узбеки южного Хорезма. — Т. Ж.] — настоящими и первобытными вла-

¹ Полевая запись 1946 г. № 8. Муйнакский район, колхоз им. Ворошилова.

² Полевая запись 1946 г. № 24. Муйнакский район, рыболовная бригада колхоза им. Калинина в Тахта-каире.

дельцами сего края; к а р а к а л п а к а м и — по соседству, бывшими под влиянием сих последних; у з б е к а м и [современные узбеки северного Хорезма. — *Т. Ж.*] — иноземными завоевателями сего края и, наконец, т у р к м е н а м и разных поколений... Четыре народа сии первоначально были между собой в отношениях хозяев, работников, завоевателей и гостей. Со временем же племена сии смешались и, составив одно целое, разделились на четыре сословия: купцов, земледельцев, господ и войско»¹.

Муравьев, конечно, весьма преувеличивал роль каракалпаков в сельском хозяйстве Хивинского ханства, считая их единственным земледельческим народом, в то время как основное значение в земледелии имели все же потомки древних хорезмийцев — узбеки, лишь незначительная часть которых жила в городах и занималась торговлей. Далеко от истины видеть в узбеках только «господ», а в туркменах — только «войско». Однако рассказ Муравьева, видимо, отражавший представления хивинской знати, все же весьма показателен.

III. ПРЕДАНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ СТАРИКОВ, КАСАЮЩИЕСЯ ИСТОРИИ КАРАКАЛПАКОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Каракалпакский этнографический отряд собрал много народных преданий, характеризующих политический и национальный гнет, испытываемый каракалпакским народом в годы хивинского владычества, до завоевания Хивы Россией. Часть каракалпаков, живших на левом берегу Аму-дарьи, вплоть до революционного переворота 1920 г. находилась в условиях ханского гнета, так как переход левобережной части Хивинского ханства в 1873 г. в вассальные отношения к России по существу не изменил политической системы ханства. Отличительными чертами ее продолжали оставаться: архаический строй феодальной деспотии, разорение народных масс налогами, трудовыми повинностями и безнаказанным грабежом ханских чиновников, крайняя экономическая и культурная отсталость. В связи с такой длительной консервацией ханских порядков, та часть наших материалов, которая была собрана на левом берегу, в Кунградском и отчасти Муйнакском районах, имеет иногда характер не преданий, а воспоминаний и рассказов стариков-очевидцев о сравнительно недавнем прошлом.

При сопоставлении этих преданий и воспоминаний с историческими источниками (хивинские хроники Муниса и Агехи, документы архива хивинских ханов XIX в. и др.) обнаруживается значительная доля исторической истины в содержании первых и почти полная достоверность последних. В то же время предания народа оживляют и пополняют правдивыми яркими деталями скудные, сухие и сугубо

¹ Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., ч. II. М., 1822, стр. 25.

официальные записи придворных летописцев или чиновников и помогают восстановить подлинный ход исторических событий в этот период.

Очень ценное качество характеризует указанный материал: в нем отражено народное мировоззрение, факты освещены с точки зрения народных масс, коренным образом отличающейся от оценки их придворными авторами или, позднее, колониальной администрацией. Приведем несколько примеров, которые могут дать представление об этой части наших материалов.

В 1947 г., в Кегейлинском районе, старик Ходжалепесов из колхоза «Маданият», рассказывая нам об истории каракалпакского племени кенегес, неоднократно упоминал имена Шонкара-бия¹ кенегеса и его сына Кабыль-бия. В народе сохранилась память об этих биях как о предателях, — старик называл их «шпионами», рассказывая, как, во время восстаний каракалпаков в начале XIX в. против Хивы, Шонкара-бий и Кабыль-бий, стремясь завоевать доверие хана, тайно помогали ему в подавлении восстаний².

Этих же действующих лиц мы встречаем в «Риязу-д-довле» Агехи; однако в характеристиках придворного историка мы не увидим ни тени того презрения к предателям, которое типично для народного повествования: наоборот, здесь лишь пышные восхваления по их адресу: «Хан осыпал милостями не примкнувших к мятежу и сохранивших покорность старшин и биев каракалпакского народа, особенно Кабыль-бия, сына Чонг-кара-бия кенегеса за его услуги в дни мятежа... Ему были подарены конь и одежда, чтобы все знали, что счастье службы благодетелю — бесконечное благо и что позор противления — бесконечное несчастье»³.

Новые данные, характеризующие политику хивинского правительства по отношению к постоянно восстающим каракалпакам, дают нам записанные в 1946 г. предания о Мулло-Приме, относящиеся к середине XIX в. Этот батыр, происходивший из племени ктай, построил в местности Боз-отау, на нижнем течении протока Талдык, крепость⁴ для обороны каракалпаков от постоянных набегов туркмен. Когда Мулло-Прим начал строить город, — рассказывал нам каракалпакское предание Караматдин Насыров, рабочий Тахта-каирской саранчевой станции, — крупный бай из киятов, богач Утепберген, пользовавшийся доверием и влиянием у хана, всячески советовал ему отказаться от этого, говоря, что каракалпаки все равно не смогут сопротивляться туркменам, как не смогли они защититься от казахов в Туркестане. «Каракалпаки, — говорил он, — народ слабый, безоружный». Он советовал Мулло-Приму объединиться с казахским бием Азбергенем и построить общую крепость для защиты от туркмен, тем более что Азбергену хан в виде особой милости выделил из своего войска для охраны 500 солдат-пукеров. Но Мулло-Прим не согласился

¹ В узбекском произношении — Чонг-кара.

² Полевая запись 1947 г. № 6. Кегейлинский район, колхоз «Маданият».

³ Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 133.

⁴ Крепость Мулло-Прима в низовьях Талдыка обозначена на карте Каульбарса, приложенной к его упоминавшемуся выше труду.

на уговоры Утепбергена, ответив гордо: «У Азбергена 500 хивинских пукеров, а у меня — 1500 каракалпакских хозяйств. Здесь хорошие пастбища, хорошие условия для жизни нашего народа. Буду строить крепость». Как повествует далее предание, он поместил во время очередного набега туркмен в свою «кала» весь эль киятов и ашамайлы, живущих в этой местности. Однако один из осажденных оказался предателем и открыл туркменам ворота. Прорвавшиеся перебили столько народа, что из соркульских каракалпаков уцелело лишь несколько мелких, разбросанных групп, ранее откочевавших или случайно спасшихся бегством. Крепость была разрушена¹.

Эта битва каракалпаков с туркменами в местности Боз-отау известна в истории, она запечатлена в стихах и песнях, популярных в народе. Так, каракалпакский поэт XIX в. Ажи-Нияз в своей поэме «Боз-отау» скорбно описывает картину массового избиения жителей, угон скота и увоз в плен женщин и детей. Однако в данном случае в жестоком разгроме каракалпакского эля ошибочно было бы винить одних туркменов. Собранные нами на месте, близ Боз-отау, среди ашамайлы и киятов, воспоминания об этом событии: приведенный выше конфликт Утепберген-бая с Мулло-Примом, тот факт, что среди нападающих на каракалпаков туркменов осажденные видели и узбеков, направленных тайно ханом для укрепления туркменского аламана, наконец, предательство — несомненно свидетельствуют о том, что самый разгром у Боз-отау был спровоцирован Хивой, опасавшейся назревавшего на Сор-куле каракалпакского восстания и поставившей своей задачей уничтожить вновь выстроенную крупную каракалпакскую крепость.

В собранных нами записях большое место занимают рассказы о жестокостях и злоупотреблениях ханской администрации. Таков, например, рассказ об аталыках племени кият — Садыке и Жинали, сообщенный нам также Караматдином. По рекомендации уже упоминавшегося Утепберген-бая, хан утвердил аталыком киятов некоего Садыка; это был жестокий человек, и народ его не любил. Однажды один из его подчиненных, Жинали, пришел к нему с просьбой разобрать земельный спор. Садык не удовлетворил его иска. Жинали очень рассердился, поехал в Хиву, подкупил чиновников, и через некоторое время его назначили аталыком вместо Садыка. Но новый аталык — Жинали оказался еще более жестоким, чем Садык. Приехав из Хивы к своим соплеменникам с ярлыком на новую должность, он собрал всех родоначальников киятов и потребовал с них 500 тилля, желая таким образом возместить сумму, израсходованную им на взятки.

Он велел обложить 1000 хозяйств киятов по пол-тилля, а это была очень большая сумма для того времени. Ежегодный налог, который платило хану одно каракалпакское хозяйство, составлял 21 теньгу (тилля равнялась 9 теньгам). Народу нелегко было взять такие деньги; бии стали отговаривать Жинали, советовали отменить этот побор, убеждали, что «тогда народ будет молиться за тебя, а в противном

¹ Полевая запись 1946 г. № 25. Муйнакский район, Тахта-каир.

случае народ озлобится». Но Ыйнали ответил, что ему пужны не молитвы, а деньги. «Так он возбудил ненависть народа; через полтора месяца он умер», закончил наш информатор свое повествование¹.

Еще более интересен цикл преданий и воспоминаний, связанных с повинностью падшалык — строительством ханских крепостей (бегар), очисткой и постройкой каналов (казу). Повинности эти тяжелым бременем ложились в ханские времена на каракалпаков.

Как рассказывают старики, каракалпаки кроме уплаты налогов, должны были отрабатывать в год 12 дней падшалыка — казу. На казу посылали одного человека от каждых трех хозяйств. Это была очень тяжелая повинность. Из общего числа хозяйств всегда набиралось много хозяйств «начальства» (привилегированных. — Т. Ж.): беглер-беги, биев, аксакалов и т. д. — они все освобождались от казу. Кроме того, богачи откупались от падшалыка деньгами, взятками. Оставалось сравнительно небольшое число хозяйств, на которые падала вся тяжесть повинности, и им приходилось работать за всех — на казу им давали участок, выделенный для всей родовой или племенной группы².

Условия труда на падшалыке — голод, жажда, неотступный присмотр ханских чиновников и мирабов, избивающих рабочих при малейшей попытке передохнуть от тяжелого труда — вызывали постоянные вспышки волнений, во время которых зачастую рабочие убивали ненавистных надсмотрщиков. В одной из наших записей о постройке усадьбы-замка для беглер-беги Кабия рассказывается, как мобилизованные ханским указом на 12 дней из каракалпаков дельты рабочие-бельдары (землекопы — от «бель» — «лопата») должны были явиться к месту постройки, к Кызылша-кала (к востоку от Айбугира). За время длительного пути, продолжавшегося у некоторых 5—7 дней, были съедены почти все запасы как-паш — сушеной рыбы, взятой из дому с расчетом на 12 дней; на затянувшейся постройке начался голод, вспыхнул бунт, народ разошелся по домам³.

Другое предание связано с казу по рытью канала Хан-жаб (на левом берегу, в пределах хивинских владений). «Казу Хан-жаба было очень тяжелым, — рассказывают старики. — Если кто-нибудь из казучи выходил на работу после восхода солнца, его убивали».

«Это было такое огромное казу, что даже мирабов трудно было сосчитать, — говорит информатор, — одних только мирабов на черных ишаках с белым пятном на лбу было 40»⁴. Был на этом казу один молодой жигит; ночью он пошел к своей девушке и задержался у нее до утра. Ему грозила смерть. Тогда девушка посоветовала ему: «Покрась половину своей белой лошади вдоль всего туловища черной

¹ Полевая запись 1946 г. № 25. Муйнакский район, Тахта-каир.

² Полевая запись 1946 г. № 21. Муйнакский район, Тахта-каир.

³ Полевая запись 1946 г. № 28. Кунградский район, колхоз им. Свердлова.

⁴ Это говорит о многочисленности мирабов: ишаки такой масти встречаются редко, значит сколько же было мирабов на ишаках обычной масти!

краской, садись на нее, скачи и кричи: «Я послан ханом, убивайте своих мирабов!» Жигит послушался девушки: он поскакал на своей наполовину выкрашенной лошади с криком «Убивайте мирабов!» вдоль всего русла строящегося канала; рабочие, натерпевшиеся на тяжелом казу, стали убивать мирабов.

Тогда жигит вымыл лошадь и сам потихоньку стал на работу. Начался разбор дела ханскими судьями, но показания были разноречивы: одни свидетели утверждали, что подстрекатель мятежа был на белой лошади, другие — что на черной. Так виновник и не был обнаружен¹.

Трудно ручаться за достоверность фактов, описанных в этой легенде; однако есть основание полагать, что основной сюжет ее — вспышка народного восстания с убийством мирабов произошла в действительности на этом огромном казу Ханжаба, как и на многих других казу — одной из самых тяжелых повинностей.

Особый, довольно значительный по объему комплекс историко-этнографических материалов был собран отрядом по теме национально-освободительной борьбы каракалпаков против хивинских ханов Кунградской династии. Как известно, наиболее крупными из таких выступлений были восстания во главе с Айдостбием (в 1827 г.) и Ерназар-бием (в 1855—1856 гг.). Оба они принадлежали к знатному роду колдаулы-бескемпир. Во время рекогносцировки нашего отряда в основных районах обитания сородичей Айдост-бия и Ерназара (Муйнакский, Тахта-кушурский и Кара-узякский) сделано много записей, дополняющих и корректирующих тексты хивинских придворных хроник Мулиса и Агехи, где эти движения тракуются, конечно, с сугубой пристрастностью².

Межплеменные и межродовые распри из-за воды и земли были обычным явлением среди каракалпаков Хивинского ханства. Как правило, спорные участки, каналы и плотины переходили в результате упорной борьбы во владение тех родоплеменных групп, где были влиятельные богатые баи и би, имевшие возможность подкупить взятками ханских чиновников и даже самого хана, на усмотрение которого передавалось иногда дело истцами. Разумеется, выгоды от выигранного дела окупали взятку, так как феодально-родовая знать и баи фактически полностью распоряжались водой и земельными угодьями, хотя последние и считались формально принадлежащими всему роду.

В нескольких районах, расположенных в бассейне Кегейли, мы записали варианты предания о разделе земель между племенами ктай-кыпшак и кенегес-мангыт. Естественной границей этих угодий был проток Кегейли. Однако, «когда в Кегейли было мало воды, начиналась борьба между кенегес-мангытами и ктай-

¹ Полевая запись 1947 г. № 11. Кегейлинский район, колхоз «Маданият».

² Вот, например, начало повествования Агехи о восстании во главе с Ерназаром: «Один из каракалпакских биев, предводительствовавший над поколением колдаулы рода кунград, по имени Ерназар, в силу полного своего безрассудства и исключительной злобредности своей натуры, стал во главе ничтожных, беспутных разбойников и негодяев и вступил на путь бессмысленного возмущения и вражды...» (см. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 135, отрывки из «Гульшен-и-девлет» Агехи).

кыпшаками за лучше орошаемые земли. Однажды, во время маловодья, они решили послать своих аталыков к хивинскому хану и просить его о переделе земель. Но хан не разрешил вопроса; снова начались споры, и к соглашению не пришли. Пришлось бросать жребий — «шек». Чиновники хивинского хана написали на двух палочках «кенегес-мангыт» и «ктай-кыпшак». Бросили жребий, и оказалось, что ктай-кыпшаки, которые жили на левом, лучше орошенном берегу, должны оставить свои поля и сады и переселиться на правый берег, уступив свои земли кенегес-мангытам. Жребий бросали трижды, и каждый раз дело решалось в пользу последних. Это произошло потому, что кенегес-мангыты подкупили ханских чиновников и те мошенничали. Взятки были большие, даже девушек брали в качестве взятки»¹.

Часто рассказывают о взятках, которые давал богатый бай киятов, Утепберген, хану и хивинским чиновникам. Благодаря крупной взятке со стороны Утепбергена хивинское правительство дало разрешение киятам на постройку канала (Кият-жаб), который пересекал земли ашамайлы. Говорят, что Утепберген смеялся над ашамайлы, получив это разрешение, и поучал их поговоркой: «Акыллы пара береди, акмак бора береди», т. е. «умный взятку дает, а дурак уходит ни с чем».

Даже при столкновении со знатым родовитым аталыком он-тортуру Ерназаром из-за плотины Кабасан-бугут хитрый богач и взяточник, бай Утепберген, по милости к нему хана, оказался в конце концов победителем².

Но бывали случаи, когда хану приходилось считаться и с низшими прослойками каракалпаков, поскольку возмущение и протест против насилия хивинских властей и знатных аталыков грозили вылиться в открытый мятеж. В Кунградском районе нам рассказывали о подобном случае, происшедшем, по преданию, незадолго до русского завоевания.

«Аталык колдалуы — Ораз-аталык и Ауез-бий ашамайлы спорили из-за земли: Ораз-аталык (сильный, влиятельный аталык) сказал: «Ваша граница — не Кыпчак-дарья, а Таллык»; а Ауез-бий утверждал, что граница их — Кыпчак-дарья. Но Ораз-аталык все же добивался переселения двух родов ашамайлы — кабасан и жаланг-аяк — с Кыпчак-дарьи к Таллыку. Пошли к хану; первым говорил Ораз-аталык. Ауез-бий заикался и вообще не был красноречив. Когда хан спросил его, что он может сказать, тот от волнения ничего не смог ответить. Тогда Ораз-аталык говорит хану: «Вот вам он ничего не говорит, а когда выйдем от вас, опять будет спор (жанжал)». Хан засмеялся и решил спорную землю отдать Ораз-аталыку. Тогда юноша из рода ашамайлы, учившийся в хивинском мактабе (по прозвищу казы-Юшим), пришел к хану и сказал: «Когда был Иес-инак, он разделил землю; колышки от раздела еще остались. Если не признаете этого прежнего раздела, надо разделить весь Хорезм на четыре части: одну — казахам, другую — каракалпакам, третью — узбекам и четвертую — туркменам. Все равно — одна часть нам придется, а потом мы сами разделим землю между собой».

¹ Полевая запись 1945 г. № 8 и 11. Чимбайский район, колхоз им. Ахунбабаева.

² Полевая запись 1946 г. № 20. Муйнакский район, Тахта-каур.

Хан растерялся, позвал своих людей, велел им ехать искать колышки и сказали: «А если не найдете, обоих вас (юношу и Ауез-бия) повешу».

Ханские люди поехали, нашли колышки, установили границы и закрепили землю за родом ашамайлы»¹.

На правом берегу Аму-дарьи сохранились не менее яркие воспоминания о старых порядках и злоупотреблениях местной колониальной администрации, в частности «болысов» — волостных управителей. В колхозе «Кзыл-ту» Кегейлинского района старик Даулет-бий (мангыт-мамыкши) рассказывал нам с большим юмором про выборы болысов у кенегес-мангытов: «Кенегесы хотели выбрать знатного богача Ерниазар-аталыка, а мангыты — Даулета, бедняка, но остроумного человека».

На съезде Даулет не прошел: по своей бедности он не мог дать взятку больше, чем его конкурент, и болысом стал Ерниазар. На следующий день после выборов Даулет пошел к Ерниазару и стал просить у него пшеницы на посев поля, сказав, что истратил последнее зерно на взятки, когда соперничал с ним на выборах. Ерниазару неловко было отказать и он вынужден был дать сдавшемуся сопернику 4 арбы — 80 батманов пшеницы. Даулет ее посеял, собрал хороший урожай и, накопив денег, стал перед новыми выборами снова давать взятки и соперничать с Ерниазаром, открыто используя, таким образом, средства самого Ерниазара на борьбу с ним и ставя этим знатного болыса перед сородичами в положение одуряченного простака»².

В Чимбайском районе нам рассказывали также о сопровождавшихся открытым взяточничеством и межродовой борьбой выборах волостных управителей. На выборы приезжал пристав, а иногда и сам начальник Аму-дарьинского отдела. «До их приезда уже назначались кандидатуры: в нашей волости род аралбай выдвинул в волостные своего кандидата, а род канглы — другого. До съезда давали взятки и агитировали за кого народу голосовать. Кандидат должен был быть богатым и подкупать не только влиятельных лиц своего рода, но и биев другого (конкурирующего) рода, чтобы все голосовали за него»³.

О богачах болысах, баях, казиях, ишанах и других представителях господствующей верхушки каракалпакского колониального аула в народе сохранилось много ценных для историка сведений, характеризующих патриархально-феодальные формы эксплуатации.

Так, говорят, что волостной Кулен, в Талдыкской волости, был очень богат, скуп и зол; у него было много «дыхан» (подразумеваются зависимые крестьяне) — издольщиков, батраков и «комекшилер» — родственников, работавших на условиях комек (родовая взаимопомощь). Кулен-болысу принадлежали «большие сады,

¹ Полевая запись 1946 г. № 36. Кулградский район, колхоз им. Кагановича.

² Полевая запись 1947 г. № 18. Кегейлинский район, колхоз «Кзыл-ту».

³ Полевая запись 1945 г. № 4. Чимбайский район, колхоз им. Горького.

около 100 голов рогатого скота, маслобойное предприятие (жуаз); вдобавок он широко пользовался общинными землями своего рода¹.

Очень интересный материал по данной теме был собран отрядом при изучении в 1948 г. дореволюционного прошлого аулов, ныне объединенных колхозом им. Ахунбабаева в Чимбайском районе К.-К. АССР².

Земли, составившие угодья этого колхоза (более 4000 га), раньше считались общинными землями крупных каракалпакских родов аралбай (племя ктай), канглы, балгалы и жагалтай (племя кыпшак). Однако фактически и земли, и орошавшие их каналы были узурпаторски захвачены баями и духовенством — эксплуататорской верхушкой этих родов.

Как рассказывают колхозники, земли, закрепленные за двумя нынешними бригадами колхоза, были до революции собственностью крупного кулака — Гулэк-бая из рода аралбай. Кроме этих земель, он имел около 1000 голов крупного рогатого скота, тысячные отары овец и коз, 400 лошадей. До сотни батраков-дихан обрабатывали его посевы и пасли стада. Двое из них — 65-летний Юсупбек и 50-летний Канияз — сейчас члены колхоза им. Ахунбабаева; они рассказывают, что Гулэк-бай ничего не платил своим батракам, обзавясь лишь кормить их и женить. Учитывая старые каракалпакские обычаи, согласно которым брак сопровождался необходимостью уплаты калыма за невесту и бедняки подчас были вынуждены оставаться одинокими из-за невозможности скопить деньги на калым, такое обязательство бая было весьма существенно для батрака. Бай же, когда ему приходилось женить своих дихан, никогда, разумеется, не тратил своих средств на калым, а насильственно заставлял зависимых от него бедняков выдавать дочерей замуж. Кормил бай своих дихан очень скудно, выдавая за работу в течение круглого года семейным не более 20 батманов зерна (чимбайский батман равен 22 кг), а холостым и того меньше. Кроме дихан, у Гулэк-бая были и издольщики — жарымши, работавшие на его земле за часть урожая.

Много рассказывают о скупости Гулэк-бая: когда у него издыхала корова или баран, он, говорят, плакал и горевал так, как будто потерял родителей. Чабану Канияза он однажды избил до полусмерти за то, что волк чуть не загрыз одного барана из его тысячных стад.

После революции, в 1924 г., земли и стада Гулэк-бая были конфискованы, а в годы коллективизации переданы трем колхозам Чимбайского района.

Не менее характерной фигурой был представитель эксплуататорской верхушки рода аралбай — Калила-казы, казий (судья), также владевший прежде частью земель нынешнего колхоза. Он славился своей «специализацией» по разбору семейных и бракоразводных дел и взяточничеством, которым нажил большое состояние.

¹ Полевая запись 1946 г. № 5. Муйнакский район, колхоз им. Ворошилова.

² Приведенная ниже часть научного отчета 1948 года о прежних владельцах земельных угодий колхоза им. Ахунбабаева полностью вошла в нашу статью «Быт каракалпакского колхозного аула», журн. «Сов. этнография», 1949, № 2.

Однако главным богатством Калила-казы, как рассказывают жители, были не земли и скот, а зерно и деньги. Зерно он отдавал исполу беднякам (жарымши), у которых нехватало хлеба на зиму и не оставалось семян на посев; деньги же пускал в торговлю. Сыновья Калила-казы ездили в Оренбург, в Перовск и были известны как крупные торговцы. Этот казы ведал «просвещением» в ауле: он открыл две духовные школы (мектеб), в которые поставил учителями (муллами) своих близких родственников.

Известным богачом и эксплуататором был также живший в этой местности до революции Шарип-ишан, из потомственных (пятое поколение) ишанов рода аралбай. Его земли занимали участки нынешней десятой бригады колхоза им. Ахунбабаева и пятой бригады соседнего колхоза им. Максима Горького¹. В ведении Шарип-ишана находилось большое медресе, развалины которого до сих пор сохранились. Экономическая сила и влияние Шарип-ишана были очень велики. Подчиняя себе всех мулл окрестных аулов, он при их посредстве собирал с населения в пользу духовенства налоги: усир (десятая часть урожая), птир (плата в период уразы) и др. Кроме того, он являлся фактическим распорядителем воды Аралбай-жаба, питавшего все земли аула Аралбай; его «аспекши», наблюдавшие за водопользованием, ходили вдоль канала и без санкции ишана не давали ни капли воды населению. Казу — очистка канала — производилась также по приказу ишана. Он настолько завладел Аралбай-жабом, что в последнее время этот канал стали называть именем ишана. Из-за недостатка воды, узурпаторски захваченной ишаном, часть жителей вынуждена была выселиться отсюда и до сих пор живет в Куйбышевском районе, в местности Сор-жаб.

Шарип-ишан занимался разведением скаковых лошадей и посылал их на скачки со своими сеисами (конюхами), неизменно присваивая себе первые призы.

На землях участка восьмой бригады колхоза им. Ахунбабаева жил до революции Раим-ходжа; это были вакуфные земли («ваким»). «Направление хозяйства» Раим-ходжи было своеобразно: на пожертвованной праведными мусульманами в пользу богоугодных дел вакуфной земле он разводил люцерну (около 50 га) и кормил ею лошадей, крупную торговлю которыми вел с кушмами Хивы. Этим не ограничивалась деятельность предприимчивого ходжи: он насадил тутовые деревья и организовал производство шелкового волокна, которым также торговал в Хиве. Выработкой волокна и уходом за червями на его предприятии занималось несколько рабочих, главным образом женщины-каракалпачки.

Если для рода аралбай характерна фигура Шарип-ишана, полностью закабалившего своих сородичей, то у канглы в такой же роли выступает представитель дервишского духовенства Айтимбет-ишан, усадьба которого также находилась на территории нынешнего колхоза им. Ахунбабаева. Айтимбет-ишан пользовался большим влиянием, так как пиром (духовным наставником) его был крупнейший

¹ Номера бригад указываются по сведениям 1948 г.

в Каракалпакии Кара-кум-ишан, для которого Айтимбет собирал при посредстве 20—30 супиев десятину — «усир» и другие подати и сборы с местного населения. В первые годы советской власти этот ишан активно пользовался своим влиянием для политической борьбы против советизации аула и коллективизации хозяйства. Разумеется, не менее реакционной была роль байства и других ишанов в эти годы.

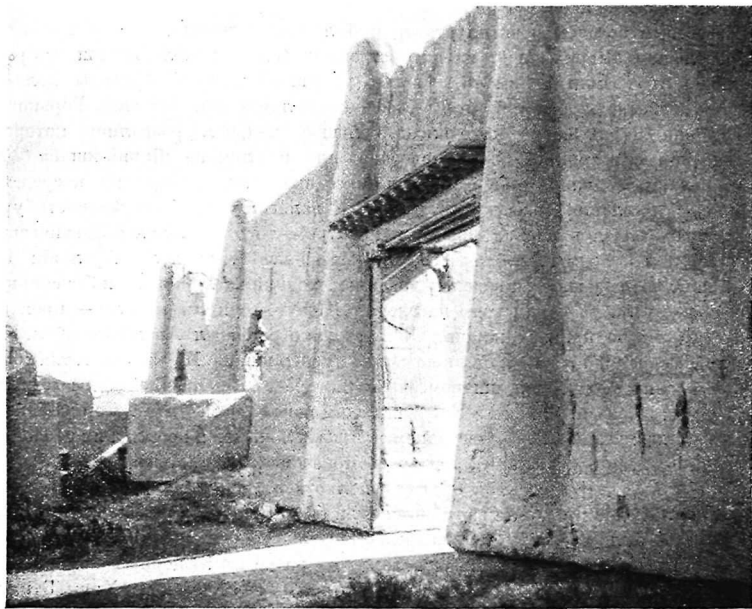

Рис. 2. Развалины Ишан-кала (Куйбышевский район К.-К. АССР)

Следует учесть, что в Каракалпакии мусульманское духовенство и в особенности ишаны издавна владели огромными поместьями. Достаточно указать для примера, что близ Халкабада находилось целое поселение потомственных ишанов рода канглы. Их усадьбы представляли большой архитектурный комплекс (Ишан-кала) огромных, обнесенных высокими стенами «хаули» и мечетей (рис. 2); на землях, принадлежавших этой группе духовных феодалов, ныне расположено шесть колхозов Куйбышевского района.

IV. МАТЕРИАЛЫ ПО ПЕРЕЖИТКАМ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЫТУ КАРАКАЛПАКОВ

Предыдущие разделы нашего очерка свидетельствуют о том, что историко-этнографические исследования дают обширный материал для выявления основных особенностей социального строя каракалпаков до Великой Октябрьской социалистической революции. Верно и образно характеризует народ и положение бедняков, и главных эксплуататоров, в кабале у которых находилось каракалпакское дехканство. В частности, на примере исторического прошлого аулов нынешнего колхоза им. Ахунбабаева отчетливо видны типичные черты социально-экономической структуры каракалпакского общества в колониальный период. В народном представлении еще устойчиво сохранялись традиции родовой общины: земля и оросительные каналы считались принадлежащими родам аралбай, канглы и др. Фактически же классовая дифференциация, много веков назад характеризовавшая общественный строй каракалпаков и народностей, участвовавших в их этногенезе, достигла накануне Октябрьской революции высшей степени глубины и остроты. Внутри земельно-водной общины, в особенности в районе Чимбая, господствовало подворно-наследственное землепользование¹. Земля и вода принадлежали баям и духовенству. Феодальная система эксплуатации (испольщина — «жарымши», подати и сборы, натуральные повинности в пользу помещиков-баев, ишанов и мулл) сочеталась с элементами капиталистических отношений (торговые и промышленные предприятия), все глубже проникавших в каракалпакский аул. Наконец, большую роль в этой системе играли патриархально-родовые пережитки. Многочисленные «диханлар», работавшие на баев и ишанов, являлись их сородичами, и кабальная эксплуатация этих зависимых крестьян сохраняла формы «родовой взаимопомощи», о чем свидетельствуют такие факты, как «оплата» труда путем обязательства женить дихана (т. е. уплатить за бедняка-сородича калым) и кормить его семью. Существовали и другие формы «родовой взаимопомощи», как, например, широко распространенный «комек» — обычай общественной помощи при постройке дома или в срочных полевых работах. Этот обычай баи превратили в средство бесплатного использования труда аульной бедноты в своих хозяйствах.

На протяжении тысячелетий, отделяющих общество XIX—начала XX в. от эпохи первобытно-общинного строя, пережитки древних форм родового быта изменялись, приобретали иное содержание и смысл. В условиях классового общества под оболочкой «родовых вождей» всегда оказываются рабовладельцы или феодалы, а традиционные «родовые» институты прикрывают различные формы эксплуатации трудящихся масс этими «вождями». Патриархально-феодальные отношения не являются чертой социального строя, присущей в дореволюционный

¹ См. «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-дарьинском отделе», вып. 1. Ташкент, 1915, стр. 175.

период лишь каракалпакам. Не меньшим распространением родовых пережитков характеризовался социальный строй туркмен, казахов, киргиз, некоторых групп узбеков и других народов Средней Азии, Сибири, Кавказа.

Важнейший исторический документ первых лет советского и национального строительства партии — тезисы и доклад И. В. Сталина на X съезде РКП(б) по национальному вопросу — сосредоточивает внимание на этом историческом явлении, указывая на наличие среди 65 миллионов невеликорусского населения царской России «...около 25 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлечённых в общее русло советского развития»¹.

Разрешение проблемы некапиталистического пути развития этих отсталых народов восточных окраин, приобщение их к социализму, было тесно связано с политикой разоблачения классового лица феодально-родовой верхушки. Очередной задачей партии в первые годы советской власти здесь являлось «...отстранение всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в советы трудящихся»².

Проведение в жизнь национальной политики партии и советской власти в Средней Азии встретило яростное сопротивление со стороны казахской, киргизской, туркменской, каракалпакской и другой феодально-родовой знати, которая использовала все свое традиционное влияние, авторитет и экономические преимущества для борьбы с советизацией аула. Эта борьба проявилась и на идеологическом фронте: буржуазные националисты «алаш-ордынцы» выступили с «теорией врастания рода в социализм», пытаясь доказать, что родовые отношения сводят на нет противоречия между байством и беднотой и что наличие родового уклада делает казахский аул «почти коммунистическим»³.

Именно в этот период, в 20 — 30-х годах, появились труды советских ученых-этнографов (П. И. Кушнера, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, Л. П. Потапова, П. П. Иванова и др.), направленные на борьбу с происками буржуазного национализма, пытающегося использовать в своих политических целях пережитки патриархально-феодальных отношений в ауле. Эти исследования убедительно пока-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25.

² И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937, стр. 208. Резолюция X съезда РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе.

³ О борьбе с «теориями» алашордынцев см. статью С. П. Толстова «Генезис феодализма и кочевых скотоводческих обществах», «Изв. ГАИМК», вып. 103, 1934.

зали на конкретных примерах социального строя разных народов Средней Азии, лично изучавшегося авторами, что род у полукочевых и кочевых народов Туркестана не был родом в собственном смысле, «он превратился лишь в форму развитого феодального общества, скрывая внутри себя глубоко развитые антагонистические отношения»¹. Проблема рода и родовых пережитков в условиях классового общества XIX — начала XX в., трансформации родовых институтов в обстановке феодальных и развивающихся капиталистических отношений, стала одной из важнейших теоретических проблем советской этнографии.

Изучение с этой точки зрения каракалпакского общества было начато П. П. Ивановым, давшим анализ некоторых земельных документов архива хивинских ханов XIX в., касающихся каракалпакских «родовых» угодий².

Началом этнографических исследований в этой области явились работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции по изучению дореволюционного прошлого каракалпаков, их родо-племенного деления и различных форм патриархально-феодальных отношений.

РОДО-ПЛЕМЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ³

Восстановленная в результате исследований отряда, проведенных в местах исконного обитания главных племен и родов, родо-племенная система каракалпаков (рис. 3) характеризуется прежде всего делением ее на два основных отдела, называемых «арыс» (буквально — «оглобля»): арыс он-торт уру («14 родов») и арыс конграт.

Арыс он-торт уру располагался на правом берегу Аму-дарьи, в бассейне протока (позже — канала) Кегейли, на территории нынешних Чимбайского, Куйбышевского и Кегейлинского районов К.-К. АССР, в наиболее экономически развитом центре дельты, где было сосредоточено около половины ее населения и культурных земель. В 1901 г. из 72 050 чел. он-торт уру только 5000 жили на левом берегу Аму-дарьи, в пределах Хивинского ханства⁴.

Племена и роды арыса конграт были сосредоточены в северной части дельты, на землях, прилегающих к Аральскому морю (бывшие волости Ишимская, Талдыкская, Наупырская, Кок-узякская), а также на левом берегу Аму-дарьи, в нынешних Муйнакском, Кунградском и Ходжейлинском районах республики.

¹ Там же, стр. 190.

² П. П. И в а н о в. Новые данные о каракалпаках. Исторические заметки. Сб. «Сов. востоковедение», т. III, изд. АН СССР, 1945, стр. 68.

³ Настоящий раздел нашего научного отчета представляет собой [сокращенную первую главу книги «Очерки исторической этнографии каракалпаков» (стр. 37 и след.); здесь излагаются лишь главнейшие данные, характеризующие отдельные звенья родо-племенной системы, а весь традиционный материал (легенды, предания, генеалогия родов и племен) опускается.

⁴ См. Г и р ш ф е л д и Г а л к и н. Цит. соч., ч. II, стр. 71.

По данным Гиршфельда и Галкина, в 1901 г. из общего числа 42 000 каракалпаков-контрат в Аму-дарьинском отделе их было 27 400, а в Хивинском ханстве—14 600¹.

Каждый из арысов также делился на две части: он-торт уру состоял из двух пар племен: к т а й - к ы п ш а к и к е н е г е с - м а н г ы т; контрат — из двух отделений: ш у л л у к и ж а у н г ы р.

Деление арысов на две части отражалось и на их расселении. В особенности четко это прослеживается у он-торт уру. Выше уже отмечалось, что между племенами ктай и кыпшак, с одной стороны, кенегес и мангыт — с другой, резкой границей проходит канал Кегейли. Как видно из прилагаемой этнографической карты К.-К. АССР, описанный характер расселения сохранялся в известной степени до последних лет, все более нарушаясь в годы советской власти в связи с освоением колхозами новых земель на окраинах Чимбайского и Кегейлинского районов и переселением туда значительных по численности колхозных бригад и целых колхозов.

Что касается арыса контрат, то собранные нами во время этнографической разведки 1946 г. сведения говорят о преобладании племен шулук на севере, а жаунгыр на юге современной левобережной территории К.-К. АССР. Все каракалпакское население нынешнего обширного Муйнакского района представляло в прошлом сплошной массив контратцев-шулук. В южной части Кунградского района шулук и жаунгыр жили смешанно, а на территории Ходжекейлинского района последние уже преобладали.

РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ОТДЕЛА «ОН-ТОРТ УРУ»

Племена ктай и кыпшак

Племя ктай состояло из 12 родов: 1) бес-сары, 2) бексынк, 3) газ-аяклы, 4) кай-шилы, 5) анна, 6) куйын, 7) айтеке, 8) шеруши, 9) аралбай, 10) манжули, 11) боклы-ктай, 12) кырк. Каждый из родов разветвлялся, как это видно из прилагаемой схемы, на крупные и мелкие подразделения. Племя имело общую для всех родов тамгу—♀ «шомыш» (уполовник) и уран «Ултау!». Численность ктаев, по данным 1912 г., достигала 25 000 чел.; это было наиболее многочисленное из каракалпакских племен, составлявшее до 27% всех каракалпаков правобережного Хорезма; жили ктай главным образом в Чимбайской и Беш-ябской волостях Аму-дарьинского отдела. Уран ктаев — «Ултау!» связывается записанными нами легендами с названием возвышенности Улу-тау.

12 родов ктай объединялись в несколько групп; так, в группу танке входили четыре рода: айтеке, шеруши, анна и куйын; в другую группу входили роды кайшлы и газ-аяклы. Как первая, так и вторая группы сохранили легенды, объясняющие свое объединение происхождением от одного предка.

¹ Гиршфельд и Галкин. Цит. соч., ч. II, стр. 71.

Племя кыпшаки включало в свой состав 14 родов: 1) канглы, 2) санг-мурын, 3) естек, 4) канжыгалы, 5) шунак, 6) басар, 7) толыс, 8) жабы (или ябы), 9) арык, 10) жагалтай, 11) баганалы, 12) майлы-балта, 13) жадик, 14) салтыр. Общая численность племени, по данным 1912 г., около 9200 чел.; расселены были кыпшаки в Чимбайской, Беш-ябской, Яны-базарской и других волостях.

Вся совокупность родов племени кыпшаки делится на две группы: а) «алты-ата» (6 отцов), в которую входят роды: санг-мурын, естек, канжыгалы, шунак, басар, толыс; б) «жети коше» (7 коше) — в составе родов: жабы (ябы), арык, жагалтай, баганалы, майлы-балта, жадик и салтыр.

Особняком стоит род канглы, который многими исследователями до недавнего прошлого рассматривался как самостоятельное племя¹.

Кыпшаки имели свою общеплеменную тамгу — | «алип» («Алиф» — буква «а» арабского алфавита) и уран — «Токсаба!», который связывает происхождение каракалпаков-кыпшаков с кыпчако-половецким племенем XI в. — токсаба, токсобичи. В народе уран «Токсаба» объясняют обычно как составное слово, сложившееся из «ток» — сытый, полный и «саба» — кожаный сосуд для изготовления кумыса. При этом считают, что, в отличие от «самых старших» каракалпаков — ктаев, «самые богатые» — кыпшаки занимались не овцеводством, а коневодством, связанным с изготовлением кумыса².

Несомненно, такая трактовка происхождения урана является искусственным, позднее придуманным объяснением непонятного исторического названия.

П л е м е н а к е н е г е с и м а н г ы т

В состав племени кенегес, по нашим данным, входили восемь родов: 1) аранши, 2) ак-тогын, 3) омыр, 4) тараклы, 5) добал, 6) оймаут, 7) домбазак, 8) нокис. Численность племени в 1912—1913 г. — 8601 чел. Племя было расселено в двух волостях: Яны-базарской (62,4%) и Кегейлинской (37,6%).

В составе племени мангыт было 19 родов, разделенных на четыре группы:

а) к а р а - т а й, объединявшая роды: 1) кара-мангыт, 2) кара-сийрак, 3) ак-мангыт, 4) мамыкшы, 5) косар, 6) кылкалы (хылхалы);

б) с а р ы - т а й, в которую входили роды: 1) аршан, 2) жанлык, 3) ток-мангыт, 4) арсары, 5) таз-жаллык, 6) шуйит, 7) жаманша, 8) есеби, 9) тамгалы, 10) тонг-мойын, 11) темир-ходжа;

в) б о з - т а й, которая, как говорят, также была многочисленной, но в последнее время насчитывала лишь несколько хозяйств;

г) ж е т и м - т а й, также оставшаяся лишь в одном селении, в составе одного рода — ешбуга.

¹ См., например, Г и р ш ф е л д и Г а л к и н. Цит. соч., стр. 71.

² Полевая запись 1945 г. № 5.

Численность племени мангыт в XIX в. выражалась цифрой 11 791 чел., из которых около 70% жили в Кегейлинской волости.

Тамгой кенегесов был X (крест — «аша» или «атанак»), а у мангытов — наверно! знак — f (сабля — «кыш»). Ураны этих двух племен, как и самые их названия, произносились обычно вместе: «Шаули-шаухай!».

Народные традиции связывают кенегес-мангытов, расселившихся на общей территории, еще более тесной «парной» связью, чем ктай-кыпчаков. Каждое из последних имело свой особый боевой клич — уран, а у кенегес-мангытов уран был общий («Шаули-шаухай!»), и, по заверениям стариков, его разъединить нельзя (точного перевода значения урана выяснить не удалось).

Как уже указывалось выше, кроме общего урана, эти племена были связаны и традициями общего происхождения от одного предка (некоего Сары-Мазина, женившегося на перси). Каракалпаки кенегес-мангыты считали себя родственно близкими (жакын) с узбеками одноименных племен, живущими в Бухарской области и бассейне Кашка-дарьи.

Весьма интересной оказалась группировка родов племени мангыт, обнаруженная еще в 1928 г. упоминавшейся выше экспедицией Общества по изучению Казахстана. Многочисленные роды мангыт, по материалам этой экспедиции, делились на три группы («болим» — отделения): ак (белый)-мангыт, кара(черный)-мангыт и тай (жеребенок)-мангыт. Интересно, что бухарские узбеки-мангыт делились также на три группы: ак-мангыт, кара-мангыт и ток (отдельно стоящие)-мангыт¹. Повидимому, у этих двух одноименных племенных объединений каракалпаков и узбеков, подобно некоторым другим, например конграт, существовали в прошлом значительные исторические и этнические связи. Нам, однако, удалось выявить более архаические названия трех групп каракалпаков-мангытов, связанные, как мы думаем, с реликтами тотемических представлений: кара-тай, сары-тай, боз-тай (черный, рыжий и серый жеребенок). В легендах же происхождение этих групповых названий объясняется именами трех братьев-родоначальников (предков), ездивших на черном, белом и сером жеребятах².

РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ОТДЕЛА «КОНГРАТ»

Мы уже упоминали, что в основе структуры отдела конграт лежит деление его на две части — шулдук и жаунгыр.

Независимо от этого деления, все племена и роды, объединенные в отдел конграт, имели общий уран — «Жаилган!». (Такого общего урана у арыса «он-тортуру» не было).

¹ См. Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 58.

² См. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 50—51.

В состав отделения шулулук входили восемь племен: 1) кият, 2) ашамайлы, 3) колдаулы, 4) кос-тамгалы, 5) балгалы, 6) кандеклы, 7) кара-мойын, 8) муйтен.

Отделение жауныгыр составляли семь родов: 1) терис-тамгалы, 2) баканлы (объединяемый обычно с шеужейли), 3) тиекли, 4) ыргаклы, 5) баймаклы, 6) казаяклы, 7) уйгыр.

Соответственно числу составных частей, шулулук обычно называли: «сегиз тамгалы шулулук», т. е. восьмитамговый шулулук, а жауныгыр — «жети тамгалы жауныгыр» — семитамговый жауныгыр. Действительно, если теперь часть тамг забыта, — старики уже не могут их изобразить, — то даже самые названия большинства племен конграт, происходящие от тамг, указывают на наличие их в прошлом у каждого из этих родовых объединений; например, названия кос-тамгалы — имеющие парную тамгу; балгалы — имеющие тамгу в виде молота; терис-тамгалы — имеющие перевернутую тамгу; баканлы — имеющие тамгу в виде бакана — шеста для открывания и закрывания войлоком верхнего отверстия юрты; ыргаклы — имеющие тамгу в виде крючка, и т. д.

Отделение шулулук представляло собой весьма сложную систему, требующую тщательного изучения. В 1946 г. нами был собран ориентировочный материал по народным традициям, касающийся главным образом четырех племен: муйтен, кият, ашамайлы, колдаулы. Первые два, по всей вероятности, сравнительно недавно стали считаться входящими в шулулук. Каждое из них имело собственный уран: кияты — «Арухан!», а муйтены — «Ак-шолпан!». В качестве самостоятельных племен, существующих вне этого отделения, муйтен и кият довольно часто фигурируют у исследователей.

Так, А. С. Морозова еще в 1945 г., составляя на основании опроса населения свою схему арыса конграт, выделила эти два племени из собственно конграт.

В «Шежре» также есть указания на такую их обособленность:

«Уран муйтенов «Ак-шолпан»,
Уран киятов «Арухан»
От Майкы [предок конгратов] пошли конграты,
Они [все] соединились».

И в другом месте:

«Нагадай-би — ага [старший] журта
Всех конгратов предок.
Он отец тридцати сыновей...
С ураном «Жайылган» все конграты,
Потомки этих тридцати сыновей...
Отличный [иной] от «Жайылгана» уран имеющими
Муйтен и кият были...»¹

¹ См. «Шежре» Бердаха, подстрочный перевод У. Кожурова, рукопись Ин-та этнографии АН СССР, строфы 79, 108—110.

Тем не менее, наши материалы, собиравшиеся в разных районах и среди стариков, происходящих из разных племен конграт, явно свидетельствуют о включении киятов и муйтенов в отделение шулдук. Это явление, вероятно, такого же позднего порядка, как и включение канглы в систему племени кыпшака. Некогда многочисленное, политически сильное племя, ослабев и уменьшившись, теряет свою самостоятельность и соответственно меняет место в неустойчивой родо-племенной структуре.

Выше мы уже отмечали тот интерес, который вызывает изучение истории племени муйтен.

Племена ашамайлы, колдаулы и кос-тамгалы связываются обычно общей генеалогией; их возникновение объясняют легендой, видимо позднего происхождения — разделом имущества между четырьмя братьями-предками, с сопутствовавшим этому разделу клеймением скота определенными тамгами: у ашамайлы — тамгой в виде креста (перекрестия или разветвления — «аша»); у колдаулы — тамгой, ставящейся на передней лопатке ноги животного (от слова «кол» — передняя нога, собственно рука); у кос-тамгалы — тамгой двойной («кос-пара»).

Скот четвертого брата клеймили тамгой, ставящейся на задней ляжке животного; племя потомков этого брата называлось сандаулы. Когда-то оно тоже существовало у каракалпаков¹.

Вряд ли, впрочем, эта легенда сможет помочь в разрешении вопроса о причинах объединения группы крупных конгратских племен северной части дельты и морского побережья (в основном рыболовов и скотоводов) в особое отделение — шулдук. Исторические, а возможно и этнические, корни такого обособления их от живущих южнее жаунгыров еще не выявлены.

Такова, в общих чертах, картина родо-племенной организации каракалпаков, восстановленная нами путем перекрестного опроса более 80 стариков, еще четко сохраняющих в памяти сложную систему межродовых связей и древние легендарные генеалогии, отражающие исторические традиции отдельных племен и родов, из которых слагался в результате длительного, многовекового этногенетического процесса каракалпакский народ.

Начатая нами работа по историко-этнографическому анализу родо-племенной организации каракалпаков свидетельствует о том, что в силу сложившейся исторической обстановки пережитки патриархально-родового быта играли еще значительную роль в дореволюционной Каракалпакии, нередко лишь в качестве традиции, а иногда — реально проявляясь в способах феодальной эксплуатации и в ряде обычаев и законов, регулирующих общественную и семейную жизнь каракалпаков.

Наши материалы подтверждают указания исторических источников на то, что в Хивинском ханстве административная система управления каракалпаками соот-

¹ Полевая запись. 1946 г. № 6 и 7. Муйнакский район, колхоз им. Ворошилова.

ветствовала основным звеньям их родо-племенной структуры: би́и, аталыки, беглер-беги, утверждаемые или назначаемые ханом, управляли родами (или группой родов), племенами, отделами (арысами), распределяли землю и воду, собирали налоги, организовывали наборы на трудовые повинности — казу и ханские бегары, мобилизовывали нукеров в ханское войско. Несомненно, такая политика поддержки хивинским правительством, в целях удобства управления отдаленными и мятежными каракалпакскими областями, преданной Хиве каракалпакской родовой знати способствовала сохранению родовой замкнутости и традиционного авторитета последней среди сородичей. В консервации хивинскими ханами экономического и политического могущества феодалов-биев, которая обуславливала неприкосновенность и всей системы патриархально-феодальных форм эксплуатации, П. П. Иванов видел одну из причин, способствовавших столь длительному сохранению в быту каракалпаков родовых пережитков, остатки которых прослеживаются и до настоящего времени. В условиях колониального режима «выборные» болысы продолжали сохранять роль представителей родов (межродовая борьба на выборах нами выше отмечалась). Наконец, и в первые годы советской власти родовая верхушка все еще стремилась остаться на своих позициях и, в условиях обострения классовой борьбы, настойчиво пыталась пробраться в Советы и в правления колхозов для вредительской антисоветской деятельности.

Как мы видели, основным звеньям родо-племенной структуры соответствовал и характер расселения каракалпаков — компактными родовыми группами, вдоль родовых оросительных каналов. Этот тип расселения был существенным тормозом в деле социалистического переустройства аула, вызывая в годы коллективизации частые случаи организации «родовых» (охватывающих население родового аула) колхозов, что весьма затрудняло выявление классового лица местных эксплуататорских элементов — баев и биев. И до недавнего времени пережитки расселения родовыми аулами не вполне потеряли свое значение, отражаясь на организации труда в колхозах. Приведем в качестве примера историю изучавшегося нами колхоза им. Ахунбабаева.

В 1948 г. в колхозе было 14 производственных бригад. Бригады были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга (рис. 4). Будучи организованы по территориальному признаку, они располагались на месте прежних аулов по основным артериям оросительной сети — каналам Канглы-жаб, Аралбай-жаб, Жагалтай-жаб. Традиции старого типа расселения отразились на составе бригад, каждая из которых в большинстве случаев представляла собой по прежней родо-племенной принадлежности мелкое родовое подразделение, прежний родовой аул. Разумеется, это — явление не повсеместное. В Каракалпакии деятельно ведутся работы по переустройству колхозных селений. С каждым годом увеличивается число новых социалистических благоустроенных поселков, куда переселяются колхозники из своих старых аулов. Из прилагаемого плана видно, что в том же колхозе им. Ахунбабаева растущий социалистический поселок достиг уже

в 1948 г. значительных размеров. Новая планировка стирает следы пережитков расселения родовыми группами.

К очень древним¹, но тем не менее чрезвычайно устойчивым пережиткам в общественном укладе каракалпаков относится экзогамия — запрет браков внутри рода. Юноша и девушка, принадлежащие к одному роду, не имели права, по обычаю, вступать в брак не только в том случае, если оба происходили из одного аула, но и тогда, когда аулы находились в отдаленных друг от друга районах и вопрос о возможности действительного кровного родства между этими двумя группами сородичей отпадал. Сколько бы поколений ни отделяло друг от друга мужчину и женщину одного рода, брак между ними не допускался. Наоборот, часто встречались браки между двоюродными братом и сестрой, если их родители были родными братом и сестрой. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что ребенок сестры всегда относился к иному роду, чем она сама, так как она выходила замуж в другой род и дети ее причислялись к роду своего отца.

Как свидетельствуют наши материалы, экзогамными были все роды каракалпаков, за исключением двух: канглы (племя кыпшак) и кайшылы (племя ктай). Такую исключительность положения в отношении обычая экзогамии у канглы можно объяснить тем, что они сравнительно недавно, видимо численно уменьшившись, стали считаться родом, а не племенем; как уже говорилось, это осколки крупного родо-племенного союза, в XII—XIII вв. игравшего большую роль в политической жизни Хорезма. Что же касается кайшылы, то исторические причины отсутствия в этом роде экзогамии нами не выяснены. В колхозе им. Фрунзе Чимбайского района старик Ерлипесов из рода кайшылы нам подтвердил, что между всеми девятью подразделениями рода разрешены браки. Однако существуют две легенды, пытающиеся оправдать и объяснить нарушение закона экзогамии в данном случае. Первая (по словам Ерлипесова) сообщает, что, когда (еще в Туркестане) предок кайшылы Байбулат стал шейхом, ему было присвоено право, как и всем шейхам, жениться внутри своего рода². Второй вариант говорит, что когда Байбулат стал шейхом, ему во сне было предсказано, что у него будет девять сыновей, потомству которых разрешается вступать между собой в брак³.

Еще несколько десятилетий назад нарушение экзогамии не только осуждалось общественным мнением, но и требовало возмездия, большей частью изгнания из рода. И до настоящего времени экзогамия еще не вполне изжита в каракалпакском ауле. Сохранение этого обычая, регулирующего брак, следует оценивать с точки зрения задач идейно-политического воспитания масс как отрицательное явление, способствующее консервации воспоминания о прежней принадлежности

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, гл. II. Госполитиздат, 1950.

² Полев.: запись 1945 г. № 18. Чимбайский район, колхоз им. Фрунзе.

³ То же, № 15.

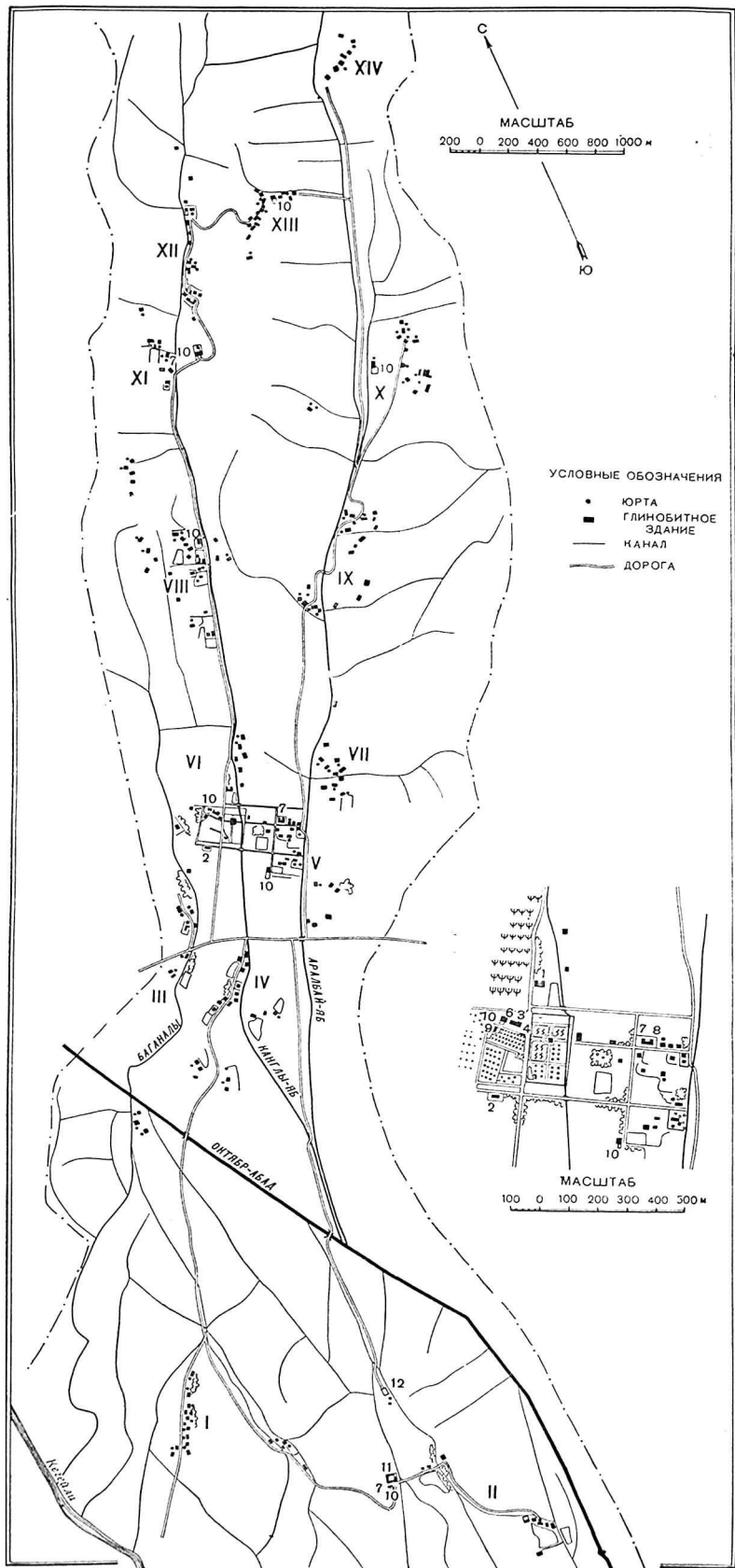

Рис. 4. План колхоза им. Ахунбабаева (1948 г.)

1 — правление колхоза; 2 — клуб и медицинский пункт; 3 — зерновой склад и гараж; 4 — фруктовоовощной склад; 5 — мясной склад (помещение для гостей); 6 — магазин; 7 — школа; 8 — детский сад; 9 — столовая и кузничная мастерские; 10 — бригадные хозяйственные постройки (Хлопковый склад, хлеб для рабочего скота и др.); 11 — ферма крупного рогатого скота; 12 — полевой стан фермы и летний загон для скота. Римскими цифрами обозначены номера колхозных бригад. Глазомерный съемка картографа Б. В. Андриянова

к определенному замкнутому родовому коллективу. С другой стороны, этот древний каракалпакский брачный закон, необоснованно ограничивающий брак среди больших групп населения, находится в прямом противоречии с советским законодательством о браке и семье, в противоречии с новой жизнью колхозного аула, с социалистической перестройкой семейно-бытового уклада каракалпакского колхозника и должен рассматриваться, как вредный пережиток.

* * *

Перейдем к рассмотрению еще одного явления, связанного с пережитками древних форм брака, но не имеющего, как экзогамия, реального значения в современном быту, а сохранившегося лишь в исторической традиции.

Этим пережитком является прослеженная нами при изучении родо-племенной системы каракалпаков тенденция членения всей совокупности родов и племен на два и четыре, а также парной связи большинства племен и многих родов.

Действительно, из материалов, изложенных выше и графически выраженных в прилагаемой схеме родо-племенной структуры каракалпаков, видно, что все их роды и племена делились на два арыса: конграт и он-торт уру; арыс конграт — на два отделения; каждое из его племен в большинстве случаев (ашамайлы, колдаулы, муйтен) ведет свою родословную от четырех легендарных предков. Арыс он-торт уру делится на четыре племени, связанные попарно: ктай-кыпшак и кенегес-мангыт. Внутри некоторых из них, в частности ктай, закономерность четного членения проходит сквозь все звенья: четыре основные группы (если условно отбросить позднее присоединившиеся роды кырк и аралбай) заключают в себе по четыре (группа танке) и по два (бессары - бексынык, казаяклы - кайшылы, манижули — боклы-ктай) рода в каждой; и далее — бессары делятся на два родовых подразделения (жунли и койлы), так же как и роды бексынык, манижули и др.

Деление всей совокупности племен, составляющих родо-племенную систему, на два отдела и преимущественно парное членение расположенных ниже звеньев этой системы не может рассматриваться как случайное явление, свойственное лишь каракалпакам. Оно наблюдается также у киргизов, туркмен, узбеков, а обратившись к историческим свидетельствам древних и средневековых авторов и к дошедшим до нас генеалогическим сказаниям, мы сможем проследить это явление далеко вглубь веков — у огузов, печенегов¹, монголов, среди тех многочисленных и этнически неоднородных племенных союзов, которые участвовали своими элементами в этногенетическом процессе народов Средней Азии.

Сравнительный этнографический анализ четного членения и попарной связи племен и родов у каракалпаков и перечисленных современных и средневековых народов² приводит нас к заключению о наличии пережитков дуальной организации

¹ См. С. И. Толстов. Города гузов, стр. 97.

² См. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, гл. II.

в родо-племенной структуре каракалпаков и о перенесении на попарно объединенные племена некоторых традиций, связанных с древними фратриями.

Имеющиеся сведения о семейно-брачных отношениях у монголов (в «Собрании летописей» Рашид-эд-Дина и «Сокровенном сказании») дают основание считать, что у монголов XI—XIII вв. были еще сильны пережитки дуальной организации. «Часто наблюдалось обыкновение брать невест в какой-либо род из одного и того же рода» (Р.-эд-Д., 1, 150, 153, 157). Члены таких родов (мужчины) величали друг друга «сватами» — «худа» («Сокров. сказ.», 35). Иногда между родами заключались правильные договоры об обмене девушками-невестами (Р.-эд-Д., 1, 87, 157, 175; «Сокров. сказ.», 35)¹. У Рашид-эд-Дина встречается множество указаний на отношения «худа» — свойства между родом Чингис-хана — кият-борджигин и родом Onggigad, или конграт, из которого кияты брали себе невест. Это дает основание полагать, что именно два таких рода, как монгольские кият и кунград, связанные отношениями свойства, «худа», могли стать основной ячейкой парного членения, так сказать «парой родов» — фратрий.

Подтверждением этого служит тот факт, что одну из пар родов, объединяемых в Хорезме еще со времен Абульгази — хана хивинского (XVII в.), а возможно и Убейдуллы — хана бухарского (XVI в.), в «туше» составляли узбекские роды кият-конграт².

У каракалпаков, как и у монголов, система терминов свойства, с сохранением в основе монгольского термина «худа», распространяется не на узкосемейные круги брачующихся, а на весь род. Нами записана эта система терминов на конкретном примере брака каракалпака кыпшақ-копсокыр с каракалпачкой ктай-аралбай.

После этой женитьбы весь аул (род) аралбай для мужа стал родственным, называясь к а й н - ж у р т ы; для более старших, чем молодожен, копсокыров аралбай теперь стали к у д а (сваты), а молодожен для аралбаев — к и е у. Молодежь обоих этих родов называла друг друга к у д а - б а л а, женщины — к у д а - г а й, девушки из рода аралбай для копсокыров и наоборот — к у д а ш а. Все девушки аралбай младше жены для мужа — б а л д ы з, а они его называли ж е з д е. Женщин из рода аралбай старше мужа он называл к а й н - б и к е, а они его называли к и е у - б а л а. Старшие братья жены и вообще мужчины из рода аралбай, которых она называла ага, для мужа были — к а й н - а г а; их жен и он, и его жена называли ж е н г е, они же называли его жену б и к е ш, а его — к и е у - б а л а.

Младших братьев жены и всех мужчин из рода аралбай младше ее жена называла и н ы м, а муж — к а й н ы м. Они же называли жену его а п а, а его — ж е з д е. Их жен его жена называла к е л и н, а они ее — а п а.

¹ Цит. по Б. Я. Владимирцову, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 48.

² См. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», изд. АН СССР, 1938, стр. 327—328.

Наряду с системой терминов свойства, нами зафиксировано около 200 терминов родства (рис. 5), отражающих не менее архаические традиции брачных отношений у каракалпаков. Эти термины, разумеется, не соответствуют отношениям, бытующим в современной каракалпакской семье, а являются памятником глубокой древности, характеризуют следы группового брака, существовавшего у далеких предков каракалпаков. На классификационную систему номенклатуры родства указывает ряд фактов, в частности отсутствие абстрактных терминов для обозначения кровных брата и сестры. Номенклатурой родства и родные и двоюродные братья и сестры делятся на старших и младших, со специальным обозначением для каждой из этих групп («ага», «ини», «апа», «карындас»). Мужчина называет детей своих сестер, племянников по сестрам, — «жиен», а по братьям — «ини» и «карындас», т. е. так же, как и своих кровных младших братьев и сестер; существует специальный термин «дайы» для обозначения родства по матери (дядя — «дайы», тетка — «дайы-апа» и т. д.). Мужья сестер называют друг друга «бажа»; дети сестер, независимо от пола, при обращении друг к другу употребляют термин «боле» и т. д.

Как свидетельствуют приведенные здесь данные о номенклатуре родства и свойства, в семейно-брачных отношениях каракалпаков очень долго сохранялись не только пережитки терминологии классификационной системы родства, но и некоторые пережитки архаических брачных отношений, свойственных родовому обществу.

Целый комплекс реликтов патриархально-родового быта и даже матриархата связан со свадебными обрядами и семейным укладом. Записанные отрядом в разных районах старинные свадебные обряды характеризуют три этапа этого ритуала.

1. Сговор, происходивший обычно между родителями брачующихся, когда последние еще были маленькими детьми, а иногда и до рождения детей. Во время сговора определялся размер калыма, выплата которого родителям невесты являлась обязательным условием заключения брака.

2. Собственно свадьба, когда жених приезжал в аул невесты и после выполнения множества обрядов происходило официальное венчание их муллою; после первой брачной ночи муж уезжал в свой аул.

Среди цикла обрядов, выполнявшихся в этот период, интересны те из них, которые характеризуют участие в торжестве не только семьи невесты, но и всего ее рода, в частности обряд «сог», заключавшийся в том, что определенный человек из рода девушки резал привезенного женихом быка и делил его мясо между всеми жителями ее аула: «Мясо раздают всем в ауле; непременно должно хватить для всех хотя бы по кусочку»¹.

Для жениха была установлена целая система обрядовых выкупов — «каде», отдельно по отношению к юношам, девушкам, старикам из рода невесты.

¹ Полевая запись 1945 г. № 4 по теме «Свадьба». Чимбайский район.

3. Пребывание молодой женщины в родном ауле, у родителей, которое длилось иногда до 3—5 лет. В течение этого времени муж лишь приезжал к жене на короткие сроки, а жил постоянно у себя в ауле.

Этот момент является характерным пережитком матрилокального брака. Интересно, что прежде, в течение всего периода пребывания женщины у родителей — от дня свадьбы и до отъезда ее в аул мужа, ей разрешался свободный образ жизни, общение с мужской молодежью, участие в гулянках, посиделках («утырыспа») и пр. Бывали случаи беременности женщины не от мужа, что не ставилось ей в вину, — ребенок в таких случаях усыновлялся мужем. Вообще же первый ребенок, родившийся еще в ауле жены, часто оставлялся на воспитание родителям женщины.

Отъезду женщины в аул мужа предшествовало ритуальное прощание ее со всеми сородичами, сопровождавшееся особыми прощальными песнями.

4. Свадебные обряды, выполнявшиеся при переезде женщины в чужой для нее аул мужа, обозначавшем коренной перелом в ее жизни. Этот момент всегда сопровождался надеванием особого костюма (в частности, головного убора — кимешек) и обрядами введения ее в род мужа. Она должна была одаривать женщин и девушек кольцами, серьгами, представлялась старикам аула, которых она приветствовала и одаривала тютюбейками — тахья. Перед въездом в аул ей закрывали лицо платком и затем в торжественной обстановке, при участии бахсы, открывали (обряд беташар).

Связь женщины с родительским аулом, между тем, не прекращалась. По обычаю она периодически приезжала к родным — с мужем, с ребенком или одна, привозила в подарок скот и иногда подолгу там жила. Угнетенное, приниженное положение женщины в семье мужа часто вызывало побеги женщин к родителям. Изучавшиеся нами архивные документы конца XIX — начала XX в. пестрят исками, вызванными уходом жены. В таких случаях муж требовал, чтобы жену насильственно доставили ему, либо возвратили калым, что подчас было не под силу родителям женщины. В дореволюционной литературе имеются указания на частые случаи убийства и самоубийства женщин-каракалпачек. Тяжело отражалось на их положении распространение обычая левирата: если муж умирал, на вдове женился брат мужа, усыновлявший ее детей, а если не было братьев, — кто-либо из родственников мужа. Отпустить вдову к родителям считалось позором, над родственниками умершего смеялись: «Разве у вас нет мужчин, что вдова от вас ушла». Старики рассказывают, что бывали случаи, когда юноша умирал в период после сговора, но до свадьбы. Тогда девушка тоже обязана была выйти замуж за его брата, а если у него был только младший брат, и притом маленький, она должна была годами ждать, когда он вырастет, не имея права выйти замуж за другого¹.

¹ См. полевую запись 1945 г. № 2 по теме «Свадьба».

В похоронных обрядах каракалпаков также до недавнего прошлого сохранялось много пережитков общинно-родового быта (в частности, повсеместно распространенный обычай похорон на родовом кладбище) и древних, доисламских верований¹.

Отрядом собран, таким образом, обширный материал, характеризующий пережитки давно минувших этапов развития социального строя каракалпаков. В настоящее время в социалистической Каракалпакии большая часть этих пережитков уже стала достоянием истории, сохранившись главным образом в памяти у стариков, и наши расспросы и беседы о старых обычаях вызвали среди неискушенной в них молодежи в колхозах не менее оживленный интерес, чем у сотрудников отряда экспедиции.

Если женщина в ауле иногда и соблюдает некоторые старые обычаи по отношению к мужу и его родственникам (не произносит их имен, не всегда участвует в общих трапезах, особенно при посторонних, и др.), то это теперь имеет характер скорее внешнего соблюдения этикета; по существу же роль женщины в семье коренным образом изменилась, к ее голосу прислушиваются и с ней весьма считаются.

Женщина сама зарабатывает и вносит значительный собственный пай — свои трудодни — в бюджет семьи. Большое влияние на изменение отношения к ней в семье оказывает общественное мнение — почет и уважение, которыми пользуются хорошие производственницы, выдвижение их на ответственную работу, повышение грамотности, образованности и вообще культуры среди женской молодежи. Все это влечет за собой рост самостоятельности и личной свободы женщин.

Факты свидетельствуют о повсеместном преобладании новых форм брака — по любви и дружбе, по инициативе самой молодежи.

Традиционный калым запрещен советским законодательством, строго караются советскими законами и другие унижительные для женщины обычаи — многоженство, брак с малолетними.

Жених по новому обычаю должен обязательно приготовить подарок своей невесте, так называемый «бес кейим» — «пять одежд». В состав этого комплекса одежды входят: 1) обувь — «аяк кейими», хорошие туфли, обычно городского фасона, 2) большой нарядный (выходной) платок, 3) «шойы койлек» — платье из бухарского шелка, 4) камзол (обычно плюшевый) или «костюм» — жакет европейского фасона, 5) «палтон» — пальто городского фасона, чаще всего также плюшевое или бархатное. Венцы приобретаются по вкусу девушки.

Нами подробно записана современная свадьба среди каракалпакской интеллигенции. По сравнению со старым сложнейшим ритуалом все обряды упрощены

¹ См. нашу статью в «Кратких сообщениях Института этнографии» № 2 за 1947 г. — «Этнографическая разведка в Чилбайском районе Кара-Калпакской АССР».

сводятся большей частью к взаимным угощениям и подаркам родственников жениха и невесты.

Многие обряды сейчас выполняют не всерьез, а в шутливой форме; на празднество — «той» — всегда приглашаются музыканты: в ауле — бахсы — певцы, исполнители лирико-романтических произведений народного поэтического творчества, а в городе — артисты театров, филармонии и др. Основное содержание современной свадьбы, как нам кажется, уже не старинная и архаически строгая обрядность, а веселое празднество.

У. ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРАКАЛПАКОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЖИЛИЩУ

Жилище каракалпаков Хорезмского оазиса характеризуется разнообразием форм, сложившихся в зависимости от исторических и природно-хозяйственных условий в данной местности и отличающихся друг от друга строительным материалом, техникой, типом жилых и хозяйственных построек, планировкой усадьбы и селения. Единственным устойчивым видом каракалпакского жилища, не зависящим от локальных историко-географических особенностей разных районов республики, является юрта (кара-уй), до сих пор не вполне потерявшая своего значения традиционного народного жилища каракалпаков и широко распространенная в аулах дельты Аму-дарьи.

Первые описания каракалпакского жилища в Хорезме относятся к середине и второй половине XIX в. Их находим в записках и статьях участников экспедиции Бутакова (1858—1859 г.), в работах Каульбарса и других русских исследователей времени походов России на Хиву (1873 г.), в трудах участников Аму-дарьинской экспедиции 1874—1875 г. (Л. Соболев, худ. Каразин, Риза-кули Мирза) и отчетах первых начальников Аму-дарьинского отдела, по своим административным обязанностям знакомившихся с населением края, его хозяйством и бытом.

Все эти сообщения свидетельствуют о том, что еще в середине XIX в. основным жилищем каракалпаков была юрта; выстроенные кое-где близ юрт глиняные мазанки служили лишь хозяйственными помещениями — кладовыми для хранения домашнего скарба и продуктов питания, хлебами и конюшнями. Для скота строились и землянки. Лишь на юге Каракалпакии, в б. Шураханском участке и близ Чимбая, у купцов, баев и биев были глинобитные дома-усадьбы, построенные по типу хивинских хаули.

Господство юрты в качестве основного жилища каракалпаков вовсе не свидетельствует о скотоводческо-кочевом типе их хозяйства. Как уже указывалось выше, каракалпакам было издавна свойственно комплексное хозяйство с сочетанием земледелия, скотоводства и рыболовства. Скотоводство их характеризовалось преобладанием крупного рогатого скота. Этот факт сам по себе опро-

вергает версию о кочевом характере хозяйства. С другой стороны, земледелие каракалпаков в низовьях рек, у берегов протоков и на островах дельты не позволяло развиваться прочной оседлости. Неустойчивый характер этих угодий, постоянные затопления и изменения русел протоков заставляли каракалпаков часто менять места своего обитания и переходить в соседние, не затопленные водой местности. Полукочевому образу их жизни способствовало также и наличие стад, вынуждавшее в летний период совершать перекочевки к близлежащим пастбищным угодьям, конечно несравнимые по своим масштабам с перекочевками кочевников-казахов.

Эти особенности хозяйственно-бытового уклада каракалпаков, сохранившиеся в нижней дельте Аму-дарьи вплоть до первых лет социалистической реконструкции народного хозяйства советской Каракалпакии, были, вероятно, главным фактором, способствовавшим стойкому сохранению юрты в качестве основной формы народного жилища каракалпаков, несмотря на давнее развитие у них земледелия.

В юрте жили не только летом, но и зимою. Однако в целях обороны от набегов соседей-кочевников — туркмен и казахов, на зимний период, когда эти набеги становились систематическими (вследствие замерзания озер, болот и самой реки с ее протоками, служивших летом непреодолимым препятствием для конных «аламандчиков»), каракалпаки собирались во главе со своими родовыми старшинами — биями в особые укрепления — «кала». Последние представляли собой большие прямоугольные пространства, обнесенные стенами или огороженные насыпным земляным валом и окруженные рвом. По сообщениям А. В. Каульбарса, в 1873 г. в дельте были десятки подобных каракалпакских укреплений; самыми крупными из них, видимо, были Чимбай и Кунград. Так, Н. Каразин пишет: «Каракалпаки, кочуя летом близ своих полей в кибитках, на зиму перебираются в Чимбай и в этой ограде собираются все вместе в тесную кучу, доходя числом до сорока тысяч кибиток». Далее он описывает Нукус — устроенное по тому же типу, но маленькое укрепление: «Это был кишлак Нукус... положительно довольно сильный укрепленный форт, в котором маленькому гарнизону очень удобно защищаться от нападения вдсестеро сильнеешего неприятеля. В тесном четырехугольном пространстве, окруженном стенами, стояли кибитки, — вплотную одна к другой. Только пеший мог пробраться между этими кибитками...»¹ В стенах Кунграда участник Хивинского похода подполковник М. Г. Черняев застал в 1873 г. до 3 тыс. кибиток. «Каракалпаки, — пишет он, — находятся постоянно как бы в осажденном положении и для защиты себя противу туркмен собираются в большие аулы, которые ограждают глиняными стенами»².

¹ Н. К а р а з и н. В низовьях Аму. «Вестник Европы», 1875, № 3, стр. 204, 220 (надо полагать, что число кибиток, собиравшихся в Чимбае, сильно преувеличено. — Т. Ж.).

² М. Ч е р н я е в. Низовья Аму-дарьи до Кунграда. «Туркест. ведомости», 1873, № 3.

Наряду с юртой и описываемыми здесь укреплениями в период хивинского владычества, в конце XVIII — начале XIX в., у караалпаков существовали, как это нами выяснено, усадьбы-замки крупных феодалов — биев и аталыков. Примерами таких усадеб являются Орунбай-кала, развалины которой находятся на пересохшем русле Жаны-дарьи, и Ораз-аталык-кала в Кара-Узьякском районе. Пер-

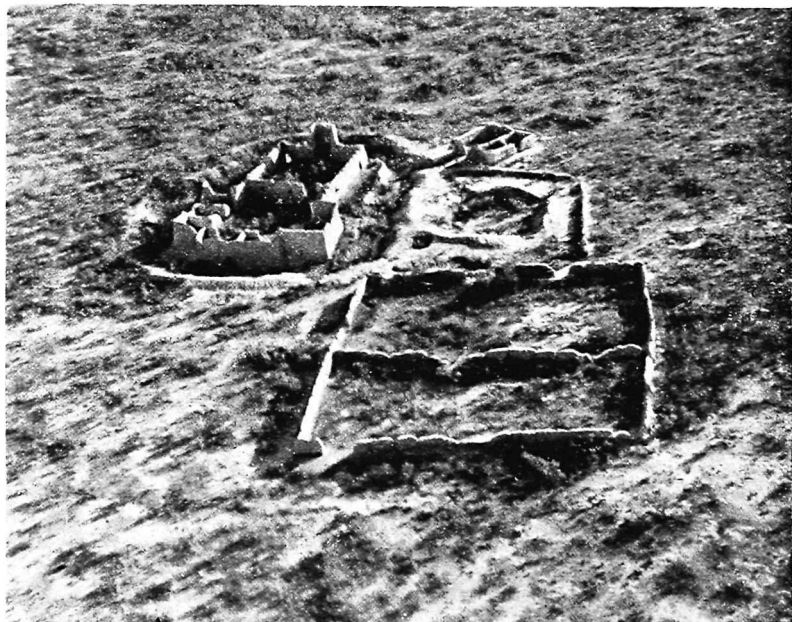

Рис. 6. Развалины укрепленной усадьбы XVIII — нач. XIX в. Орунбай-кала (авиасъемка)

вая из них принадлежала хорошо известному по хивинским хроникам Муниса (и по нашим полевым материалам 1947 г.) Орунбай-бию-мангыту, современнику завоевания Мухаммед-Рахим-ханом хивинским Жаны-дарьинского караалпакского «эля» и переселения покоренных племен в бассейн Кегейли. Развалины Орунбай-кала, покинутой ее владельцем, очевидно, именно в этот период (рис. 6, 7, а, б), представляют собой здание площадью 30×20 м. Стены здания глинобитные; сохранилось 4—6 слоев пахсы. Внутренняя планировка позволяет предполагать, что в доме было 8 жилых комнат с треугольными нишами и декорированными

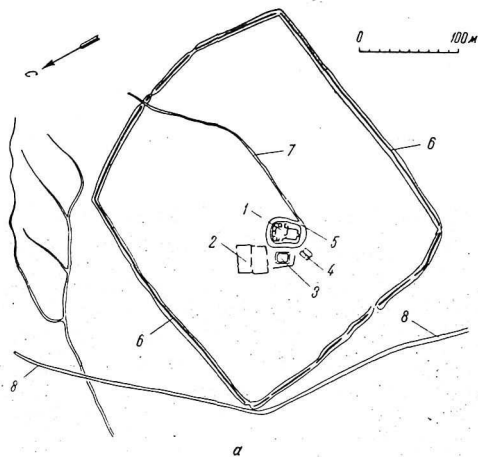
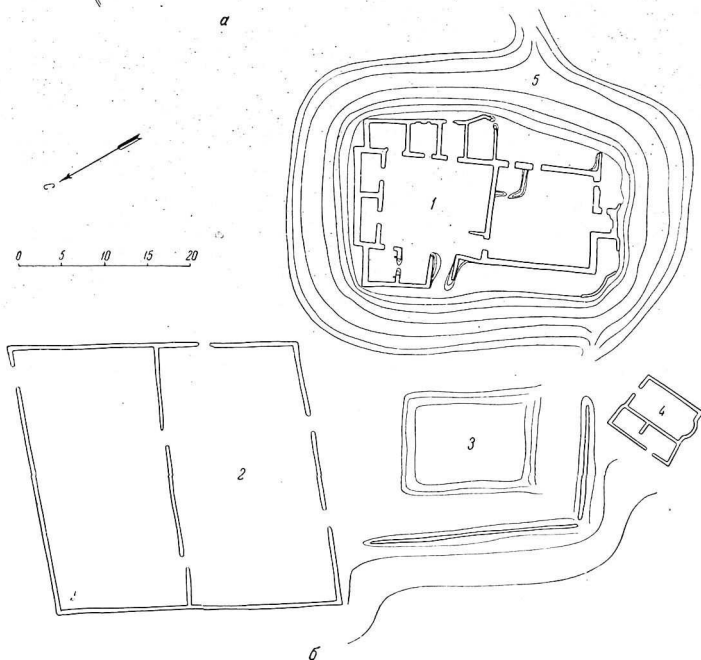

Рис. 7. Развалины Орунбай-кала (XVIII—начало XIX в.)

а — генеральный план укрепленной усадьбы: 1 — жилой дом, 2 — загон для скота, 3 — водоем — хауз, 4 — хозяйственные постройки, 5 — ров, 6 — внешние стены усадьбы, 7 — арык, 8 — современная дорога
б — план центральной части усадьбы

геометрическим узором (тисненным по глине) стенами, а также — айван (где, вероятно, зимой стояла юрта) и примыкающий к нему большой михраб домашней мечети. В здании было два входа: один в айван, другой через коридор — дализ, во внутренний крытый двор и жилые комнаты. Все здание было окружено глубоким рвом; между стенами и рвом, на ровной, окружающей здание с трех сторон площадке шириной до 2 м, вероятно, располагались навесы и хозяйственные помещения с легким перекрытием: в стенах дома сохранились следы балок и жердей от этих перекрытий. Прямо перед домом

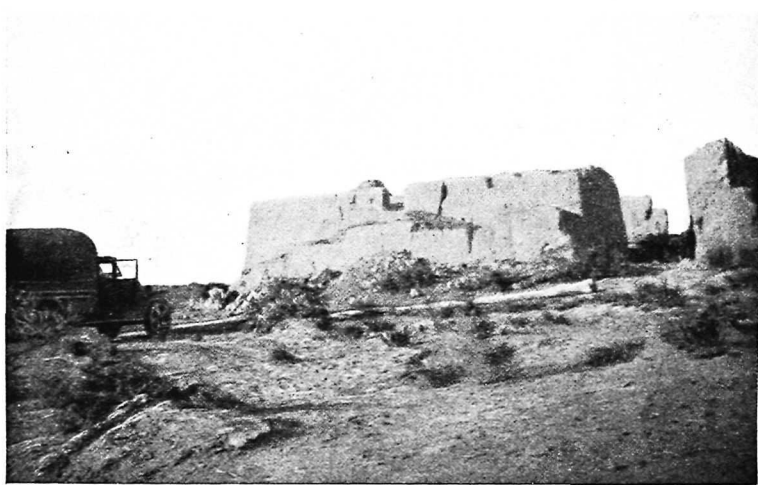

Рис. 8, а. Развалины Ораз-аталык-кала (середина XIX в. Кара-Узйкский район К.-К. АССР. Фото 1948 г.)

располагался большой хауз (пруд) с проведенным к нему арыком. Близ хауза находился загон для скота; позади здания видны следы хорошо обработанного, обильно орошенного сада (виноградника) и бахчей. Вся площадь усадьбы, окруженная стеной, равнялась 300×250 м и, судя по этим внушительным размерам, в периоды опасности вражеских нападений вмещала юрты подвластных могущественному мангытскому бию каракалпаков.

Если Орунбай-кала по времени относится к кануну завоевания Хивой каракалпаков, то вторая из названных нами усадеб, Ораз-аталыка, относится к кануну завоевания Хивы Россией. Богатый, влиятельный при ханском дворе Ораз-аталык колдаулы был последним аталыком этого племени на правом берегу Аму-

дарьи: должность аталыка, учрежденная хивинскими ханами для каракалпакских знатных правителей наиболее многочисленных племен, была упразднена российскими властями, и сын знатного Ораза — Ауэз фигурирует в наших материалах уже как мелкий чиновник колониального аппарата Аму-дарьинского отдела — аксакал. Усадьба Ораз-аталыка, развалины которой расположены на территории современного Кара-Узикского района (земли колхоза им. Ворошилова), возвышаясь среди цветущих хлопковых колхозных полей, как маленький островок

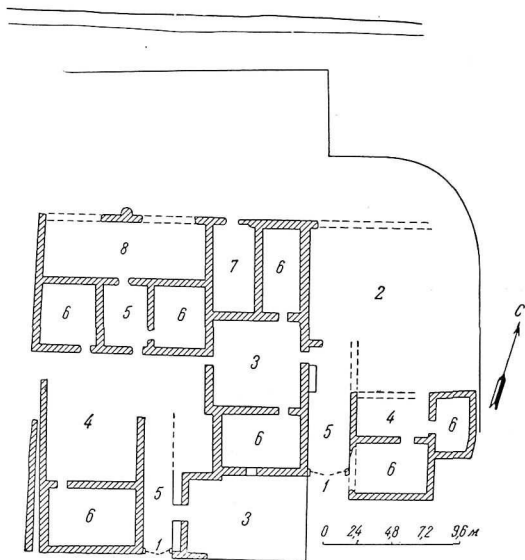

Рис. 8, 6. План Ораз-аталык-кала (назначение помещений установлено в 1948 г. при помощи местных жителей-стариков)

1 — даруаза — ворота; 2 — внутренний двор; 3 — уй-жай (зимние помещения для юрт); 4 — айваны (крытые террасы); 5 — дализ (коридор); 6 — окире (жилые комнаты); 7 — хозяйственное помещение; 8 — сенс-хана (хлев)

мрачного прошлого каракалпакского народа, плохо сохранилась (рис. 8, а). С помощью стариков из местного населения нам удалось в общих чертах, изучая развалины, восстановить план разрушенного дома; что же касается близлежащих построек и окружающих усадьбу стен, то последних не осталось вовсе, а из построек сохранилась близ дома большая, расположенная на пригорке мечеть.

Внутренняя планировка здания (рис. 8, б) отличается многочисленными обширными айванами, крытыми и открытыми «уй-жай» (помещения для юрты), в которых, по словам информаторов, размещалось по одной и по несколько юрт. Вдоль задней стены дома находились помещения для скота. В прошлом эта усадьба, как уже отмечалось, была резиденцией богача-сановника, облеченного властью и доверием хивинского правительства; все подвластное ему население жило в юртах.

После того как в 1873 г. большая часть территории, населенной каракалпаками, отошла к России, положение их на правом берегу резко изменилось. Охраняя население Аму-дарьинского отдела, русское правительство приняло меры, в результате которых совершенно прекратились туркменские аламань, бывшие постоянным явлением в условиях Хивинского ханства вследствие ряда экономических и политических причин и губительно отражавшиеся на экономике края.

Во время полевых работ мы неоднократно слышали от стариков, что с приходом русских каракалпаки правобережья избавились от нападений туркмен и оказались в лучшем положении, чем их сородичи на левом берегу, где хивинские ханы не в силах были оградить своих подданных от набегов, хотя и часто прибегали к помощи русских войск для карательных походов на туркменские аулы.

Возможность мирной жизни, переход к прочному оседлому земледельческому хозяйству способствовали развитию в главном центре земледелия дельты — районе Чимбая — строительства жилищ постоянного типа. Статистическое обследование Переселенческого управления, проведенное в 1912—1913 гг., зафиксировало в районе Чимбая на 14 936 юрт 3995 жилых глинобитных построек. В других районах процент жилых построек был совсем ничтожен; например, в Даукаринском на 3251 юрту их было 110, в Талдыкском на 5655 юрт — 680¹.

Если в бассейне Кегейли в колониальный период уже начинает распространяться глинобитное жилище, то в отдельных местностях края, на севере, северо-западе и северо-востоке Каракалпакии, до самой революции основным типом жилья оставалась юрта.

На зиму, для защиты от пронизывающих холодных ветров, юрты окружались изгородью из ветвей или плотно прилегающих друг к другу вертикально поставленных снопов камыша, которые закапывались нижними концами в землю и слегка обваловывались насыпной землей. Остатками такого способа утепления юрт в зимний период являются, видимо, и те многочисленные земляные круги, по размерам близкие к окружности юрты, которые зафиксированы авиаразведкой Хорезмской экспедиции в местах старых поселений каракалпаков, вне пределов Хорезмского оазиса, в бассейне Куван-дарьи и Жаны-дарьи.

¹ См. «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-дарьинском отделе», вып. 1, Ташкент, 1915, стр. 145.

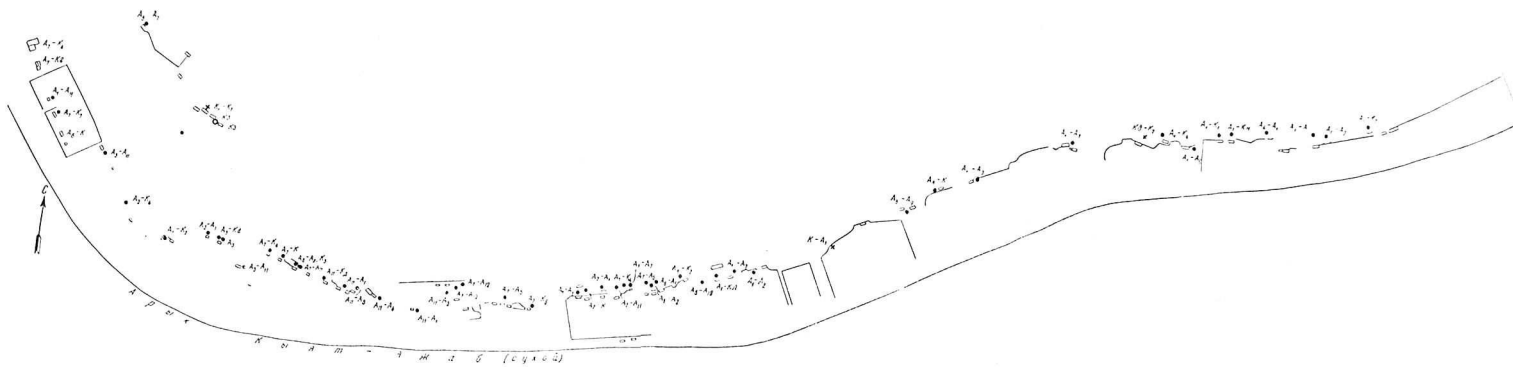

Рис. 9. План поселка Тохта-кар. Старый тип компактного расселения каракалпачков одного или двух близко родственных родов. Буквами обозначены крупные родо-племенные деления, цифрами — более мелкие подразделения (уру).

Отдел Копт-гал, А — адым-адым: 1 — сары, 2 — шалынчалы, 3 — ман-чара, 4 — табакчи, 5 — шазар, 6 — туркмен, 7 — сакку, 8 — чара, 9 — шомы, 10 — балалы, 11 — ахай, 12 — апылы, 13 — абыз; К — киякты 1 — унутамсыл-арын, 2 — калган, 3 — ашынчалы, 4 — таракан-кыргач, 5 — каризау-буре, 6 — абас, 7 — бармыска-кынг, 13 — коджа узак, 14 — кулак-кочу, Ко — кизил-кынг, Кю — кес-тач-галы, К — башма-кынг.

Отдел Ош-торт уру. Ко — ит-а; Ка — кеве-ге; Кю — иши-а (кангы). Другие национальности: Кю — казах

*
*
*

Перейдем к характеристике материалов Хорезмской экспедиции по современным типам каракалпакского жилища в дельте Аму-дарьи.

Наш этнографический отряд на протяжении всех своих маршрутов, в каждом из 30 охваченных обследованием колхозных аулов, большое внимание уделял описанию местного типа селений, усадеб, жилых построек. Собранные в результате непосредственных наблюдений отряда материалы (планы, чертежи, фотографии, зарисовки, описания) позволяют определить в общих чертах следующие ареалы распространения основных типов каракалпакского жилища.

1. Север К.-К. АССР — нижняя дельта Аму-дарьи и побережье Аральского моря, административно — Муйнакский район. Основное направление хозяйства каракалпакских колхозов — рыболовство. Селения вытянуты вдоль протоков дельты и крупных арыков (колхоз «Красная Армия» на берегу Казах-дарьи, колхозы им. Ворошилова и «Марат» на Ак-дарье, «Тахта-каир» на Кият-жабе — (рис. 9) или располагаются у самого берега озер (колхоз «Кенес» на берегу оз. Кара-терень) и у моря (колхоз им. Буденного на о-ве Муйнак). Усадьбы в колхозах располагаются компактно, образуя вытянутую линию, внутри которой намечаются группы усадеб, принадлежащих 5—6 близкородственным семьям. Симметричная планировка вдоль улиц отсутствует — последние представляют собой случайно проложенные дорожки и тропинки между усадьбами. Основной, оживленнейшей «трассой» селения является проток, арык или река, так же как основным видом транспорта — лодка (кайык). Арба встречается очень редко, лодка же играет огромную роль в хозяйстве и быту Муйнакского района, этой своеобразной «каракалпакской Венеции»: на лодке колхозники-рыбаки проводят все рабочее время, на ней отправляются на базар, в гости, по делам — в районный центр. В случае необходимости переселения в другую местность (вследствие затопления, например) на нее грузят юрту и домашний скarb и кочуют. В последнее время, однако, все большее значение здесь, наряду с лодкой, приобретает и самолет. Посадочные площадки близ колхозного селения становятся в дельте обычным явлением. Бахчи и огороды встречаются близ селения, на каирных землях; иногда же для них нет места на узких полосках сухой земли, ограниченных дамбами, и они располагаются на значительном расстоянии от рыбацкого поселка. В этом случае к ним тоже отправляются на лодках (например, в колхозе «Красная Армия»).

Усадьба Муйнакского района состоит из юрты (всегда ориентированной на юг) и дома («там») против юрты, большей частью дверь в дверь, ориентированного, таким образом, на север. В непосредственной близости от жилья находятся хозяйственные постройки — для скота, инвентаря и пр. Усадьбу часто обносят изгородью из камыша.

Дома в Муйнакском районе появились только после Октябрьской революции, как утверждает население, — 26—28 лет назад. Это — достижение советской власти в переустройстве быта каракалпакцев.

Техника строительства отличается интенсивным использованием местного стройматериала — камыша. При постройке дома сначала из тонких (привозных) жердей выводят остов, затем строят стены и двускатную крышу дома; они состояются из плотно пригнанных друг к другу и привязанных к жердям остова снопов камыша; всю эту легкую конструкцию (как стены, так и крышу) обмазывают снаружи и внутри несколькими слоями глины; внутри стены обычно белят. На месте окон и дверей камыш соответственно прорезают для получения необходимых отверстий, в которые вставляют рамы. Печь является обязательной принадлежностью дома, разделяя его на две части: хозяйственную и жилую. В летний период живут обычно в юрте, жилая часть дома пустует.

Все хозяйственные постройки, разнообразной величины и формы, от больших загонов для скота и сеновалов до крохотных курятников, также представляют собой сооружения из снопов камыша и циновок, а иногда просто шалашики; из камыша делают и изгороди. Тип архитектуры — дешевые, легкие, нетрудоемкие и крайне простые по своей конструкции постройки — связан с природно-хозяйственными условиями дельты: селения подвержены частым затоплениям; колхозы, а иногда и целые группы их, постоянно вынуждены переселяться на новые, сухие места. Разумеется, трудно ожидать здесь развития устойчивых, постоянных архитектурных форм, как это имеет место в верхней дельте и южнее. При отсутствии дерева население достигло виртуозности в использовании в качестве строительного материала камыша, повсеместно растущего в изобилии.

Нам не приходилось встречать описанных Н. Каразиным и Л. Соболевым в 1874 г. рыбацких шалашей на камышевых плотках, установленных среди зарослей, на площадке из щетки густого камыша, срезанного по линии поверхности воды. Однако рыбацьи станы колхоза им. Ворошилова на Ак-дарье характеризуются очень интересными длинными навесами, построенными без единой жерди. Столбы-подпорки, горизонтальные «балки», самая кровля навесов — все это камыш, связанный в пучки большей или меньшей длины, толщины, плотности и т. д.

Таковы главные отличительные черты жилища каракалпаков Муйнакского района. Прилагаемые чертежи, фотографии и планы дополняют наше, по необходимости краткое, описание своеобразных колхозных аулов, разбросанных в трудно доступных пространствах дельты, среди ее рукавов и озер¹.

II. Левобережье нижнего течения Аму-дарьи, административно — южная часть Кунградского и северная — Ходжейлинского района К.-К. АССР. Основное направление хозяйства каракалпакских колхозов — хлопководство. Непосредственное соседство с хивинскими узбеками оказывает большое влияние на характер расселения и архитектуру.

¹ За последние годы (1950—1951) стал широко практиковаться завоз на самолетах в поселки дельты сборных легких деревянных домов.

1. Южная часть Кунградского района — местность Калли-гуль, где каракалпаки арыса конграт (главным образом отделения жаунгыр) и частично он-торт уру жили издавна, еще до освоения ими правого берега.

Этот район старого орошения и земледелия, входивший до революции в Чумекеевское бекство Хивинского ханства, некогда был сплошь каракалпакским по составу населения. В настоящее время каракалпаки живут здесь смешанно с узбеками.

Селения носят разбросанный характер. Новые усадьбы колхозного типа преимущественно группируются вдоль улиц, но наряду с этим есть тенденция и к старинному изолированному расположению — группами усадеб близкородственных семей (хуторской тип расселения) среди садов, полей и огородов (колхозы им. Свердлова, им. Энгельса).

Постройки отражают переходный характер района — от пустынной дельты к Хивинскому оазису с его древней оседлой земледельческой культурой. Дома большей частью целиком глинобитные, иногда у них 2-3 стены глинобитные, а 1-2 — из камыша, обмазанного глиной. Хозяйственные постройки часто выполнены этой же «муйнакской» техникой. Юрта, как и везде, обычно сопутствует дому. Глинобитные («пахсовые») дома — постройки нового колхозного типа, с окнами и печами. Здесь, на юге Кунградского района, как и на севере, у каракалпачков, в противовес их соседям — узбекам, до революции господствовала в качестве жилища юрта, и глинобитными домами владели только богатые бии и баи. Нынешний общий облик каракалпакского колхозного аула в этом районе, с его прочными глинобитными домами, перемежающимися с нарядными юртами, с просторными усадьбами, расположенными среди густой зелени садов, рощ, хлопковых и джугаровых полей, представляет резкий контраст с суровым пейзажем аулов дельты.

2. Северная часть Ходжейлинского района — бассейн канала Шуманай. Старый канал Шуманай в Хивинском ханстве долгое время бездействовал; его восстановили уже в годы советской власти, когда (1939—1940 гг.) была осуществлена героическая народная стройка 180-километрового канала имени Ленина, полностью переустроившая ирригационную систему Ходжейлинского и Кунградского районов К.-К. АССР. В годы Великой Отечественной войны закончилась реконструкция русла Шуманая и была пущена в него вода.

Для освоения богатейших по своему плодородию земель Шуманая сюда переселилось несколько колхозов из Муйнакского района. Посещенные нами в 1946 г. шуманайские каракалпакские колхозы (им. Буденного, им. Кагановича) еще не успели отстроиться, хотя уже собирали со своих полей прекрасные урожаи (в 1946 г. — до 100 ц хлопка с гектара). Постройки колхоза им. Кагановича были очень своеобразны. Переселенцы-рыбаки привезли сюда свои юрты, но дома им приходилось строить уж не из камыша, которого здесь недостаточно, а из пахсы. Технику глинобитного строительства они еще недостаточно освоили, и глинобитные дома их в 1946 г. выглядели значительно грубее,

примитивнее, чем у исконных местных жителей. Кроме того, здесь широко практиковались тогда в качестве временного зимнего жилья землянки (жер-теле) и полуземлянки, в которых по краю ямы выводился один слой пахсы и сверху него укладывалась крыша. Все эти временные жилища были утеплены большими печами, обычными для каракалпакского колхозного дома¹.

У границ Муйнакского района с Кунградским, в Кызыл-джаре, нам пришлось наблюдать еще один очень интересный вид дома. Это — обычные для Муйнакского района двухкамерные мазанки из камыша и глины, но, как объясняют жители, из экономии строительного материала (жердей) они соединены в одну длинную (свыше 23 м) постройку, с общей крышей, общей задней и фасадной стенами. Каждая ячейка этого своеобразного «длинного дома», обитателями которого являются близкие друг другу семьи из рода хаидеки — три родные брата Туревы и два их двоюродные (по отцу) брата Мирзамуратовы, живет самостоятельным хозяйством, имеет собственный выход из дома наружу и перед этим выходом — свою юрту. Интересно, что такого же типа жилища, характеризующие остатки традиций большой семьи у каракалпаков, описываются в материалах экспедиции Общества по изучению Казахстана в 1928 г. в Кегейлинском районе: «Часто можно встретить такие дворы, где под одной кровлей живут отец с женатым сыном, которого он уже отделил, но с которым ведет общее хозяйство, или два брата и т.д.». И далее (речь идет о поселке Нукус этого района): «Семья, построив когда-то один сарай («там». — Т. Ж.), стала пристраивать к нему службы и окре, вытянув эти постройки в одну линию. Но семья разрослась, и это заставило ее сделать вторую линию пристроек к сараю. Дальнейший рост семьи обозначился пристройками с восточной стороны, и, наконец, семья вылилась из берегов отеческого здания, сохранив его для хозяйственных нужд. Двое построили себе окре и уй-жай против отцовского гнезда, один поселился с юго-западной стороны, построив себе и особый дом»².

III. Центральная часть К.-К. АССР — бассейн канала Кегейли, административно — Кегейлинский, Чимбайский и Куйбышевский районы.

Если взять территорию этих районов в целом, то крайняя западная часть ее, западная окраина Кегейлинского района, окажется резко отличной от восточной его части, сливающейся по хозяйственным и культурным признакам с Чимбайским районом. В этой западной части, близ Чортамбая, встречаем ряд колхозов, близких муйнакскому типу — с территориально неустойчивым, хотя и сельскохозяйственным хозяйством: местность эта подвергается частым затоплениям, и колхозы вынуждены переселяться с места на место. Здесь (например, в колхозе «Сталин-

¹ Во время повторных работ Каракалпакского отряда в Шуманайском районе (1950 г.) вид колхозных селений совершенно изменился; здесь ведется широкое строительство социалистических поселков и возник уже новый районный центр — Таза-базар.

² См. рукопись «Жилище каракалпаков» (черновой набросок статьи) в научном архиве Музея антропологии и этнографии АН СССР, стр. 12.

абад») преобладает в строительстве та же техника камыша, обмазанного глиной, и лишь изредка колхозники строят глинобитные дома. В 1946 г. поселки производили впечатление необжитости, беспорядочности, случайности в расположении усадеб, сбившихся в кучу, разнообразнейших по форме и строительной технике домов, хозяйственных построек, навесов и пристроек из камыша и ветвей. Юрты всюду стоят возле домов; усадьбы огорожены.

Несколько восточнее колхоза «Сталинабад» находятся колхозы «Маданият» и им. Чапаева. Тут нам встретился другой тип селения — большие, богатые колхозы выросли на новом месте, у берегов новых, инженерного типа, прямых и глубоких каналов, на вновь освоенных землях, отвоеванных у тугаев и лесов, которые занимают столь большие пространства на западе Кегейлинского района. Это — совершенно новые колхозные поселки, еще, правда, не успевшие окончательно отстроиться, но не сравнимые с «полулагерным» бытом, который мы застали в 1946 г. на Шуманае. Центральную часть этих новых поселков пересекает улица, вдоль нее построены хорошие глинобитные дома с большими окнами, с навесами и юртой, стоящей дверь в дверь с домом.

Хозяйственные постройки и общая для обоих колхозов школа-десятилетка — также большие глинобитные строения; местами колхозники строят просторные пахсовые хлева для своего личного скота. Наряду с этим среди полей разбросано множество временных легких хижин и сторожевых шалашей и навесов, самой разнообразной формы, из жердей, ветвей и цыновок.

В колхозе «Маданият» во время наших работ планировка селения еще не была ясна, кроме одной, главной дороги; улиц и переулков не было — их заменяли тропинки и дорожки. В этом сыграли роль большие просторы поселка и необжитость его. Усадьбы зачастую еле виднелись за высокими порослями джугары и других культур; искусственные древесные насаждения в то время еще отсутствовали.

Непосредственно за пределами культурных земель колхозов начинаются еще не освоенные пространства сплошных зарослей турангыла, пламенно-оранжевые кусты которого в осеннюю пору создают впечатление огненного моря, где, как корабль, пробивает свой путь движущаяся по узкой дороге машина или арба. Заросли турангыла перемежаются с густыми рощами из тополей, осокорей и пр.

В восточной части Кегейлинского района (колхозы нашего маршрута «Бахтлы», «Кзыл-ту» и др.) мы вступили в полосу старой каракалпакской оседлости и земледельческой культуры, охватывающей весь Чимбайский район (кроме его северной и восточной окраин, также представляющих вновь освоенные земли). Пейзаж своеобразен: территория обширных полей и садов перерезана множеством мелких и крупных каналов, колхозы утопают в зелени, вдоль дорог и во дворах усадеб большие старые деревья, в прохладной тени которых особенно живописно выглядят дома и юрты, а иногда и водоемы — хаузы. В этом наиболее густо населенном районе Каракалпаки находятся самые старые колхозы республики. Здесь явственно различаются два типа расселения: а) новый колхозный и б) старый

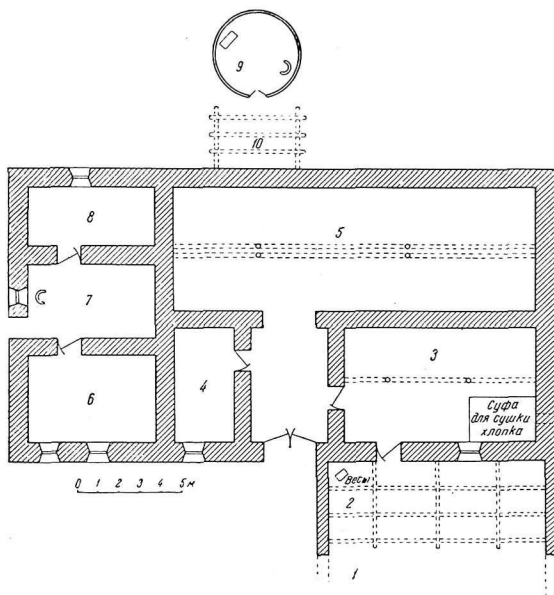

Рис. 10. План хозяйственных построек бригады № 11.

Колхоз им. Ахунбабаева. 1948 г.

1 — открытая площадка для сушки хлопна; 2 и 10 — шертек (навес);
3 и 4 — склады хлопна; 5 — сейс-хана (хлев); 6 — кладовая; 7 — хозяйственное
помещение; 8 — комната сторожа; 9 — юрта сторожа

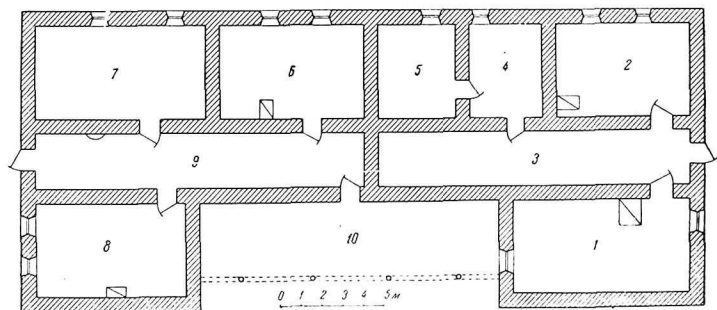

Рис. 11. План здания школы и детского сада. Колхоз им. Ахунбабаева. 1948 г.

1 и 2 — классы; 3 — коридор школы; 4 и 5 — учительская; 6 — комната зав. детсадом;
7 — 8 — комнаты для детей; 9 — коридор детского сада; 10 — шертек

Рис. 12. План дома поселкового типа.

Колхоз им. Ахунбаева. 1948 г.

1, 2 и 3 — овиры; 4 — дала; 5 — мельница;
6 — юрта

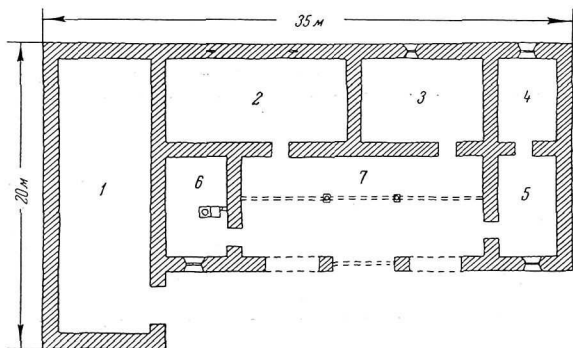
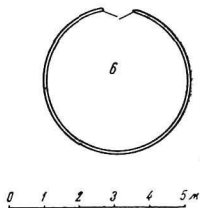
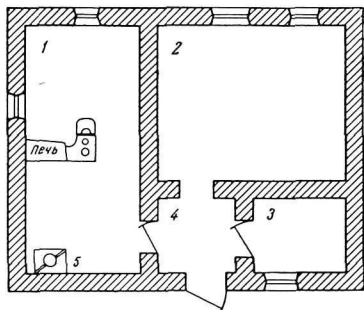

Рис. 13. План и фасад зернового склада и гаража. Колхоз им. Ахунбаева. 1948 г.

1, 2, 3, 4, 5 — складские помещения; 6 — комната сторожа; 7 — гараж

хорезмский тип расселения, порожденный прежними условиями земле- и водопользования и историческими традициями хорезмской архитектуры¹ и характеризующийся разбросанными на большом расстоянии друг от друга хуторами — «там», единичными или объединенными в небольшие группы усадеб близких родственников. Население таких групп усадеб, территориально обособленных, как мы уже отмечали, иногда составляет колхозную бригаду.

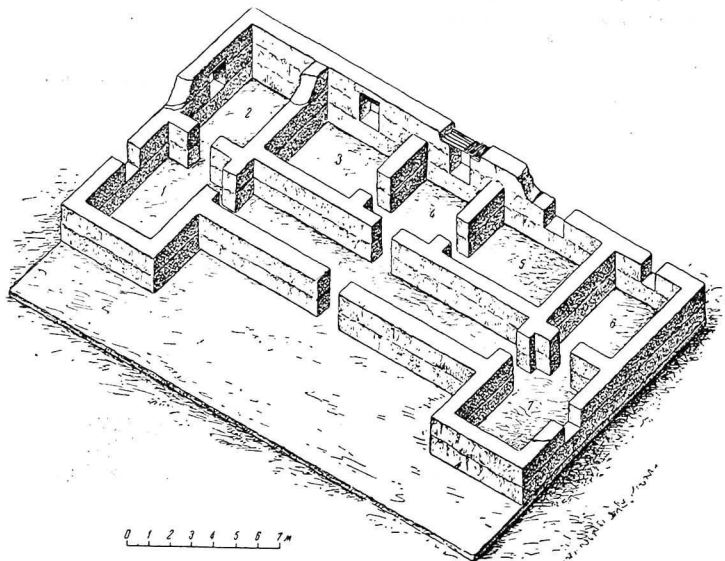

Рис. 14. Строящееся здание правления колхоза. Колхоз им. Ахунбабаева. 1948 г.
1 — бухгалтерия; 2 — партком; 3 — кабинет председателя; 4 — приемная; 5 — канцелярия;
6 —хоз. помещение; 7 — комната сторожа

В колхозах Чимбайского района, и в особенности в образцовом колхозе им. Ахунбабаева, ярко видно это сочетание нового и старого². Еще с 1939 г. начаты работы по переустройству селений, входящих в состав этого колхоза. Проект, составленный земельными и водными органами Чимбайского района, предусматривает организацию озелененного поселка в центре колхозных угодий,

¹ См. статью М. В. Сазоновой в настоящем сборнике.

² Изложенное в настоящем отчете описание колхозного поселка колхоза им. Ахунбабаева включено в нашу статью «Быт каракалпакского колхозного аула». «Сов. этнография», № 2 1949 г.

в котором вдоль улиц, окаймленных арыками и обсаженных деревьями, рационально располагаются общественные хозяйственные и культурные учреждения, усадьбы и приусадебные участки колхозников (рис. 10—15).

Проект социалистического переустройства колхозного поселка уже осуществляется. В центре поселка построено новое, большое здание правления колхоза с семью комнатами, в число которых входят: приемная председателя, бухгалтерия, канцелярия, комната партийной и комсомольской организаций и др. Перед входом возводится большая суфа (глинобитное возвышение) с тени-

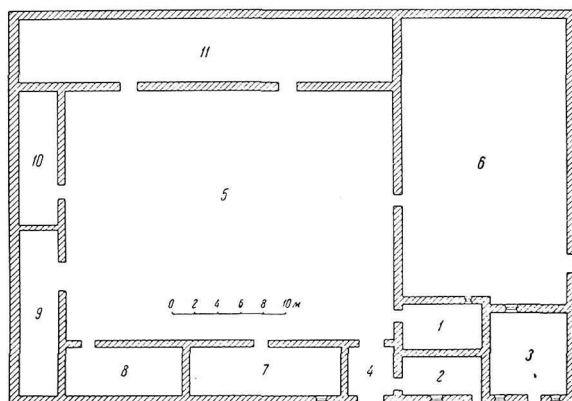

Рис. 15. План колхозной фермы. Колхоз им. Ахунбабаева. 1948 г.

1, 2, 3 — служебные помещения; 4 — далаз; 5 и 6 — открытые загоны;
7—11 — крытые помещения для скота

стым навесом над ней. Невдалеке от здания правления расположены хозяйственные постройки колхоза — склады (зерновой и фруктово-овощной), гараж, магазин, столярная и кузнечная мастерские; тут же, возле молодой тополевой рощи — клуб, гостиница и медпункт. В глубине обнесенного дувалом сада и виноградника, в конце красивой аллеи, обсаженной высокими пирамидальными тополями, находится «михман-хана» колхоза — небольшое здание с навесом и суфами, покрытыми кошками и коврами; здесь принимает колхоз своих гостей. По мере осуществления проекта строительства колхозного поселка в нем появятся новые культурно-бытовые учреждения — столовая, баня, парикмахерская и др. Все общественные колхозные здания представляют собой глинобитные сооружения из 4—5 слоев пахсы; они строятся под руководством местных мастеров — уста, пока без каких-либо стандартных архитектурных проектов. В каждой бригаде

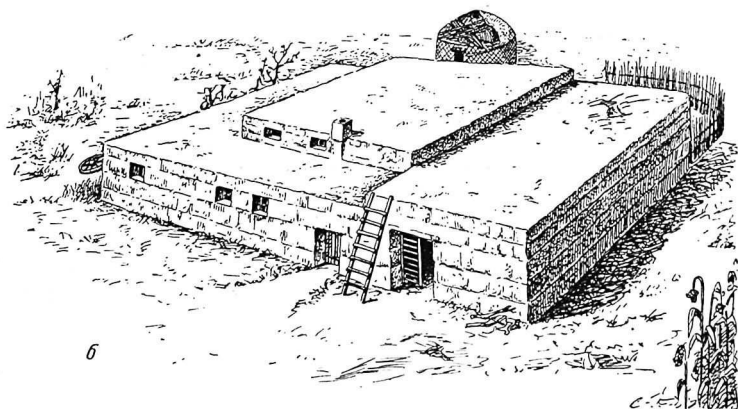
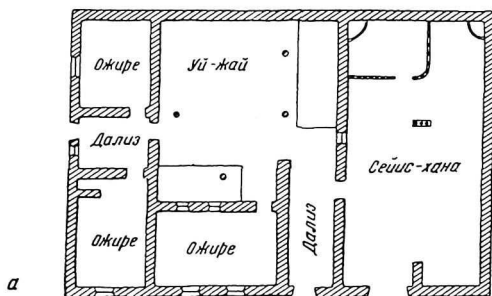
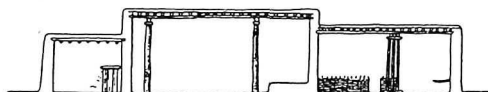

Рис. 16. Общий вид и план дома старого типа (Чимбайский р-н)

есть склады и сушилки для хлопка, сарай для сельскохозяйственного инвентаря, хлев для рабочего скота. Хлева для колхозного скота находятся на фермах. Ферм — три: первая, во второй бригаде, — для крупного рогатого скота (рис. 15); это — обширная постройка с отдельными помещениями для коров, телят, быков-производителей. Кроме крытых хлевов, окружающих большой двор, есть открытые загоны и ряд подсобных помещений для хранения и переработки

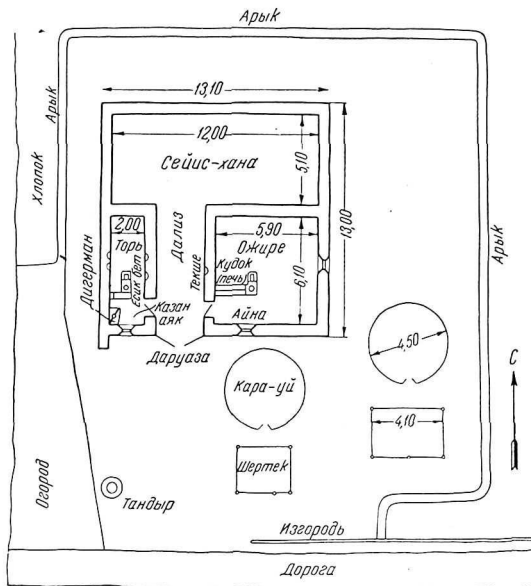

Рис. 17. План усадьбы старого типа (Кегейлинский р-н)

молочных продуктов (в колхозе есть несколько сепараторов), а также помещений для заведующего фермой и чабанов. Летом скот не загоняют на ночь в хлева. Близ берега канала Октябрь-абад стоит несколько юрт, в которых располагается полевой стан фермы, а возле них устроен своеобразный загон — ровная площадка, окруженная вместо изгороди неглубоким рвом с гребенчатыми выступами, острые края которых препятствуют ночующему в этом загоне скоту переходить через ров. Вторая ферма, для мелкого рогатого скота, находится в северной полупустынной части колхозных земель, где сконцентрированы пастбища. Там построен большой загон для овец и коз, находящихся почти круглый год на подножном корму,

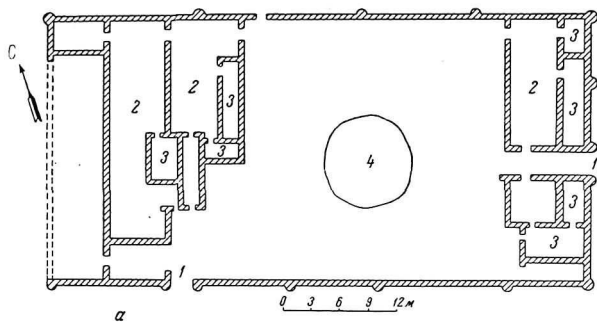

Рис. 18, а. План усадьбы Ауэз-аксакала

1 — дарваза; 2 — служебные помещения и уй-жай; 3 — оюпре; 4 — хауз

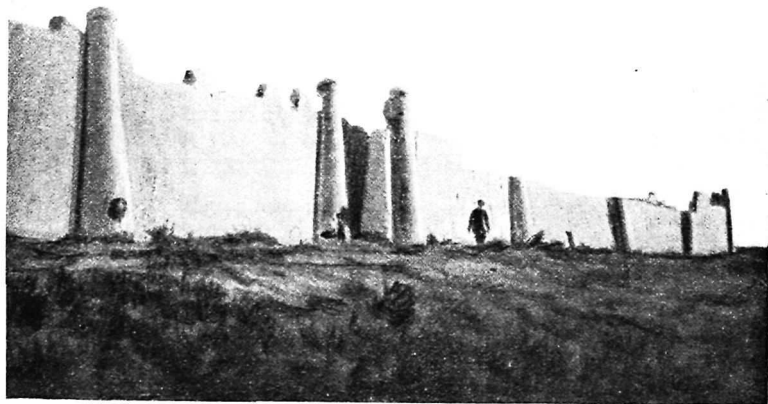

Рис. 18, б. Развалины усадьбы Ауэз-аксакала (XIX — нач. XX века). Кара-Узякский район К.-К. АССР. Фото 1948 г.

и несколько утепленных хлевов для молодняка. Третья ферма колхоза — конеферма — находится в урочище Казан-кеткен близ Кунграда; хорошие пастбища этой местности обусловили целесообразность перевода туда общественных табунов многих колхозов Чимбайского района.

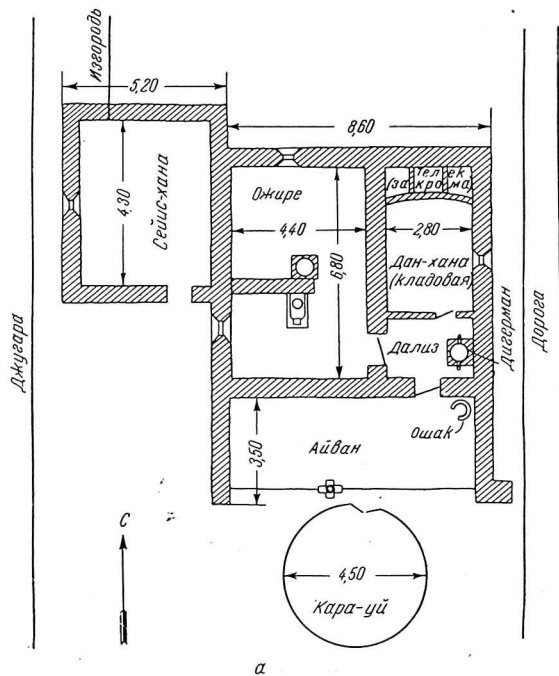
Каракалпакский дом («там») старого типа (рис. 16, 17), уже весьма редко встречающийся в колхозных аулах, представляет собой невысокое (четыре слоя пахсы) прямоугольное сооружение около 20 м длиной и 12—15 м шириной, с единственным входом, закрытым воротами — дарауаза, створки которых состоят из грубо сколоченных деревянных рам с перекладинами. Прямо от ворот в глубь дома ведет коридор — дализ, соединяющий все внутренние помещения; по сторонам от него находятся жилые ожире (обычно две), уй-жай, кладовая; дализ упирается в сеисхану (хлев), которая занимает около трети тама и расположена во всю ширину задней стены дома. От дализа сеис-хана отгорожена легкой калиткой из палок и ветвей. Там покрыт плоской кровлей из бревен, перекрытых камышем или стеблями джугары; кровля обмазана снаружи толстым слоем глины; над зимним помещением для юрты — уй-жай — крыша несколько возвышается, и в ней оставлено большое прямоугольное дымоходное отверстие, приходящееся над «шангараком» стоящей в уй-жае юрты и, следовательно, над ее очагом. В таме старого типа были очаги и в ожире, но печей не было; окна заменялись небольшими световыми отверстиями в крыше или в верхнем, четвертом слое пахсы. Старый там, несомненно, несколько улучшал бытовые условия каракалпакской крестьянской семьи в зимний период года сравнительно с тесной юртой, плохо защищавшей от зимних холодных ветров и стужи. Однако и это примитивное, плохо утепленное, антигигиеничное зимнее жилище, в котором человек жил вместе со скотом, бывало, как мы видели, в единичных случаях в ауле.

Отдельные тамы служили жилищем каракалпакской большой патриархальной семьи, указания на наличие которой у каракалпаков встречаются в дореволюционных источниках.

В новых домах, выстроенных в советский период, замкнутость этой постройки преодолевается окнами, а иногда и дверьми в наружной стене.

В окрестностях Чимбая и других старых административных и торговых центров можно часто встретить уже совершенно не строящиеся в настоящее время усадьбы-замки или крепости, повторяющие формы «хаули» хивинских узбеков, с очень высокими стенами и четырьмя «кунгра» по углам и сложной системой внутренних многочисленных помещений. До революции они принадлежали каракалпакским чиновникам (рис. 18), баям и купцам; теперь большинство из них используется в качестве складских помещений. Стены этих зданий снаружи и частично внутри украшены орнаментом геометрического характера, выполненным по сырой глине и скотчированным в соответствии со слоями пахсы.

В настоящее время все колхозники имеют теплые зимние дома с окнами и печами, но летом продолжают пользоваться юртой, которая, за редкими

а

б

Рис. 19. Дом нового типа (Кегейлинский р-н)

а — план; б — общий вид

исключениями, составляет обязательный элемент усадьбы каракалпакского колхозника. Среди жилых домов, строящихся в последние годы, уже не встречается построек с хлевом под одной крышей; последний выносятся из дома и строятся рядом или в некотором расстоянии от него (рис. 19).

Характерным для жилого комплекса современной колхозной усадьбы следует признать глинобитный там — дом нового типа с двумя комнатами — парадной и хозяйственной — кухней (рис. 20), с несколькими большими окнами и удобными печами, приспособленными и для варки пищи, и для отопления комнат (рис. 21). Кроме

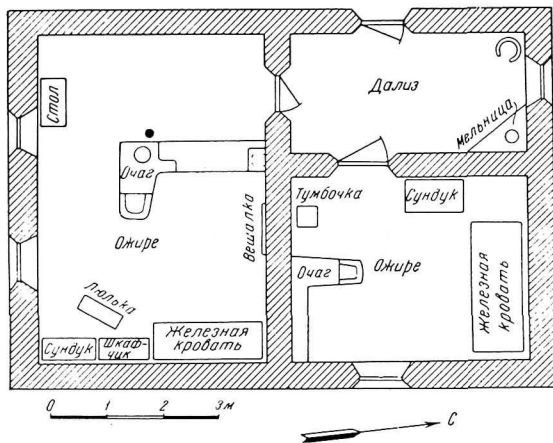

Рис. 20. План дома нового типа (Кара-Узьякский р-н)

этих ожире (комнат), в доме, как и прежде, находится кладовая, а часто и большой, более высокий, чем остальные помещения, уй-жай¹. В самые холодные месяцы года юрта в уй-жае стоит пустая, семья переселяется в ожире; весной и осенью живут в юрте внутри тама, а на все лето юрту выносят наружу и устанавливают поблизости от дома, ориентируя вход всегда на юг и строя возле нее навес — шертек, с удобными суфами и очагами. Здесь протекает летом жизнь семьи; дом остается до осени лишь хозяйственным помещением.

Таким образом, традиции полукуличевого быта и привычка к старинному жилищу — юрте еще сохраняются в быту каракалпакско-колхозников. В наиболее культурных семьях внутреннее устройство юрты теперь несколько изменяется по сравнению с традиционным. Исчезает очаг для приготовления

¹ См. план дома Утениязова, опубликованный в нашей статье «Быт каракалпакского колхозного аула». «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 52.

пинци—он выносятся в хозяйственные помещения; остается лишь центральный очаг, под отверстием шагарака, для кипячения чая и обогривания в прохладную погоду; освободившееся пространство часто занимают стол, стул, шкафчики, швейная машина. Отсутствие очага позволяет соблюдать чистоту; юрта остается излюбленным местом для отдыха, еды, приема гостей, для сна. Выработанная веками конструкция этого вида народного жилища обеспечивает в самую жаркую погоду прохладу и доступ свежего воздуха, дает возможность укрыться от комаров. Ковровые изделия (ак-кур, кзыл-кур, есык-кас, каршин и др.) чрезвычай-

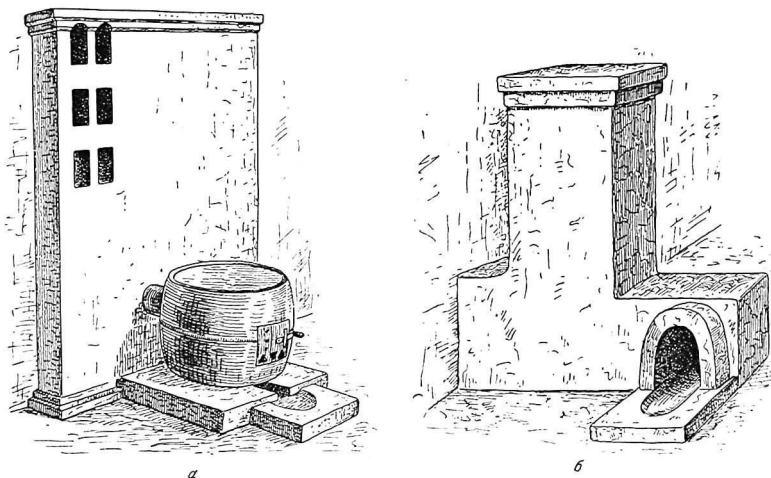

Рис. 21, а и б. Типы печи в колхозных домах

чайно украшают внутреннюю обстановку юрты, представляя собой предметы своеобразного и богатого каракалпакского народного прикладного искусства.

При изучении обстановки дома и юрты нами зафиксировано очень много предметов городской утвари, свидетельствующих о развитии культурных навыков (мебель — в частности, этажерки и полки для книг, алюминиевая посуда, умывальники, полотенца, и пр.). Наряду с этим еще устойчив комплекс старой утвари; постоянно встречаются деревянные ступки, маслобойки, разнообразные тыквенные сосуды, кожаные сумки для муки, круп и молочных продуктов, чугунные котлы — казаны (рис. 22). Несмотря на наличие в новых домах и юртах столов, по традиции обычно едят на полу, расстелив чистую скатерть — дастархан — на кошмах и коврах. Распространен еще в аулах антигигиеничный,

Рис. 22. Утварь каракалпакской юрты

1 — сандык сундук для хранения одежды; 2, 3 — мотивы орнамента, украшающего сандык росписью; 4 — столик; 5 — мыс-кумган (медный кувшин для воды); 6 — ошак — очаг; 7 — кепкир — половник; 8 — касык — ложка; 9 — агаш-табак (деревянная миска); 10 — елгезер (сито); 11 — тулып (кожаный сосуд); 12 — губи (маслобойки); 13 — кели (ступа); 14 — кабак (тыквенные сосуды для воды и масла); 15 — черпан для воды из тыквы

вредно влияющий на физическое развитие ребенка бесык (деревянная колыбель), с которым ведут деятельную борьбу врачи и работники детских. В то же время при входе в юрту вы непременно увидите висющую на решетке кереге сумку, любовно украшенную материнскими руками цветным орнаментом — аппликацией из лоскутов: это сумка школьника с его книжками.

Во время приема и угощения гостей колхозники строго соблюдают обычаи гостеприимства, которыми всегда отличался каракалпакский народ. Гостя помещают в юрте на почетном месте — тор против входа, ему предназначаются лучшие куски пищи. В парадной комнате дома вся обстановка приспособлена для удобства гостей: сверх камышевых циновок расстелены кошмы, паласы, ковры; всегда в запасе нарядные новые одеяла и подушки, подкладываемые под локоть; обычно здесь находится и кровать, которая предоставляется заночевавшему гостю; помещение содержится в полной чистоте.

Как и в Кегейлинском, в Чимбайском и Куйбышевском районах весьма распространены летние жилища временного типа среди полей, в садах и на бахчах, где живут главным образом сторожа, а иногда и целые семьи; это — всякого рода навесы из ветвей и циновок и маленькие хижинки, преимущественно из того же материала.

Кара-Узьякский и Тахта-Купырский районы, находящиеся к востоку и северо-востоку от Чимбайского, представляют собой переходную полосу от старых культурных земель к пустыням. Западная и южная части этих районов примыкают по типу жилища к Чимбайскому, а на севере и востоке колхозные селения разбросаны редкими островками среди обширных пространств песков и солончаков, занимающих значительную долю земельных угодий колхозов, в хозяйстве которых большой вес имеет животноводство.

ПЕРЕВОЗОЧНЫЕ СРЕДСТВА КАРАКАЛПАКОВ

И. А р б а. В настоящее время основными видами сухопутных перевозочных средств в К.-К. АССР являются автотранспорт и быстро входящий в быт авиатранспорт; однако арбы еще широко распространены в качестве местного транспорта, и производство их можно наблюдать в некоторых артелях промысловой кооперации. По имеющимся этнографическим данным, арба является весьма древним элементом материальной культуры каракалпаков. В эпосе «Кырк-кыз», отражающем древнейшие пласты каракалпакской этнической традиции, героиня — Гулаим, повествуя о своем детстве, вспоминает: «В арбу, на которой я ездила, [отец] шесть коней впрягал». В легендах и преданиях каракалпаков сохранились описания постройки первой арбы предками некоторых каракалпакских родов и племен. Так, в «Шеekre» Бердаха повествуется, как каракалпаки решили пригласить на ханствование в свой разоренный и распадающийся «журт» хана; везти его в каракалпакский журт надо было на арбе, которой у них не было. И вот

Конграт нашел одну оглоблю (арыс),
 Мангыт нашел одну оглоблю;
 Все остальные деревянные части
 Поручено было найти другим.
 Тогда Канглы стал мастерить,
 Стуча, прикрепляя, построил арбу.
 А Шуйт шуй [чеку] вложил,
 Оттого стал называться Шуйит.

На выстроенную таким образом арбу, в которую впрягли лошадь Майкы-бия, сели хан с Майкы-бием и отправились к каракалпакам¹.

Приведенная строфа из легендарной генеалогии каракалпаков отражает связь термина «арыс» в понимании «оглобли арбы» с синонимом, обозначающим два основных отдела каракалпакского народа (арысы конграт и он-торт уру). С этой точки зрения показательно, что именно Конграт и Мангыт, имена которых свидетельствуют об их принадлежности к двум основным разветвлениям каракалпакской родо-племенной системы, предоставили, согласно легенде, оглобли для впервые строящейся каракалпаками арбы.

Эта легенда о постройке каракалпаками арбы встречается не только у Бердаха — вариант ее был записан Беляевым в Нукусе в 1903 г., у неграмотного каракалпака. Как и у Бердаха, хан не захотел идти к каракалпакам пешком; тогда Канглы и Кият пошли в турай и сделали для него арбу².

Характерно, что свою старинную арбу каракалпаки резко отличают по типу от хивинской и называют «телеген арба». Возможно, это название связано с монгольским термином для повозки — «tergen»³. У монголов же мы видим примеры символизации оглоблей как устоев государства. Согласно «Сокровенному сказанию», Чингис-хан приказывает передать Ван-хану керенитскому: «...Мы с тобой — что две оглобли у кибитки; когда подломится одна, быку не сvezти кибитки; мы с тобой, что два колеса у кибитки; сломайся одно — ей не двинуться...»⁴

Вариант этой легенды есть и у Абуль-гази, который связывает ее, однако, не с Чингис-ханом, а с Огуз-ханом; последний будто бы в войне с татарами набрал столько добычи, что ее нельзя было навьючить на лошадей; тогда нашелся один человек, который сделал телегу: ее называли «канге» (прежде не было этого слова, так как не было телег), потому что она скрипела («канг, канг»). Изобретателя

¹ См. «Шежре» Бердаха, подстрочный перевод У. Кожурова, рукопись Ин-та этнографии АН СССР, строфы 98—100.

² См. Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии. Ашхабад, 1917.

³ Б. Я. В л а д и м и р о в. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 41—42, текст и примеч. 10.

⁴ «Сокровенное сказание». «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, стр. 91.

телеги называли Канглы, и весь народ с этим именем происходит от него¹. Наконец, по словам Рашид-эд-Дина, имя канглы получили те из тюркских племен, присоединившихся к Огуз-хану, которые во время его борьбы с родственниками доставляли добычу и «нагружали четвероногих, делали собственным умом телеги — телега по-турецки канглы»².

В. В. Бартольд, в статье «О колесном и верховом движении в Средней Азии», отмечает также, что первоначальное турецкое название повозки было «gaŋlı»³. Как мы уже указывали, в новейших исследованиях С. П. Толстова этноним «канглы», тесно связанный с территорией Хорезма и присырдарьинских областей и сохранившийся до сих пор в качестве родового названия у хорезмских каракалпаков и узбеков, рассматривается как «вариант печенежского этнонима кангар»⁴. В этом свете весьма интересно другое замечание Бартольда в его упомянутом выше труде о возможной связи названия повозки с названием народа, среди которого она была распространена: «Китайцы говорят о повозках в Средней Азии, даже у оседлых народов, как об исключении; так, в Тан-шу говорится о Хорезме: «Из всех владений Ху (западных варваров) только здесь есть волы с телегами. Торговцы употребляют их в своих путешествиях по разным странам»⁵.

Оставляя открытым еще не достаточно изученный вопрос о том этническом элементе, с которым связано проникновение арбы в материальную культуру каракалпаков (огузы — канглы — монголы?), отметим здесь, что на номенклатуре каракалпакских племен и родов несомненно отразилась терминология, связываемая (народной этимологией) с арбой: кроме уже упоминавшегося рода «канглы» в племени кыпшак, мы видим в том же племени род «салтыр», название которого объясняется как звукоподражание скрипу арбы («салтыр-салтыр»); по легенде, этот род долго кочевал на арбах по Хорезму, пока, близ нынешнего Чимбая, не «перевернулась арба Есета» — главы и родоначальника рода салтыр. «Там они и остановились, прекратили кочевать и осели». В племени мангыт есть род шуйит, название которого происходит от чеки — «арбанынг шуйит»; в племени кенегес — род ак-тогын — «белый обод» и др. Часто встречаются названия, связанные с арбой и в топонимике, например название Кегейли — от слова «кегей» — спица колеса, а также среди элементов народного орнамента, например весьма часто встречающийся в вышивках на старинных женских головных уборах — кимешек — и других видах женской одежды элемент — — солак (термин, обозначающий и

¹ Абульгази-хан. Родословное древо тюрков. Перевод Саблукова. Казань, 1914, стр. 16.

² Рашид-эд-Дин. Сборник летописей. «Труды Вост. отделения имп. археол. об-ва», ч. V, СПб., 1858, стр. 18.

³ См. указ. статью В. В. Бартольда в «Записках Ин-та востоковедения АН СССР», вып. VI, стр. 5—6.

⁴ С. П. Толстов. Города гузов. Журн. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 101.

⁵ См. указ. статью В. В. Бартольда; Бартольд цитирует Иакинфа, т. III, стр. 246.

у каракалпаков, и у ногайцев ту часть арбы, при посредстве которой короб ее укрепляется на оси).

Роль арбы в хозяйственной жизни каракалпаков издавна отмечается путешественниками и исследователями; Гладышев и Муравин в своем «Журнале описаниям» (1740 г.) указывают, что каракалпаки «ездят больше на быках в телегах, а по их — арбы, которые сделаны на двух колесах. Оные колеса вышиною в $2\frac{1}{2}$ аршина, сделаны из леса турангану»¹. Участники Аму-дарьинской экспедиции 1874 г. тоже отмечали арбу как характерную черту материального быта каракалпаков. Так, Л. Соболев, описывая каракалпакские аулы на Улькун-дарье, говорит: «Почти у каждой юрты стояла арба, впрочем гораздо меньших размеров, чем ташкентские: на первую можно положить до 20 пудов, тогда как на ташкентскую кладут иногда более 40 пудов»². А. В. Каульбарс пишет: «...подходя к каракалпакскому аулу, вы поражаетесь видом многочисленных арб, стоящих здесь и там близ кибиток, тогда как в южной казахской степи ничего подобного колесному экипажу нигде не встречается...» Далее он описывает свои впечатления от встреченной им перекочевки муйтеньского аула. Впереди шли стада рогатого скота, коз и баранов, а за скотом, взамен обычных для казахов верблюдов, нагруженных юртами, его глазам представилась «длинная вереница арб, запряженных одним, а иногда двумя мощными быками...» «Издали уже доносился до нас жалобный звук скрипящих, несмазанных колес...» «Арбы по своей конструкции походили на те, которые употреблялись нашими войсками в окрестностях самой Хивы, только колеса на дельте тоньше и поэтому здешние экипажи легче на ходу»³.

Полевой материал отряда, собранный в основном студенткой М. Райт в 1945 г., подтверждает данные литературных источников о значении арбы в быту каракалпаков. Строго различаются два основных типа каракалпакской арбы: 1) повсеместно бытующая сейчас «тат-арба», ободья колес которой составлены из большого количества мелких деревянных частей и которая считается заимствованной каракалпаками у узбеков южного Хорезма и 2) «телеген-арба», уже почти не встречающаяся, изобретенная, как утверждают старики, каракалпаками. Ободья телеген-арбы (тогын) гнулись из ивы — ак-тала и состояли всего из 2—3 частей, соединенных между собой; короб был плетеный из ветвей. Конструкция всех частей телеген-арбы, по рассказам стариков, в основном совпадала с современной арбой, но все части ее, в отличие от современной арбы с железной осью и проволокой, скрепляющей части обода, были деревянные и поэтому во время движения арбы неистово скрипели. В телеген-арбу впрягались быки. Видимо, именно телеген-арба, легкая, с колесами, имеющими тонкие гнутые ободья, запряженная быками, описывается в цитатах,

¹ «Поездка из Орск в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным». Географические известия Р. Г. О., 1850 г., стр. 588—589.

² Л. С о б о л е в. Письма об Аму-дарьинской экспедиции. «Русский инвалид», 1874, № 213.

³ А. В. К а у л ь б а р с. Цит. соч., стр. 555, 556.

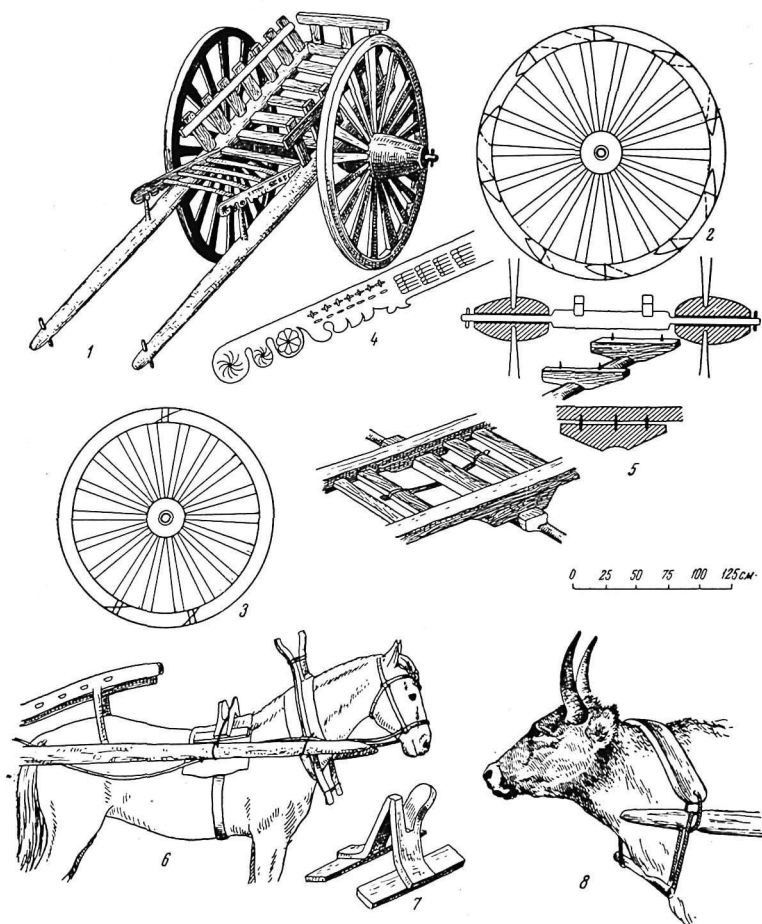

Рис. 23. Каракалпакская арба и упряжь

1 — общий вид каракалпакской арбы; 2 — структура колеса арбы, составленного из отдельных небольших брусков, скрепляемых друг с другом; 3 — колесо телеген-арбы; обод — гнутый, состоит всего из трех частей; 4 — резной орнамент на передние арбы — «алтахта»; 5 — детали устройства и крепления оси, колес, кузова; 6 — упряжка лошади; 7 — седёлка; 8 — упряжка быка

приведенных выше из источников XVIII—XIX вв. Нам, к сожалению, не удалось найти и зафиксировать телеген-арбу, но у одного старого арбяного мастера в Чимбайском районе в его собственной арбе одно из колес оказалось от телеген-, другое — от тат-арбы, чем мы и воспользовались для зарисовки (рис. 23).

Современная тат-арба бывает трех видов, в зависимости от того, запрягают в нее лошадь, быка или осла: «ат-арба», «огиз-арба» и «ешек-арба». Отличие ат-арбы от огиз-арбы — лишь в упряжи; ешек-арба (ослиная) — значительно меньших размеров, и, как говорят старики, колеса ее, состоящие всего из трех гнутых частей обода, представляют уменьшенную копию старинной телеген-арбы.

Названия частей современной тат-арбы, по свидетельству стариков, совпадают с названиями частей телеген-арбы.

Давность бытования арбы в качестве элемента материальной культуры каракалпаков подтверждают записанные сотрудниками отряда свадебные обряды, часть которых связана с поездкой на арбе. Свое ритуальное свадебное путешествие в аул мужа новобрачная каракалпачка всегда совершала на арбе, в противовес казахам и туркменам, у которых для этой цели специально украшался верблюд.

2. Л о д к а (кайык). Выше мы уже неоднократно говорили о древности рыболовства в хозяйственном комплексе каракалпаков. Особенно тесно были связаны с рыболовством племена отделения шулук арыса конграт, в частности муйтены, имеющие тамгу в виде остроги Ψ (шанышкы) и в фольклоре ярко и определенно характеризующиеся как исконные рыболовы. На юге Кунградского района мы слышали, как каракалпаки-земледельцы других родов несколько насмешливо отзывались о своих собратьях, живущих у моря: «Это — балыкши (рыболовы) — шулук». Но и среди ктаев есть родовые названия, связанные с рыболовством, например, подразделение «бекрешн» — ловящие осетров (от бекре — осетр). Старики племени ктай производят название местности Казалы в низовьях Сыр-дарьи от рыболовного снаряда каза (ятер): «Каракалпаки занимались там рыболовством, делали из дженгиля „каза“»¹.

Как свидетельствуют исторические данные и наши полевые материалы, старинный каракалпакский кайык строился из отдельных брусков дерева, скреплявшихся раньше деревянными же гвоздями — колышками, а в XIX в. железными скрепами. М. Г. Черняев, наблюдавший каракалпаков на левом берегу дельты в 1873 г., пишет о кайыках, что это «лодки, составленные из небольших кусков дерева, скрепленных железом; на пространстве от моря до Кунграда таких лодок можно собрать до 150; большие из них поднимают до 300, самые малые до 150 пуд».² Соответствующее этому описание каюка находим у Л. Соболева: «...заостренная легкая лодка, составленная из отдельных кусков, сплоченных между собой железом и камышевыми связями»³.

¹ Полевая запись 1945 г. № 2. Чимбайский район, колхоз им. М. Горького.

² М. Г. Черняев. Низовья Аму-дарьи до Кунграда. «Туркест. ведомости», 1873, № 3.

³ С о б о л е в. Очерки Аму-дарьинского края. «Туркест. ведомости», 1875, № 8

А. В. Каульбарс на первых же страницах своего труда уделяет внимание описанию различия большого транспортного хивинского каюка (правильно «кеме») и маленькой рыбацкой лодки, «которая выстроена из брусков, а не из досок, как у нас; тем не менее конструкция этих лодок довольно хороша. Новая лодка воды вовсе не пропускает. Но материал из местных тополей весьма неудовлетворителен, почему служба такой лодки продолжается от 6 до 7 лет... Маленькие рыбацкие лодки строятся на Аму-дарье очень хорошо; они довольно легки на ходу и не дороги». Ниже Каульбарс подробно описывает наблюдавшийся им у каракалпаков лов рыбы острой с такой рыбацкой лодки¹. Изображения кайыка 70-х годов XIX в. даны на рисунках Каразина². Нам не удалось найти целого или хотя бы остатков старого кайыка в рыболовецких колхозах, которые мы посетили в 1946 г.; записаны лишь рассказы о его конструкции, совпадающие с приведенными выше описаниями.

Большое значение в истории развития каракалпакской лодки имело переселение в низовья Аму-дарьи в 70-х годах XIX в. значительной группы казаков-уральцев.

Исследовавшая хозяйство и быт уральцев в Хорезме Е. Э. Бломквист отмечает, что вскоре после поселения их «по всей реке распространились рыбацкие лодки уральского типа, так называемые „будары“»³.

С приходом русских связывают также появление паруса на аму-дарьинских лодках. В литературе есть указание на то, что еще в 50-х годах, во время экспедиции Бутакова, население низовий Аму-дарьи не знало паруса и вид движущейся под парусами против течения лодки, без людей, тянущих ее на бечеве, вызывал у жителей страх. Вопрос о времени появления прямоугольного паруса на хивинских кеме еще не достаточно изучен; что же касается косого паруса на рыбацких каракалпакских кайыках, то несомненно, что он заимствован у казаков-уральцев⁴.

Современные рыболовецкие колхозы Каракалпакии, объединенные «Рыбколхозсоюзом», обеспечиваются усовершенствованными парусными лодками местного производства (артель на о-ве Муйнаке и др.) и, кроме того, обслуживаются моторными катерами. Прилагаемая таблица (рис. 24) характеризует типичный современный колхозный кайык. Интересно, что некоторые термины, как и самые части лодки, заимствованы у русских (например, «руз» — руль, рей — рея).

МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОЙ ОДЕЖДЕ КАРАКАЛПАКОВ

Национальная одежда каракалпаков является одним из наиболее интересных элементов их материальной культуры, заслуживающим пристального исследования. В особенности важно изучение старинного женского костюма, хорошо сохранившегося в памяти населения; отдельные части его встречаются и в быту

¹ А. В. Каульбарс. Цит. соч., стр. 8—11 и ниже — стр. 569—572.

² См. П. Таранов. Русский берег Аму-дарьи. «Живописная Россия», т. X, 1885.

³ Е. Э. Бломквист. Этнографическая работа среди «уральцев». «Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», вып. III, 1947.

⁴ Там же.

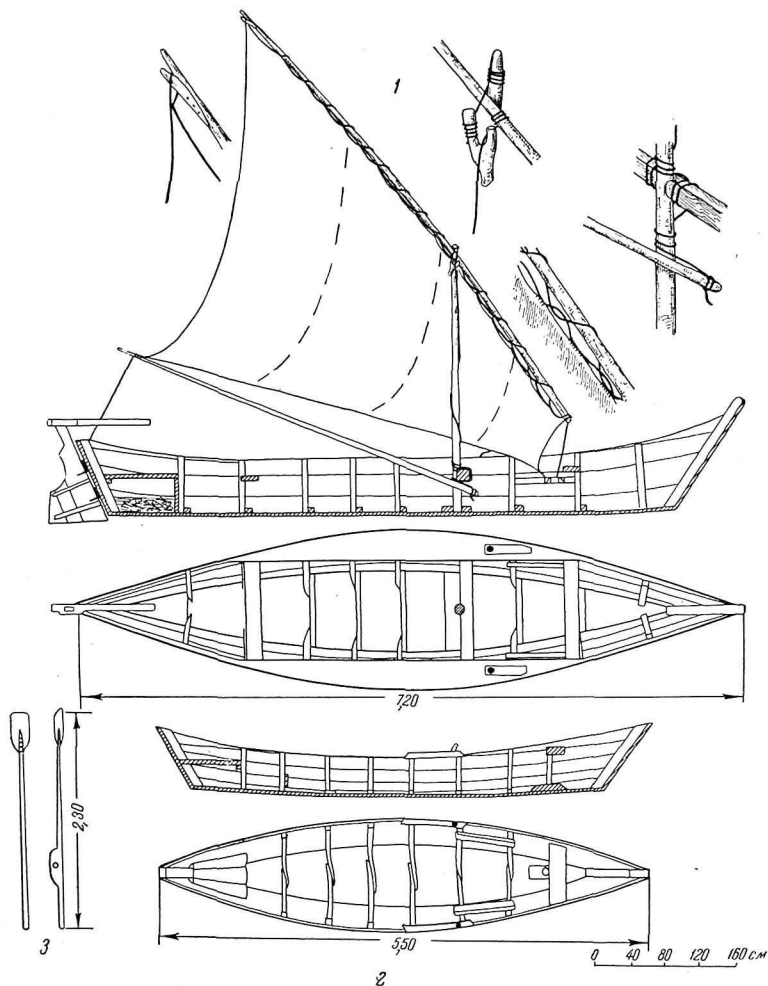

Рис. 24. Типы каракалпакской рыболовной лодки (кайык)

1 — весломный кайык (парусная лодка), продольный разрез и план; сверху — детали крепления паруса, мачты и рея; 2 — кайык без паруса; 3 — ескак (весло)

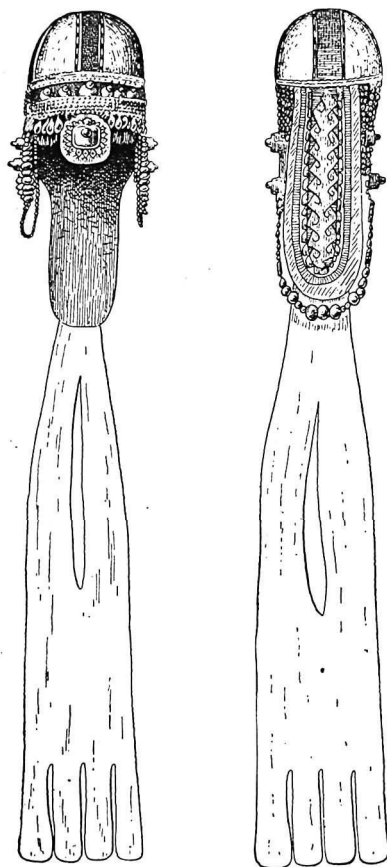

Рис. 25. Саукеле — старинный каракалпакский женский головной убор

в качестве реликвий семьи. Этот костюм удивительно устойчив и единообразен у всех родо-племенных и локальных групп каракалпаков Хорезма. В то же время части старинного женского костюма, например головной убор «саукеле», имеют аналогии в археологическом материале Хорезма, а также в этнографическом, у некоторых народов за пределами Хорезма — в Поволжье и Средней Азии. Даже предварительные итоги этнографических разведок дают основание полагать, что начатые нами сборы материалов по этой теме смогут привести к существенным выводам, содействующим разрешению проблемы каракалпакского этногенеза.

Несмотря на тщательные расспросы, ни в одном из посещенных нами каракалпакских аулов не удалось найти старинного каракалпакского саукеле, образцы которых имеются в фондах Музея народов СССР и в Каракалпакском Государственном краеведческом музее (Нукус). Однако, когда в 1947 г. мы привезли в аул хороший акварельный рисунок этого головного убора, сделанный с музейного экспоната, и стали показывать его старухам-каракалпачкам, последние его сразу же узнали, указав названия частей и украшений шапки, способы ношения и пр.

Как это видно из прилагаемого рисунка (рис. 25), каракалпакское саукеле представляет собой довольно

плотную суконную круглую шапку с наушниками, богато украшенную металлическими ювелирными бляхами и подвесками, цветными камнями и бусами, главным образом коралловыми. Верхняя часть шапки — «тумак» — непременно

перекрещивается широким черным крестом; на лоб опускается тяжелая бляха ювелирной работы, украшенная резьбой, камнями и бусами. Эта бляха, как сообщила нам 62-летняя Сары-бике (из колхоза «Кзыл-ту» Кегейлинского района), носит специальное название «жига» (корона), тогда как другие, мелкие бляхи на саукеле называются, по ее словам, «кран». Сзади к саукеле прикреплена длинная полоса ткани, разветвляющаяся внизу на три, иногда на четыре части. Общая форма саукеле с его большими наушниками и налобным украшением — жига — чрезвычайно напоминает шлем воина. Шлемообразные женские головные уборы с наушниками имеются также у народов Поволжья: у чувашей («тухья»), башкир («такия») и удмуртов («текья»). Интересно, что у чувашей наушники тухьи делаются из кожи¹.

У каракалпаков, как и у других тюркских народов Средней Азии, термин «тахья» также широко распространен, но для тюбетеек, хотя, впрочем, как отмечает А. С. Морозова, у них сохранились воспоминания и о «марджа-тахье» (с кораллами). Термин «саукеле» встречается в каракалпакском эпосе; так, в уже упоминавшемся нами эпосе «Кырк-кыз», сюжетом которого являются подвиги сорока девушек-амазонок, есть описание сборов этих девушек во главе с их предводительницей — Сарьбиназ, на битву. Перед тем как ринуться в бой, Сарьбиназ, вскочив на коня, надевает саукеле. Другую аналогию саукеле, представлявшему, видимо, символ власти военачальника, мы видим в изображении хорезмского царя на монете, обнаруженной в 1940 г. Хорезмской археологической экспедицией на развалинах замка Топрак-кала и датированной С. П. Толстовым концом I в. до н. э. Головной убор этого царя представляет полусферическую шапку с наушниками и назатыльником; верх шапки и наушники покрыты рядами круглых бляшек².

В Музее народов СССР хранится образец еще одного старинного каракалпакского головного убора, представляющего собой круглую металлическую шапку — весьма внушительное по размерам произведение ювелирного искусства. Она богато украшена резным по металлу орнаментом и имеет множество выпуклых блях с вправленными в них цветными камнями. Этот головной убор вполне аналогичен убору, описанному Муравиним в уже упоминавшемся «Журнале описаниям»: «Жены их (каракалпаков. — Т. Ж.), — пишет Муравин, — такоеж носят, как и киргизские, только касавые их сделаны из меди, луженые серебром, а иные имеют серебряные и наверху их сделаны шишечки небольшие. и во опых шишках вставлены камешки простые, больше марьяны; также пришиты шевкалы к сделанной парочной из холста, которую надевают под касавую...»³ Этот металлический

¹ S. P. Tolstov. Les principales étapes du développement de la civilisation terioukhane. «Eurasia septentrionalis Antiqua», VI, стр. 56—57; В. И. Б е л и ц е р. К вопросу о происхождении удмуртов. Журн. «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 113 и след. Ее же. Народная одежда удмуртов. Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. X. М., 1951, стр. 56—58.

² С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, табл. 84, рис. 2 и 3.

³ «Поездка из Орска в Хиву...», стр. 588—589.

головной убор, вероятно, составлял часть саукеле, надеваясь поверх «тумака»; во всяком случае, когда мы показали упоминавшейся уже старухе Сары-бике наш рисунок саукеле, она заявила, что рисунок неполный; наверх полагалось надевать еще металлическую, иногда даже позолоченную часть, называемую «тобелик».

Рис. 26. Женщина в кимешке

мент ее своеобразен (рис. 27). Центральная горизонтальная полоса вышивки делается на черном сукне и носит название «орта кара» (среднее черное), бордюр — «шеттеги кара» (крайнее черное).

Кимешек — ритуальная одежда, вышивалась женщиной после свадьбы, в доме отца, а надевалась впервые при вступлении в аул мужа, знаменуя переломный момент в ее жизни: «Перед тем, как войти в юрту мужа, келиншек (молодая) надевает кимешек, белую занавеску на лицо и плачет — с этой минуты она уже женщина»¹. В Чимбайском районе нам говорили, что раньше женщина, составив-

Если для сбора сведений о саукеле и тобелике нам пришлось пользоваться музейными экспонатами, то другие части старинной женской национальной одежды каракалпаков мы нашли в современном ауле в изобилии, хотя и не бытующими (их совершенно перестали носить), но хранящимися в числе семейных ценностей; к таким вещам относятся кимешек, жегде, некоторые виды ювелирных украшений (например, айкель, онгырманшак и др.).

«Кимешек» (рис. 26) — сложный головной убор, передняя часть которого представляет треугольник из красного сукна с отверстием для лица, а задняя — «куйрукша» (хвост) — накидку из бухарского шелка («падшои»), отороченную сукном с вышивкой и бахромой. Вышивка на передней части кимешека располагается по определенному стандарту, орна-

Рис. 27. Кимешек (старинный головной убор каракалпачек).
Общий вид и деталь вышивки кимешека

Рис. 28. Джегде (старинная женская верхняя одежда каракалпаков)

а — джегде молодых женщин; *б* — джегде старух (кемпир-джегде); *в* — детали вышивки на вороте и подоле

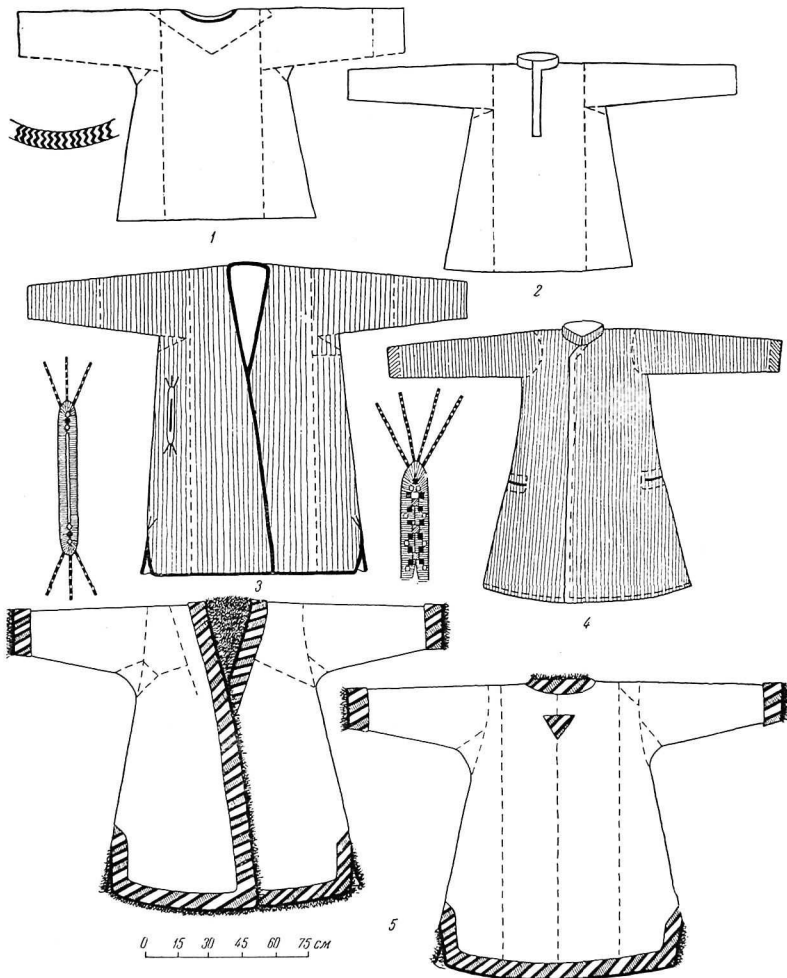

Рис. 29. Мужская одежда каракалпаков

1 — койлек (мужская рубаша) старинного покроя с горизонтальным воротом; влево — деталь оторочки ворота; 2 — рубаша более позднего покроя со стоячим воротником; 3 и 4 — верхняя одежда: шанан (халат), шьется из ложенной ткани — алаана; справа и слева — детали отделки карманов и разрезов полы беш-бент (намзол); 5 — топ (тулуп) из выделанной овчины; украшен нашитыми по бортам, вороту и подолу полосами цветной ткани (вид спереди и со спины)

пшсь, шшла себе белый кимешек, тоже с вышивкой, но уже другого характера — крестом¹. О кимешках, вышитых крестом, есть упоминание и в литературе².

«Жегде» представляет собой накидку, надеваемую на голову и весьма напоминающую по покрою (рис. 28) узбекскую паранджу и туркменский халатик-накидку «чырпы». Характерной чертой ее являются ложные рукава, очень длинные и закидываемые за спину, где они скрепляются специальными завязками. Для продления кистей рук на уровне груди в полах жегде, как и в парандже, делают

Рис. 30. Каракалпак-колхозник в повседневной одежде городского типа

вертикальные прорези. Ворот жегде обычно украшается вышивкой и шелковыми кистями, при этом на красных алачевых жегде встречается вышивка, швом и орнаментом напоминающая вышивку кимешка, а на белых — «ак-жегде», видимо более старого типа, — исключительно крестом. В фондах Музея народов СССР хранится экземпляр жегде, сплошь вышитой крестом.

Старухи носят «кемпир-жегде» без кистей и без ярких вышивок на вороте.

Необходимо остановиться на описании еще одного типичного элемента старинной национальной одежды каракалпачек — нашивных нарукавников «женгсе»

¹ В 1949 г. Каракалпакский отряд нашел и зафиксировал в семье одного из колхозников колхоза Ахунбабаева нагрудную вышивку крестом на лоскутке белой хлопчатобумажной ткани, оставшейся от старинного кимешка.

² А. Россикова. По Аму-дарье от Петропавловска до Нукуса. «Русский вестник», СПб., 1902, № 8, 10.

из красного сукна, иногда отороченных мехом и всегда имеющих две поперечные черные полосы, покрытые вышивкой. Женгсе нам встречались довольно часто, и — что самое важное — в одном случае, в колхозе им. Куйбышева, мы нашли их не в отдельности от верхней одежды, а нашитыми на праздничную меховую женскую шубу «ишик»¹.

Наличие у каракалпаков этого, не принятого у других народов Средней Азии обычая — носить нашивные нарукавники — снова свидетельствует об их культурных или этнических связях с народами Поволжья, где подобные рукава встречаются в женском костюме².

Не ограничиваясь сбором сведений об исчезающем и частично уже исчезнувшем старинном народном костюме каракалпаков, отряд собрал материал по всем видам бытующей в настоящее время мужской и женской одежды, делая чертежи, зарисовки, фотографии, описывая комплексы, характеризующие возрастные отличия, сезон ношения (зимняя, летняя), локальные особенности, записывая терминологию и т. д.

Приведенные иллюстрации (рис. 29—31) дают наглядное представление о мужском костюме каракалпаков-колхозников. Он

состоит из рубахи («койлек»), штанов («ыштан», «дамбал», «сым»), камзола («беш-бент») с рукавами или без них и халатов, среди которых преобладают два типа: «шапан» — из лощенной лиловато-красной кустарной ткани алаши и «чепмен» — из кустарной шерстяной ткани (верблюжьей шерсти — шал). Не менее широко, чем халаты, распространены костюмы и куртки, стеганные телогрейки, фабричного производства пальто; часто встречаются военные гимнастерки и шинели.

Национальную обувь — сапоги из яловой кожи с острым носком — в ауле носят наряду с обычными сапогами фабричного производства. Шапка-ушанка с меховыми наушниками, в особенности после Отечественной войны, стала

Рис. 31. Каракалпак в национальном костюме

¹ См. нашу статью «Этнографическая разведка в Чимбайском районе К.-К. АССР» в «Кратких сообщениях Ин-та этнографии», 1947, вып. II, стр. 15, рис. 5.

² S. P. Tolstov. Les principales étapes du développement de la civilisation teriouxkane, p. 51, 55.

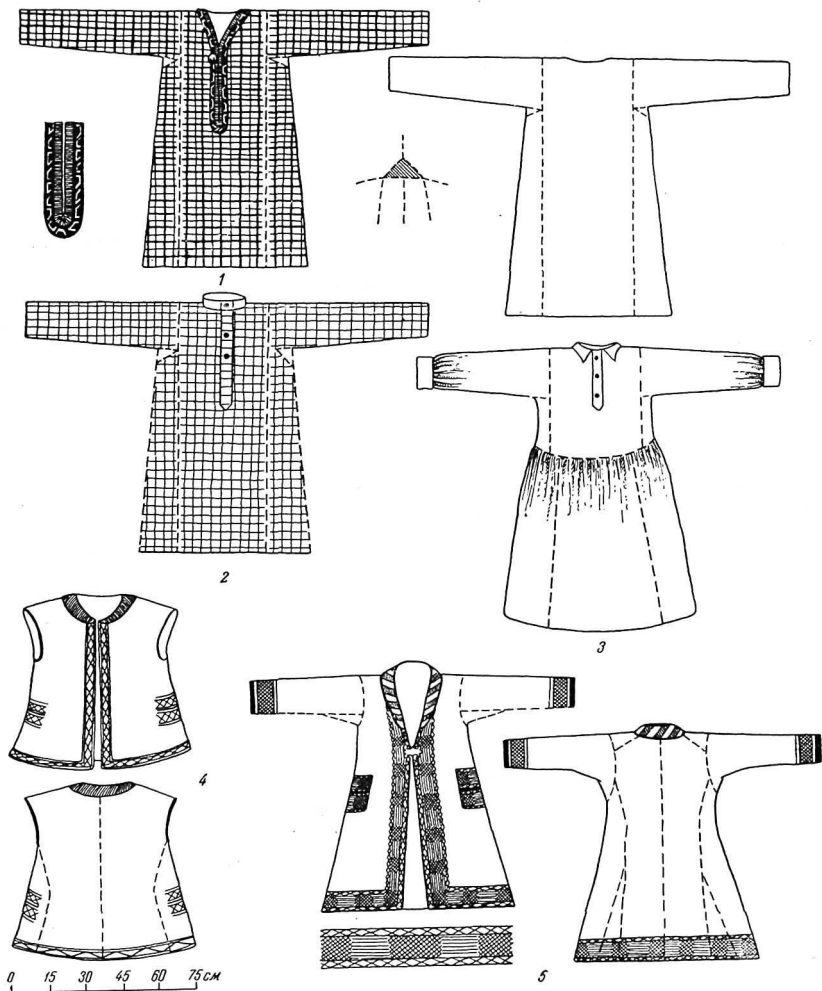

Рис. 32. Женская одежда каракалпаков (виды женских платьев — хаял-койлек)

1 — койлек старого покроя из кустарной хлопчатобумажной ткани; сбоку — детали вышитого ворота (жага) и ластовица с отходящими от нее швами; 2 — койлек со стоячим воротом; 3 — койлек с отложным воротом; 4 — камзол (безрукавка); 5 — камзол с рукавами; борта и карманы украшены орнаментом, выполненным строчкой. Шьется обычно из бархата

излюбленным головным убором, но не выходят из употребления и национальные каракалпакские круглые «кураш» и «шогирме» из черной овчины (рис. 31).

В женском костюме (рис. 32) повсеместно распространенной формой являются рубахи-платья койлек, различающиеся по окраске и вырезу ворота у старых и молодых женщин, и камзолы, которые, как и у мужчин, бывают с рукавами и без них. Длинные камзолы сейчас все чаще заменяются жакетками городского покроя или плюшевыми «пальто». Распространены туфли, чулки.

Головной убор каракалпакских женщин весьма типичен: старые носят чалму, а молодые повязывают под платок цветной тюрбан из хлопчатобумажной ткани или из темномалинового шелка хивинского производства («турме»). Способы повязки турме имеют локальные отличия¹. Девушки носят тюбетейки и шелковые платки, которые завязывают сзади, как косынку (рис. 33—35).

Из украшений носят серьги, кольца, браслеты. Старинное нагрудное украшение «хайкель», как и «арабек» — кольцо, вдевавшееся в нос, совершенно не носят (рис. 36).

В колхозных магазинах и на базарах — обилие промтоваров, в особенности хлопчатобумажных и шелковых тканей яркой, красивой окраски, готовой одежды и обуви. Однако внедрение современной, и в частности русской и узбекской одежды в быт колхозника не лишает весь комплекс его костюма своеобразных национальных черт. Новые элементы сочетаются со старыми в соответствии с народным вкусом и художественными традициями.

МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОМУ ПРИКЛАДНОМУ ИСКУССТВУ КАРАКАЛПАКОВ

В дореволюционной литературе не только нет сведений о художественных изделиях каракалпаков, но, более того, установилось совершенно превратное мнение о полном отсутствии их, о грубости и невысоком качестве домашнего

Рис. 33. Головной убор пожилой каракалпачки

¹ См. рукопись П. П. Иванова и А. С. Морозовой — «Каракалпаки» в Архиве Ин-та этнографии АН СССР, стр. 68.

Рис. 34. Молодые каракалпачки в повседневной национальной одежде (слева) и в костюме городского типа (справа)

Рис. 35. Современный головной убор молодой каракалпачки — шелковый платок, завязанный на затылке

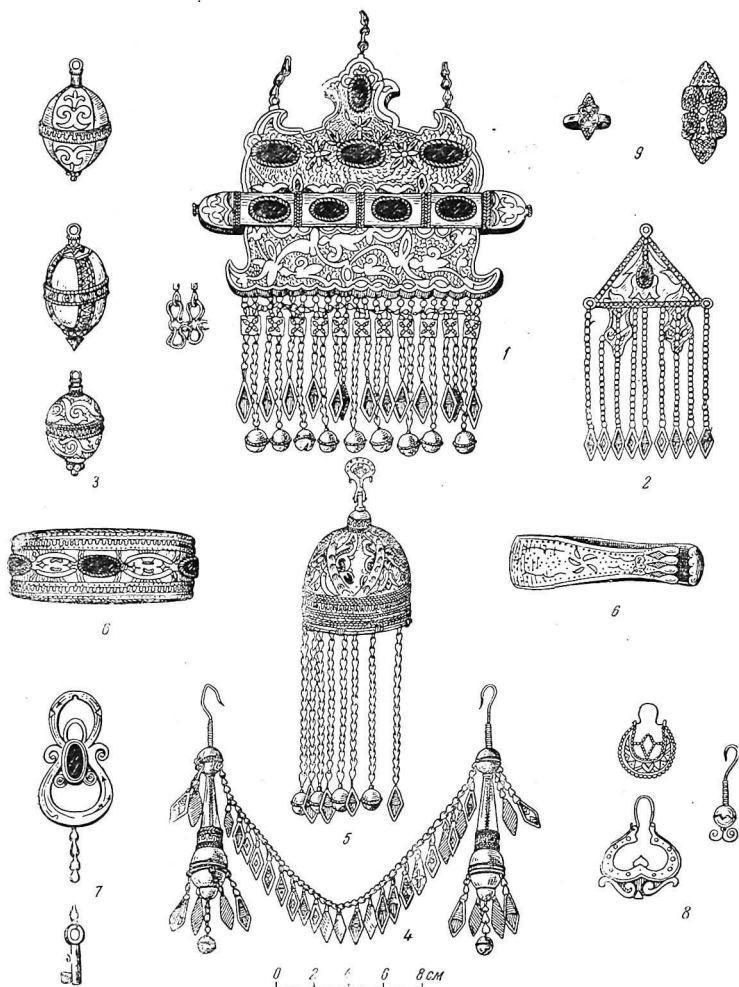

Рис. 36. Ювелирные изделия каракалпаков

Старинные украшения, уже не бытующие в настоящее время: 1 — хайкель — (нагрудное украшение); 2 — один из видов подвески, прикреплявшейся к детской одежде на спине «от сглаза»; 3 — туйме (серебряные лунные пуговицы); 4 — халка (сочетание серег и цепочки с подвесками, протянутой под подбородком); 5 — онгирмоншак (прикреплялся к поясу).

Украшения, широко распространенные в настоящее время: 6 — блезик (браслеты); 7 — гилтбай (украшение с кольцом для ношения ключа); 8 — сырга (серьги); 9 — жуан (перстень).

производства этого народа. Примером таких безответственных заключений путешественников, лишь мимоходом, случайно обращавших внимание на культуру и быт каракалпакского населения, может служить выдержка из книги персидского принца Риза-Кули-Мирза (состоявшего на русской службе во время Хивинского похода), который презрительно пишет: «Я должен отметить, что предметы производства их (каракалпаков. — Т. Ж.) не отличаются изяществом и весьма грубы»¹. Впечатления авторов 70-х годов могут быть частично объяснены и тем, что они обычно попадали в обнищавшие до крайности каракалпакские аулы дельты, разоренные и разграбленные непрерывными в эти годы набегами туркмен.

Между тем, начатый нами систематический сбор материалов по народному прикладному искусству каракалпаков доказывает высокий художественный вкус, которым отличается каракалпакский народ, и чрезвычайное богатство орнаментальных мотивов: художественным узором украшаются юрта и ее отдельные составные элементы, вся домашняя утварь, одежда; широко распространено также украшение резьбой частей арбы и ювелирными бляхами — конской упряжи. Юрта (в особенности «отау» новобрачных) со всем ее внутренним и внешним убранством представляет собой целый комплекс национального каракалпакского народного искусства; этот комплекс своеобразен, устойчив и существенно отличается от казахского, туркменского, узбекского.

Внешнее убранство каракалпакской юрты (рис. 37) составляют прежде всего 3—4 белые, орнаментированные, взаимно пересекающиеся тесьмы — «ак-кур», при помощи которых войлоки ее перекрытия («узук») прикрепляются к остову (собственно — к веревке «бель-бау», опоясывающей юрту поверх окружающей ее остов цыновки — «ший»). От дверей вверх шия отходят две более широкие ковровые полосы «жамбау», с бахромой из цветных кистей. Кроме того, по сторонам двери обычно укрепляются два вертикальных «ший онгир» — ковровые, а иногда выполненные техникой аппликации на войлоке.

«Есык» — цыновка, нашитая на кошму и прикрывающая снаружи юрты деревянные двери «ергенек» (которые открываются всегда внутрь юрты), также бывает богато орнаментирована пришитыми к ней ковровыми полосами — двумя узкими по краям и широкой внизу. В центре есыка укрепляется украшенный по углам кистями треугольник «айчик»; к нему прикреплена веревка, которой спущенный есык привязывается к юрте и удерживается от развевания его ветром.

Весь комплекс перечисленных ковровых изделий, украшающих юрту извне, отличается специфической гаммой красок, свойственной исключительно каракалпакским изделиям этого рода: на белом фоне — геометрический узор с преобладанием бесчисленных комбинаций орнамента «муйиз» (рога), причем весь орнамент преимущественно розовато-коричневого оттенка с вкраплением фиашково-зеленого и золотисто-желтого тонов.

¹ Р и з а - К у л и - М и р з а. Краткий очерк Аму-дарьинской области. СПб., 1875, стр. 26.

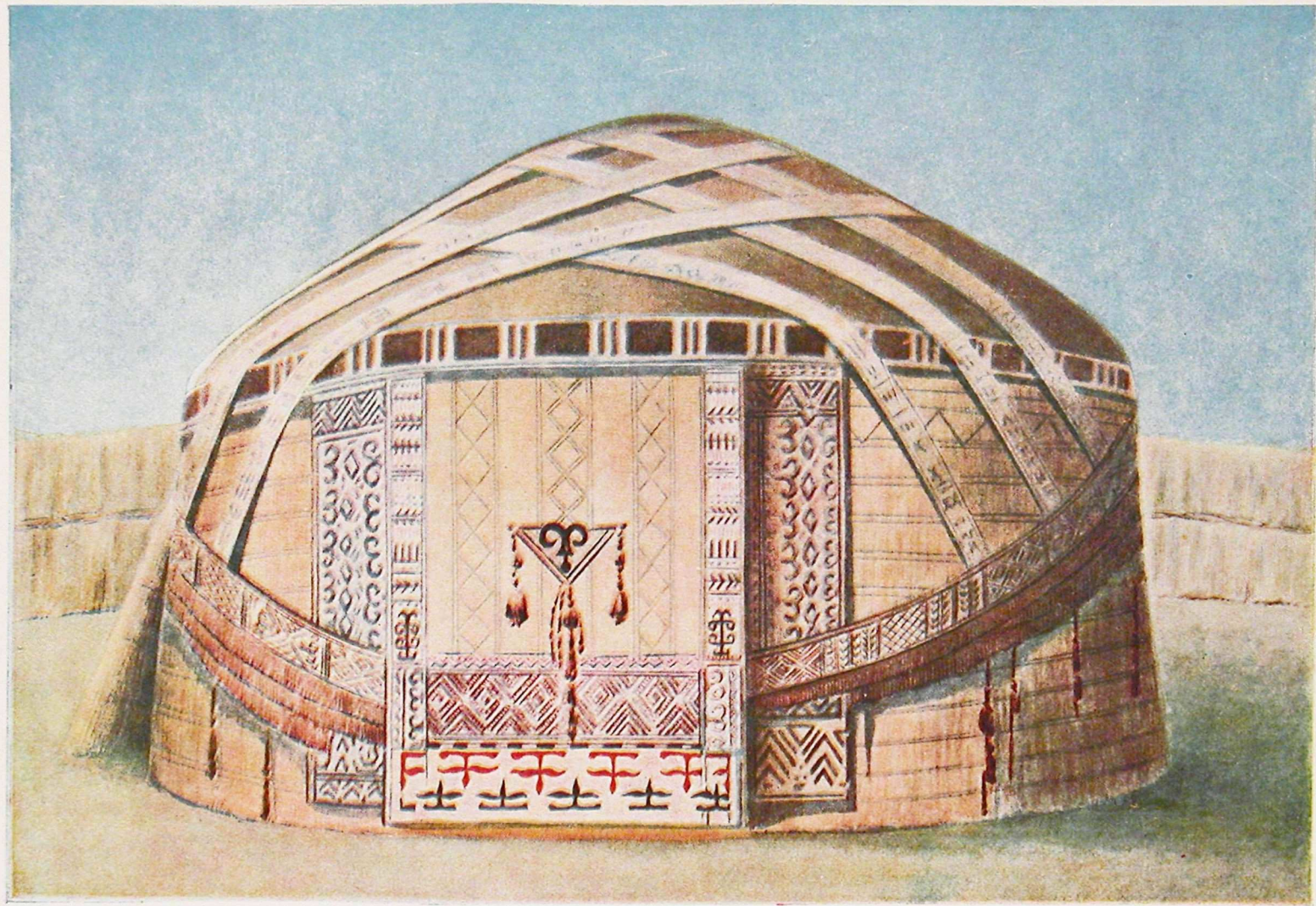

Рис. 37. Каракалпакская юрта и ее внешнее убранство

Внутреннее убранство юрты также отличается большим количеством художественных изделий. Прямо против входа, над почетным местом «торь», свешиваются три или четыре переплетенные в виде сетки узкие красные шерстяные тесьмы с тканым геометрическим орнаментом — «кзыл-кур», служащие для прикрепления войлоков кровли к остову юрты. С «шангарака» — круга, образующего дымовое и световое отверстие в куполе перекрытия юрты, спускаются длинные разноцветные (зеленые с красным и черным) кисти из шерсти и шелка, называемые «шангарака-бау». Сквозь решетку остова просвечивают две широкие, опоясывающие юрту и обращенные лицевой стороной внутрь последней, узорчатые полосы-дорожки — тканый темнокрасный с черным геометрическим рисунком «кзыл-баскур» и белый с ковровым орнаментом «ак-баскур».

Над дверями внутри юрты, заложенный между «иками» перекрытия и войлоком, помещается коврик «есик-кас» (рис. 38), узор которого, лишь с незначительными вариантами в кайме, закономерно единообразен для всех местностей и племен каракалпаков в обследованных нами районах. К концам есик-каса прикрепляют два «ишки жамбау» — меньших размеров, чем внешние жамбау, но также украшенные бахромой с кистями.

Канат (отдельные решетки) «кереге» скрепляют друг с другом часто не веревками, а узкой орнаментированной тесьмой «изьбе».

Из утвари, находящейся внутри юрты, следует отметить прежде всего два (реже один или три) «сандыка» — деревянных шкафчика, всегда украшенных росписью или резьбой. Роспись сандыков распространена больше на юге (Кегейлинский, Кунградский районы), а на севере (например, на Казах-дарье) встречаются старинные резные сандыки с своеобразным орнаментом из треугольников, полукругов, ромбов и других геометрических фигур.

Роспись на сандыках содержит растительный орнамент, в некоторых случаях оригинально сочетающийся с орнаментом «муйиз». На сандыках лежат сложенные одеяла и длинные подушки, а под ними — мешок из шерстяной ткани с одеждой семьи. Лицевая часть этого мешка делается из коврика — «каршыи», самого распространенного вида ковровых изделий у каракалпаков. Около половины встреченных нами во всех уголках Каракалпакии каршынов в качестве главного элемента орнамента имеют «каршыи-нагыс», изображенный на рис. 38 под № 1. Кроме этого, преобладающего типа орнамента каршына, нам встретился ряд другого типа каршынов (орнамент их схематически изображен на том же рисунке), имеющих уже локальный характер. Видимо, при дальнейшем исследовании вскроется их связь с определенными племенами, как это наблюдается у туркмен. По существовавшему у каракалпаков обычаю, все ковровые изделия для юрты молодая женщина изготовляла в родном ауле, в период, когда еще жила после свадьбы у своих родителей, а по приезду в аул мужа украшала ими свою новую юрту — отау. Все опрошенные нами *пожилые женщины* — хозяйки юрт оказывались мастерицами интересовавших нас каршынов и других изделий этого подлинно народного, массового искусства —

ковроткачества. Кошмы, мешочки для чая и других продуктов тоже украшаются орнаментом.

Чтобы завершить далеко еще не полный обзор предметов утвари каракалпакской юрты, являющихся объектом художественной обработки, следует отметить резьбу на дверях юрт. Обе створки двери («ергенек»), состоящие из перемежающихся широких филенок и узких дощечек между ними, обычно покрыты резьбой, орнамент которой, несомненно, может стать темой специального исследования (рис. 39). По своему разнообразию и вместе с тем закономерности локальных различий орнамент дверной резьбы юрт представляет глубокий интерес не только для искусствоведа, но и для археолога и этнографа. Уже сейчас на собранных нами образцах, наряду с влиянием на некоторые типы резьбы орнамента хорезмских узбеков, казахов, можно проследить национальный каракалпакский тип орнамента. Многие мотивы последнего, видимо, весьма архаичны и имеют местные корни, на что указывают параллели и аналогии с археологическим материалом, с обнаруженной в 1947 г. в присырдарьинских районах А. Н. Бернштамом керамикой огузского периода, орнаментированной резьбой и штриховкой, а также с розетками, характерными для стенных росписей Топрак-кала.

Еще более интересный материал для исследования проблемы этногенеза каракалпаков представляют собой вышивки на женской одежде, в особенности на старинном женском головном уборе «кимешек» (см. предыдущую главу), нарукавниках «женгсе», халатах-накидках «жегде» и на подоле и рукавах рубахи старинного покроя — «койлек». Как уже упоминалось, вышивка у каракалпаков, с точки зрения техники, бывает двух типов: выполненная тамбурным швом — на кимешках, женгсе, а иногда на цветных (у молодых женщин) жегде, и сделанная крестом — на рубахах и на большей части жегде; белые (и в том числе старушечьи) жегде всегда вышиты крестом. Население считает, что техника креста древнее и что она характеризует подлинно каракалпакское искусство вышивки. Орнамент этого рода вышивки всегда строго геометрический (сочетание треугольников и геометрических «муйиз»), тяготеющий по своему характеру к вышивке народов Поволжья. Цветовая гамма удивительно нежна и приятна — шелковые нитки окрашены растительными красителями в те же розовый, фишашково-зеленый, золотисто-желтый и черный цвета, которые характеризуют расцветку ковровых жамбау каракалпакской юрты. В настоящее время все виды одежды, которые украшались подобной вышивкой, уже изжиты в быту каракалпаков, но техника эта жива, и вышивка переносится на другие предметы. В колхозе им. Энгельса Кунградского района девушки-каракалпачки показывали нам платочки, которые они вышивают этим же швом (крестом), с сохранением стиля орнамента. Вышивка тамбурным швом на кимешке и женгсе характеризуется большим разнообразием элементов, их вариантов и сочетаний, причем большая часть этих элементов имеет определенные названия. Семантика орнамента связана с животным миром, растениями, рыболовством, утварью юрты и частями арбы. Так, нами зафиксированы названия: «солак» (уже

Рис. 33. Ковровые изделия каракалпакских женщин: 1 — 2 — каршин (лицевая часть мешка для хранения одежды), 3 — 4 — варианты орнамента на каршинах; 5 — есык-кас (коврик, находящийся над дверью внутри юрты)

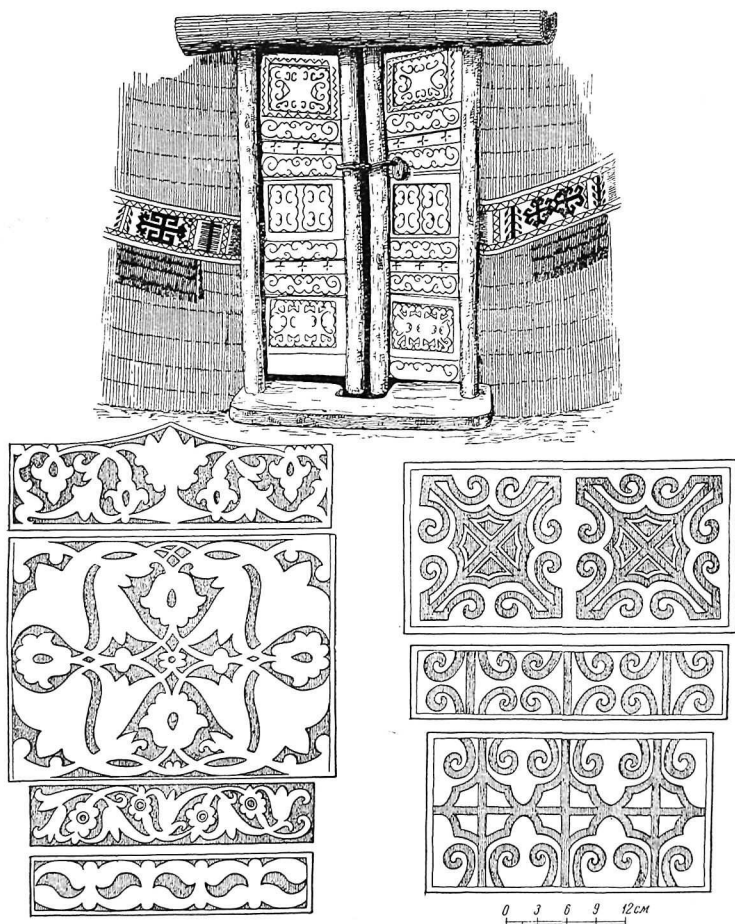

Рис. 39. Резьба на дверях каракалпакских юрт. Резные двери юрты.
Мотивы орнамента резьбы

упоминавшийся выше — часть арбы), «ыргак» (крючок), многочисленные варианты «муйиз» — рогов («тохалак» — загнутые, «кос» — парные и т. д.), «тырнак» (коготь), «кумырска бел» (поясница муравья), «шаян куйрык» (хвост скорпиона), «умыртка» (позвонок), различные виды цветка — «гуль» (в том числе цветок хлопка), «пске кше» — пестик маслобойки и др. Целая группа орнаментальных мотивов носит название «туркмен нагыз» — орнамент туркмен. Действительно, аналогии этого типа орнамента с туркменским можно легко проследить, сопоставляя вышивку каракалпакского кимешека с туркменской вышивкой¹.

Обнаруженные нами в орнаменте каракалпаков (резьба по дереву и вышивка) параллели с туркменским народным искусством представляют большой интерес; в сочетании с упоминавшимися выше легендарными генеалогиями каракалпаков и туркмен, с преданиями о совместных с туркменами передвижениях каракалпаков из присырдарьинских областей, эти материалы подтверждают мнение об этнических корнях культурной общности этих двух народов.

Подытоживая нашу статью, имеющую характер предварительного научного отчета, можно сделать вывод, что в результате четырехлетних рекогносцировочных работ в К.-К. АССР собраны материалы, необходимые для планирования следующего этапа работ отряда — преимущественно уже стационарных, углубленных исследований по разным темам, освещающим этнографию каракалпаков, в первую очередь их современный быт.

Собранные материалы помогут изучить этногенез и историю культуры каракалпакского народа, процесс его превращения в социалистическую нацию, формирование его своеобразной и самобытной национальной советской культуры, новые, социалистические формы быта, которые создались в результате революционной ломки патриархально-феодалных отношений, экономических и политических устоев старого семейно-бытового уклада; следы этого уклада, еще до сих пор частично сохранившиеся в ауле в виде архаических обычаев и традиций, обречены на изживание в условиях колхозного социалистического быта.

Собранные материалы отражают воплощение в жизнь ленинско-сталинской национальной политики партии и советской власти, обеспечивающей приобщение к социализму немногочисленного, но имеющего большое, полное ярких и подчас трагических событий историческое прошлое и богатое культурное наследие трудолюбивого, талантливого и свободолюбивого каракалпакского народа.

¹ См., например, опубликованную Карутцем вышивку на женском халате у туркмен Мангышлака, образцы вышивки туркмен-пухурцев, хранящиеся в Музее народов СССР, и др.